

АНГАРСКИЕ РАССВЕТЫ

Литературно-художественный альманах

Выпуск 5

2025 год

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наши земляки продолжают радовать нас своим творчеством. Перед вами 5-й выпуск литературно-художественного альманаха «Ангарские рассветы». В него вошли стихи и проза 20 авторов. А также вашему вниманию представлена подборка стихотворений из материалов газеты «Ангарский рабочий» прошлых лет.

В этом альманахе мы рады представить вам авторов, которые только делают свои первые шаги в литературном творчестве, и тех, кто уже знаком вам по «Литературной страничке» родной «Ангарки» и прошлым сборникам «Ангарских рассветов». Перед вами люди разных возрастов, профессий, увлечений. И пусть не всегда их стихи безупречны, зато сколько искренности и любви в каждой строчке. Это те слова, что идут от сердца, от души. Слова о том, что близко и дорого каждому из нас: о родных местах, окружающей природе (а в каких удивительных по красоте местах мы живем – знаете сами), о печалях и радостях нашей жизни...

В сборнике вы найдете стихи и тех, кто уже не живет в нашем районе, но не забывает о своей Малой Родине.

Выражаем благодарность всем, кто откликнулся на нашу просьбу предоставить свои стихотворения, очерки для публикации.

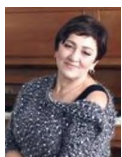
Благодарим за помощь в подборке материалов для сборника, открытии новых имен библиотекарей Мотыгинского района, в издании альманаха – редакцию газеты «Ангарский рабочий».

Желаем авторам творческих будней, интересных и занятных дел, ярких и добрых эмоций, приятных сюрпризов и добрых подарков от судьбы. А главное, быть услышанными и понятыми своими читателями. Пусть ваши строки найдут отклик в сердцах земляков.

Приятного чтения, и до новых встреч!

АВТОРЫ АЛЬМАНАХА

Анонен Виктор, стр. 3
Бабанова Светлана, стр. 25
Белоногов Николай, стр. 29
Домрачев Александр, стр. 35
Егорова Галина, стр. 67
Еримбетова Наталья, стр. 87
Ермакова Ирина, стр. 97
Ерш Галина, стр. 101
Киселев Василий, стр. 104
Киселев Леонид, стр. 123
Лаврова Маргарита, стр. 167
Морозова Наталья, стр. 176
Парамыгин Юрий, стр. 182
Петрушина Анжелика, стр. 187
Рябов Леонид, стр. 195
Саванович Леонид, стр. 203
Семенов Анатолий, стр. 206
Чернявская Ольга, стр. 210
Шукан Ирина, стр. 212
Южалин Валерий, стр. 214

ЛИТЕРАТУРНЫМИ
ТРОПИНКАМИ
ПРОШЛЫХ ЛЕТ, стр 216

ВИКТОР ИОГАННОВИЧ АНОНЕН

«Родился наш земляк в Южно-Енисейске в семье педагогов Веза Павловича и Нины Николаевны Анонен. В 1958 году в Мотыгино начал учиться в первой школе, после окончания ее поступил в Красноярске в институт цветных металлов. Окончил институт в 1974 году по квалификации «горный инженер-механик». Немного работал в городе, но тянуло на родину, и он вместе с семьей, в которой подрастали две дочки, вернулся в Мотыгино.

Неожиданно для себя выбрал работу в сельском хозяйстве, которое в то время крепко стояло на ногах, и стал инженером по сельхозмашинам.

Работа ему нравилась, видимо, как говорит Виктор Иоганнович, сказались гены деда Павла Мартыновича, который был выслан в район в 1931 году.

Следующая запись в трудовой книжке – десять лет в райкоме партии, затем вернулся в сельское хозяйство.

В трудные 90-е, надеясь, что все-таки сельское хозяйство устоит, он был заместителем директора в подхозе «Решающий».

В начале 2000-х пять лет работал в администрации района заведующим общим отделом, в 2008 г. ушел на пенсию. Однако после выхода на заслуженный отдых работал еще три года. Виктор Иоганнович – ветеран труда федерального значения.

Отдав долг родине в трудовой деятельности, он стал заниматься тем, что для него всегда имело интерес: охотой, рыбалкой, домашним хозяйством, живописью и фотографией. Последние два увлечения у него от отца. Он – счастливый дедушка, имеет пятерых внуков...

Виктор Иоганнович благодарен старшему брату и отцу за то, что привили любовь к природе родного края. У брата на столе всегда лежала книга Брэма «Жизнь животных», а слова Дерсу Узала о том, что существа живой и неживой природы – «тоже люди, но в другой рубашке», стали для него путеводными в жизни. Отец научил ценить

прекрасное, а вообще, как считает Виктор Иоганнович, человека лучше всего отражает его книжная полка...»

Наталья **МОРОЗОВА**

*«Цените прекрасное в природе и в себе»
«Ангарский рабочий» от 22 мая 2015 г.*

Живописные работы Виктора Анонена

Слова – ангарские жемчужины

Время идет, и возникают новые формы общения. Особенно это стало заметно с появлением компьютеров, мобильных телефонов.

СМС-сообщения далеки от литературного языка и, увы, беднеет наша речь. Уходят из нее слова, бывшие еще несколько десятков лет назад в повседневном обиходе.

Я ностальгически вспоминаю прелесть их звучания. Уже в прошлом и характерный говор ангарских старожил.

В конце 60-х годов в Красноярске, будучи студентом, я присел на скамеечку к старику лет 80-ти, из соседнего подъезда. Несмотря на свой возраст, он был высок ростом и крепок телосложением. Разговорились. К нашему общему удивлению, мы оказались земляками – из Мотыгинского района.

В свое время он проживал в Денисово, сгоревшей впоследствии деревне. Звали его Александр Алексеевич. Много интересного рассказал он о прежней жизни, и как я жалею, что не записывал за ним.

Разговаривая вполне по-современному, мой собеседник произнес фразу, по его выражению, «по-чалдонски». Пойдя с товарищами заготавливать кедровый орех, он увидел свежий медвежий след, и, чтобы предупредить «свяшшиков», крикнул им: **«Гли-ка-те, гли-ка-те, туто-ка шишкарь ходиу!»**

«У» в конце последнего слова – это не опечатка, ангарцы так и говорили, буква «л» в окончании больше звучала как «у».

Часто можно было слышать, например, такую фразу: **«Ты, паря, вчерась-ту грибы у поскотины набрау или дале где?»**

Связчиком (звучало **«свяшшиком»**) называли товарища, с которым шли вместе на охоту, ехали на рыбалку, занимались каким-либо промыслом. Молодежь сейчас, наверняка, не знает, что такое **«по-скотина»** – это забор, которым огораживали поля или деревню, чтобы сохранить посевы от потравы скотом (вот написал **«от потравы»** и подумал, что надо объяснить, это означает – от поедания).

Кстати, по народной этимологии, чалдонами называли выходцев с Чала и Дона. Но, по утверждению Енисейского энциклопедического словаря, это не соответствует действительности, так как чалдоны в массе – выходцы с севера европейской России.

Я помню то время, когда в деревнях некоторые хозяйственные постройки, а то и старые дома были крыты drankой. **Дранка** – это

доски, только не пиленые, а «драные» (колотые) из бревна с помощью специального инструмента, внешне похожего на крепкую косу.

У многих домов, да и учреждений была сделана **коновязь**. Около учреждений это два вкопанных столбика с перекалиной, около домов – прибитое к столбу ворот кольцо. Ведь если лошадь (а она была основным транспортом) привязать, например, к забору, то в ожидании своего хозяина она его испортит – погрызет. Еще даже в 70-х годах, когда я начал работать в подсобном хозяйстве «Решающий» инженером по сельхозмашинам, за мной для разбегов был закреплен конь по кличке Орлик, имевший горячий нрав, и о котором у меня остались самые теплые воспоминания.

Сейчас сено убирают с полей, применяя все чаще различные прессы, и рулоны хорошо укладываются в кузов, но иногда можно видеть на машине (раньше на конных санях или телеге) воз, и тут уже не обойтись без бастрика.

Бастрик – это ствол дерева, чаще всего березы, которым сверху, с помощью веревок, прижимают сено, иначе воз просто развалится. Мальчишкой я помню, как по Партизанской улице зимой шли в сторону совхоза длинные обозы с сеном, лошади и возчики – в куржаках инея.

Когда весной днем начинало пригревать солнышко, появлялась такая проблема, как **проступь**. Дело в том, что конные дороги зимой не чистились, просто натапывались; днем, с наступлением тепла, они становились мягкими, и лошадь начинала глубоко проваливаться. Съездить по делам можно было только утром по приморозку.

Во время случавшихся затяжных летних дождей-сеногноев можно было услышать, как кто-нибудь вздохнет и с сожалением скажет: **«Морошно»**.

На реке сейчас не встретишь неторопких деревянных лодок местной постройки. По воде с ревом проносятся дюраль и пластик различной конфигурации. В ангарских деревнях делали **шитики** – лодки, «сшитые» из еловых досок, **долбленки** – выдолбленные из цельного ствола осины, который затем «разворачивался» над костром. Сделать это мог сделать только хороший мастер. Были и маленькие деревянные лодочки, сделанные одним из этих способов – **стружки** на одного или двух человек, гребли с помощью двухлопастного весла.

Охотники брали с собой в тайгу только проверенных собак, а от которых толку в лесу не было, избегаались, говорили: «У них **тям**у нет».

Охотничьи участки назывались **ухожьями**. Широкие деревянные лыжи – **голицами**. Подбивались лыжи **камасом** – шкурами с ног лося, оленя или коня. Для бесшумного скрадывания зверя по насту на лыжи надевали чехлы, сшитые из мягкого меха, например, собачьего. Назывались они **манокшами**. Сейчас весенняя охота по насту запрещена.

Как-то, будучи в Красноярске, я зашел в спортивный магазин, чтобы купить к своим лыжам **юксы**. Спросил у девушки-продащицы, вызвав у нее полное недоумение, что это такое. Наконец, после объяснений, она продала мне их. Вы ни за что не догадаетесь, как сейчас называются юксы. «Ремень носковый» – прочитал я на этикетке. И кому не понравилось прежнее название, которым пользовались, наверное, сотни лет?

Уходят в небытие и названия самых прозаичных вещей. Однажды, собираясь в лес, я стал надевать сапоги с портянками. «Деда, а ты зачем на ноги тряпки наматываешь?» – спросил меня мой городской 15-летний внучок.

В этой статье я упомянул только несколько слов, бывших в употреблении совсем недавно.

В нашей районной библиотеке есть словарь Г.В. Афанасьевой-Медведевой, называется он «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири». Есть в нем слова, выражения и даже фотографии старожилов Нижнего Приангарья, в том числе из нашего района. Меня поражает огромный труд создателей 20-томного словаря. К сожалению, в библиотеке имеются только три тома.

Многие слова, как вещи и как люди, уходят из жизни, появляются новые, в большей части нам, старшему поколению, непонятные. И когда вдруг услышишь или прочитаешь полузабытое старое слово, на душе становится теплее.

Мой отец

Собираясь выйти из дома на улицу, я часто присаживаюсь на маленький детский стульчик: с него удобно обуваться. Когда предлагаешь стульчик гостю, он обычно всплескивает руками и говорит: «Ой, я его раздавлю!» - настолько тот миниатюрный и хрупкий на

вид. Приходится объяснять, что стульчик этот служит нашей семье больше восьмидесяти лет, а может, и все сто. Мастер делал.

Сидя на этом стульчике, в 1931 году приехал в ссылку на Ангару из-под Ленинграда со своими раскулаченными родителями семилетний финский мальчик Веза. Этот мальчик, ни слова не знавший по-русски, впоследствии стал учителем русского языка и литературы, Заслуженным учителем школы РСФСР, Почетным жителем Мотыгинского района и отцом трех сыновей, в том числе и моим.

Это Анонен Веза Иоганн Павлович.

С 1931 по 1936 год семья жила в с. Рыбном, снимая квартиру. Через месяц после прибытия, не выдержав лишения, умерла трехлетняя сестра нашего будущего отца, тяжело болел и он.

В 1936 году им разрешили переехать в районный центр, тогда еще не Мотыгинского, а Удерейского района – Южно-Енисейск, прииск Центральный, как его тогда называли. Наш дед – глава семейства – чтобы обеспечить семью, выжить, брался за любую работу, от ассенизатора до конюха. И выжили, дед построил дом, который стоит до сих пор, обзавелся хозяйством. В 50-е годы, уже на моей памяти, двор наш мычал, хрюкал, кудахтал и даже ржал двумя лошадаками – ничем нельзя было вытравить крестьянскую душу нашего деда, Павла Мартиновича, за что он и попал в Сибирь.

Естественно, во всех делах ему помощником был единственный оставшийся в живых из пяти детей сын – наш отец. На работу он пошел в 1943 году, после окончания десятилетки, сначала в заготовительное управление чертежником, но через год его перевели в школу преподавателем русского языка и литературы: учителей не хватало, шла война, а его на фронт не отправляли, как сына спецпереселенца. Новая работа понравилась, но десятилетнего образования было мало, и он полулегально, без паспорта, с мешком сухарей, уехал поступать в Красноярский государственный педагогический институт заочно. Паспорт не выдавали по той же причине, что и не призывали в армию – сын спецпереселенца. Выдали паспорт только в 1948 году.

В Южно-Енисейске наш будущий отец встретил девушку Нину Николаевну Званцову, которая и стала его женой и нашей матерью. Мать также всю жизнь проработала в школе учительницей начальных классов. Общность интересов им, конечно, очень помогла, я помню их разговоры на школьные, педагогические темы у нас дома.

Немаловажную роль в профессиональных успехах отца сыграла наша мама: она на себя взяла большую заботу о семье. Свет в его школьном кабинете, видный из окон нашего дома, часто горел до позднего вечера.

Интересы отца были очень разнообразные. Много времени он отдавал художественной самодеятельности, изучал ангарские говоры и выступал с миниатюрами со сцены. Неоднократно печатался в районной газете с публикациями по истории района, увлекался художественной фотографией.

Отец был знаком со многими деятелями культуры края. Особенно дружил с народным художником России Тойво Васильевичем Ряннелем, который также, как и отец, был сослан с родителями в 30-е годы в наш район. Постоянно общался, переписывался с Р.К. Руйгой – заслуженным деятелем искусств России, заслуженными художниками России мужем и женой Акцыновыми, скульптором В.А. Зеленовым, был знаком с поэтом Р.Х. Солнцевым, композитором Николаем Голосовым, писателями Н.И. Маминым и А.Д. Клещенко. Некоторые из них были в ссылке в нашем районе, а некоторые и его учениками.

Вспоминается мне такой случай: после совместного просмотра кинофильма в нашем районном Доме культуры отец мне сказал: «А вот этот артист был в ссылке в Южно-Енисейске, и он учил меня актерскому мастерству». Фамилию артиста я, к сожалению, запомнил.

Мне думается, что ссылки во время репрессий принесли культуру в Сибирь, как в свое время декабристы.

Нам, своим детям, отец привил любовь к книгам, к чтению. В доме всегда была большая библиотека. У родителей очень много профессиональной, педагогической литературы, журналов, газет; у нас, детей, над кроватями были свои полочки с книгами. Причем, полочки не без помощи отца были сделаны своими руками. По нашему желанию, интересам выписывали газеты, журналы. Это газеты: «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журналы «Юный техник», «Юный натуралист», «Моделист-конструктор», а начиналось с «Веселых картинок» и «Мурзилки». Свежую почту мы ждали всегда с нетерпением. Постоянно пользовались и школьной библиотекой.

Немаловажное значение в воспитании любви к чтению сыграло и то, что отец, иногда по вечерам, а то и на ночь, читал нам книги,

конечно, «с выражением». Особенно запомнилось, как он читал «Вия» Н.В. Гоголя. Было ужасно страшно, и мы прятались под одеялами. Мать при этом (не очень сердито) ругалась на отца: ведь дети спать не будут.

В 9 и 10 классах литературу нам преподавал отец. Переходя к изучению очередного писателя, он иногда читал рассказы или отрывки из его произведений. Запомнилось, как он читал нашему классу рассказы А.П. Чехова: «Налим», «Лошадиная фамилия», «Злоумышленник». Мы, ученики, громко смеялись. Вдруг потихонечку открылась дверь, и мы увидели, что в коридоре столпились ученики вместе с учителями из соседних классов, двери по всему коридору были открыты. Уроки у других преподавателей были сорваны, все слушали рассказы Чехова.

Все наши – трех братьев – хорошие увлечения всегда сразу подерживались отцом. Мы часто что-нибудь мастерили. Заметив это, отец покупал наборы инструментов, гвозди, шурупы, не жалея на это денег. Был у нас и верстак. В школе работали кружки по интересам. Я занимался в столярке, в токарном кружке, даже крутил кино в поселковом клубе. И, конечно, в спортивных секциях.

Всю жизнь отец занимался художественной фотографией. Особенно увлекался пейзажной и портретной. Для портретной фотографии он даже приобрел специальные осветительные лампы. Участвовал в районных фотовыставках, снимки печатались в районной газете и в «Красноярском рабочем». Начиная с «Фотокора», стеклянные пластинки с негативами у меня хранятся до сих пор. Затем появился «Зоркий», который он очень любил, потом «Зоркий-4». Привил он любовь к фотографированию и нам – своим детям.

Когда его спрашивали: «Как вы, Веза Павлович, воспитываете своих детей? Они постоянно чем-то заняты», – отец отшучивался, что ему некогда нас воспитывать из-за загруженности на работе. Он, конечно, лукавил, поскольку всегда поощрял и обеспечивал наши увлечения.

За шалости отец нас никогда не наказывал (от матери-то прилетало), ограничивался разговором, но было доходчиво. Помню, в свои шенячьи годы я вместе с закадычным другом, соседом Серегой пробовал курить. Пускали дым, поплеывая, – нам казалось, что так мы выглядели мужчинами. Поскольку у нас в семье никто и никогда не курил, я сразу был разоблачен. Отец спросил: «Ты куришь?» Немного посопев, я вынужден был признаться. Тогда он спокойно сказал: «Витя, я тебя прошу

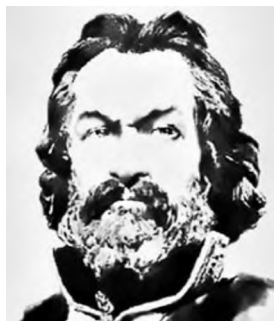
– сейчас не кури, а когда вырастешь, тогда и примешь решение, что с этим делать». Разве мог я не выполнить просьбу отца? А когда вырос, насчет курева подумал: «А мне это надо?»...

Помню только единственный его подзатыльник. Мы со старшим братом, как обычно, легли спать в своей комнате, но раздурились и стали кидаться подушками. Родители безуспешно нас призывали к порядку. Мы продолжали. Тогда зашел отец и дал нам по крепкому подзатыльнику. Мы успокоились.

И в наши зрелые годы мнение отца по семейным вопросам всегда было для нас определяющим. Мы, братья Анонен, благодарны родителям: они дали нам жизнь, воспитали, дали образование. Низкий поклон их могилам. Не стало отца в январе 2010 года, но судя по сохранившимся теплым благодарным письмам его учеников, жизнь была прожита не напрасно. Мать покинула этот мир еще раньше.

Держу в руках трудовую книжку отца. 64 года общего трудового стажа! В том числе 49 лет на педагогической работе в школе, 14 лет лектором-экскурсоводом в Мотыгинском краеведческом музее. 63 года отдано просветительской работе в нашем районе. Я думаю, что для профессиональной деятельности отца подходят слова Конфуция: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». С Николаем Спафарием по Верхней Тунгуске

В 17 веке, в 1675 году царь Алексей Михайлович (отец Петра Первого) отправил послом в Китай Николая Гавриловича Спафария, молдавского ученого, дипломата, писателя, который с 1671 года находился на службе в России переводчиком Посольского приказа. Полное его имя – Милеску Николае, годы жизни 1638-1708. Он не был первым послом в Китай, первым был И. Петлин в 1613 году, вторым - Ф. Байков в 1654.

До Сибири, города Тобольска, из Москвы все три посла шли одним и тем же путем, только в разные годы. Байков затем поднялся по Иртышу и через Монголию ушел в Китай. Петлин и Спафарий пошли по Оби. Петлин свернул к Томску, Абакану, затем через Монголию в Пекин. Спафарий же продолжил путь к Енисею и через притоки Оби и Енисея ушел в Енисейск. Он решил до Байкала подняться по Ангаре, а оттуда пройти в Китай.

Спафарий вел подробный путевой дневник, что меня и заинтересовало. Еще около десяти лет назад я выписал опубликованный дневник из краевой научной библиотеки, и мне его выслали на короткое время. Сейчас его можно найти в интернете.

Посол выбрал путь по Ангаре, хотя не мог не знать о его опасности из-за бурных порогов. Надо сказать, что раньше Ангара называлась так только в верхнем своем течении, что по версии писателя и краеведа Жореса Трошева в переводе с бурятского означало «пасть зверя». Надо думать, опять же из-за страшных порогов. Сейчас они закрыты водохранилищами ГЭС.

В нижнем же течении Ангору называли Верхней Тунгуской. Если обратиться к документам, то об этом свидетельствует первая сводная карта Сибири «Чертёж всех сибирских городов и земель», составленная картографом того времени Семёном Ульяновичем Ремезовым в 1698 году. Интересно, что на этой карте можно увидеть и нашу Рыбную речку, название сохранилось с тех пор.

Меня заинтересовало, что изменилось за три с половиной века на Ангаре в пределах границ нашего района от Енисея до устья речки Каменки, впадающей в Ангару, какие, и где были населенные пункты, их названия, названия речек.

Открыв перед собой современную лоцию Ангары, предлагаю читателям подняться по реке вместе с послом. При этом надо учесть, что он правый берег называет левым, а левый – правым, а не наоборот, как принято сейчас. По мере продвижения экспедиции Спафария, а шёл он в сопровождении 150 казаков на лодках «дощаниках», я позволю сделать свой комментарий к его путевому дневнику.

«А река Тунгуска течет направо и впадала в реку Енисей. А меж Енисея реки, где ея устье, остров. А меж Тунгуски и острова деревня Стрелкина, от острова версты с четыре. А не доезжая устья Тунгускаго под горою большою быстреть великая. И в том месте камень великой, а называют его Бык И от того места итить рекою Тунгускою до порогу Стрелочного версты с четыре.

Июля в 21-й день. Приехали на Стрелочной порог, а того порогу пол две версты. И в том месте камня по всей реке великие, и вода зело быстра, и волны великия от камня; толко есть неболшия порожия места, где камней нет, и в те места дощаники проводят канатами великими и бечевом и человек с 50 и больше. А как тот порог пройдешь, и посередь Тунгуски реки остров каменной неболшой».

Мы знаем, что населенный пункт Стрелка существует и сейчас, на месте и упомянутые послом острова. Дощаник — плоскодонная лодка, «сшитая» из досок. Ещё не так давно было много лодок ангарской постройки — «шитиков», как их называли; были и долбленки, но у них другой способ изготовления.

В версте примерно 1070 метров. Пол две версты, я полагаю, что это две с половиной версты.

«На левой же стороне речка Блохина, от Быка три версты, и на той речке промышляют соболи».

В указанном месте действительно есть скала, в лоции она обозначена как гора Высокая, на месте и речка Блохина.

«На той же стороне гора каменная зело высокая, а называют ее Бык Татарской. А та гора идет на версту, и под той горою быстреть великая, и естли бы в том месте не было паруснаго погоды, и то б место кроме великого завозу и бечев поднятая никакими мерами невозможно; от речки Блохины четыре версты, А на другой стороне реки Тунгуски горы великия ж. На той же стороне реки Тунгуски речка Татарская, а меж той речки, где впала устьем в реку Тунгуску, два острова; и впала та речка двумя устьями, от Татарского Быка с версту».

На лоции обозначены тянущаяся вдоль берега скала Татарского Быка, а под ним шивера Татарская. Немного выше устье реки Татарки с островом, который разделяет её на два протока, как и отмечает посол в своем дневнике.

«На той же стороне столбы каменные великие, от речки Татарской семь верст. А те столбы на полверсты, а называют их столбами для того, что каменья стоят как быть вытесаны».

Эти столбы находятся напротив Новоангарска и обозначены как скалы Шереметьевы Бычки.

«На левой стороне речка Погромная. А напротив той речки на середь реки Тунгуски остров великой Погромной же. А называют тот остров Погромным для того, что на том острове громили тунгусов; от утесных столбов пять верст. А тот остров версты на полторы. Да на той же стороне деревня Плеханова, от острова с версту. А против той деревни остров же великой, и на том острове из той деревни хлеб покивали. А тот остров на пол две версты. А ныне та деревня стоит пуста, для того что в той деревне хлеб стал мало родиться. А стоит деревня на красном месте, на горах великих».

Речка Погромная и остров с таким же названием есть, есть и остров Плеханов, деревни с таким названием нет, да и не мудрено: Спафарий отмечает, что уже в то время она была пуста.

«На той же стороне речка Чорная против острова же верхнего конца. А выше той речки с полверсты деревня Маркова».

Непонятно, какую речку посол называет Чорной? Можно предположить, что это или Залазная или Петрищева, о которой он ничего не пишет.

Черная речка есть, но она находится выше по течению Ангары. Деревни Маркова тоже нет.

«Да посередь речки Тунгуски островов с десять. А называют их Тасеевские. А позади тех островов деревня Печкова. А те острова стоят вместе. А повыше тех островов на правой стороне реки Тунгуски река Тасеева, а течет та река из степи и впадала в реку Тунгуску, а на усть той реки Тасеевы остров. А на той реке Тасееве берут слюду. Да с правая стороны впадала в реку Тасей река Усолка. И в том месте соль варят, а варят соль из Енисейска. А величиною та река будет с Тобол реку, которая течет под Тоболским. А по той реке Тасее есть многие руския деревни».

Напротив устья реки Тасеевой действительно много островов, самые большие из них Сосновый, Плеханов, Погромный, есть и много мелких. О деревне Печково можно только предположить, что на этом месте находится современное Кулаково. Спафарий свидетельствует, что еще в 17 веке на реке Тасеевой добывали слюду (Слюдрудник), а на Усолке «варили соль» (Троицк).

«На левой стороне реки Тунгуски, повыше Тасеева устья с версту, нижнее устье Мурожны речки, а от нижнего устья с версту верхнее устье. А течет та речка из болот и впадала в Тунгуску. А ловят на той речке всякой зверь: соболи, бобры, лисицы, росомахи. А от той речки Мурожны пошли горы каменные зело высоки и круты, и будут они на пять верст. А на тех горах рождаются соколы. А подле тех гор вода течет зело быстро и велики в том месте глубоко. А за теми горами каменными столбы великие каменные и зело высоки».

Интересно, что посол устья рек Большая Мурожная и Малая Мурожная считает двумя устьями одной реки. На шивере Мурожной действительно очень быстрое течение. Согласно лоции оно там доходит до 12 километров в час. Казакам наверняка приходилось поднимать лодки с помощью бичевы.

«На правой стороне Тунгуски остров Еловой, от гор каменных высоких шесть верст. А против острова Елового на левой стороне речка».

Можно достаточно уверенно сказать, что вот это и есть речка Черная. Остров Еловый сохранил своё название.

«На левой стороне реки Тунгуски деревня Белоглазова, от острова пол две версты. На той же стороне ручей, а на том ручье мельница Привалихина, от деревни Белоглазовы полверсты. На правой стороне деревня Пастухова, от мельницы пол две версты».

Если предположить, что мельница Привалихина находилась на речке Ергулейке, то тогда деревня Белоглазова находилась где-то в урочище Ближняя Елань, обозначенной на лоции, а деревня Пастухова – это Денисово.

«На левой стороне реки Тунгуски погост Рыбной, а в нем церковь, а жилых дворов с шесть. А тот погост стоит на горе каменной, а тот камень словоет Крововой для того, что прежде сего бывала драка у тунгусов с русскими людьми, и русские люди, казаки, переимав тунгусов, метали с того камня в воду, и для того тот камень словоет Крововой; от деревни Пастуховы две версты».

Мне не один раз приходилось читать о такой версии ученых историков, что русские при освоении Сибири не завоевывали коренные народы, а ассимилировались среди них и так продвигались на восток. Но так мирно, надо думать, было не всегда. Об этом свидетельствуют названия острова Погромный и Кровавый камень в селе Рыбном. Да еще можно вспомнить картину В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Но вернемся к путеводному дневнику Спафария.

«На левой стороне острова Рыбные, от погосту Рыбного с версту. А в том месте островов с 50 и больше. А те острова стоят, один от одново в недалнем разстоянии, толка их разделила вода. А позади островов, на той же стороне деревня Савы Мокрова, а выше той деревни деревня Колпакова, от деревни Мокрой с версту. А под тою деревнею речка Малышева. На той же стороне речка Рыбная, от речки Малышевой две версты. А подле речки той деревня Носова, а выше той деревни версты с две деревня Панова».

Островов здесь действительно много, особенно если посчитать Мотыгинские и Зайцевские вместе. Что касается названных деревень, то здесь одни предположения. Деревня Савы Мокрова – на

этом месте Бельск? Или располагается в районе речки Савиной? И где была деревня Колпакова, которая стояла на речке Малышева? (Такого названия сейчас не существует). Если Малышева находилась в двух верстах ниже речки Рыбной, то это тогда, вероятно, речка Савина. Устье речки Карнаевки по расстоянию совсем близко от устья Рыбной, и никак не в двух верстах.

Эти размышления натолкнули меня на неожиданную версию: может, устье Карнаевки находилось в другом месте, ниже по течению Ангары? Ведь в 100-150 метрах от берега Ангары в ту сторону идет серия озер, заросших лесом. Может, это старое русло Карнаевки? А ее устье тогда было, скажем, в устье так называемого Сухого ручья? Отчего-то образовался этот небольшой лог, в настоящее время без воды? Тогда речкой Малышева посол назвал Карнаевку? Ведь после путешествия Спафария прошло три с половиной века, много что изменилось.

На речке Рыбной, как отмечено в дневнике, деревня Носова, тогда это Мотыгино? В двух верстах деревня Панова, возможно, это существовавшая еще на нашей памяти деревня Гребень, где еще в школьные годы мы картошку копали, хотя расстояние до нее от речки Рыбной побольше. Но Спафарий мог и ошибиться, ведь спутникового навигатора у него не было.

«На правой стороне деревня Новопащеных, от деревни Панова верста. На той же стороне деревня Полетаева, от деревни Новопащенной две версты, а подле той деревни протока».

Здесь опять непонятно: как деревня Панова, которая была только что на левой стороне Ангары, оказалась на правой? Моя версия: при опубликовании путевого дневника была допущена ошибка, вместо деревни Пастухова (Денисово по моей версии) напечатана Панова. Тогда всё складывается: Пастухова – это Денисово, Новопащенное – Пашино, а Полетаева – это сравнительно недавно исчезнувшая с карт района деревня Зайцево; даже упомянутая в дневнике протока на месте.

«На левой стороне выше деревни Пановой гора каменная, великая. А повыше той горы каменной утес каменной, зело велик и высок, а тот утес на пол две версты».

Здесь Спафарий говорит о нашей природной достопримечательности – утесе Гребень, и это косвенно подтверждает, что деревня Панова – это деревня Гребень.

«Июля 23-й день. На левой стороне камень, а называют его Бык, и в том месте зело быстро; от каменного утесу 13 верст. На правой стороне остров, от Быку с версту, а выше того острова с полверсты два острова. А против островов на левой стороне гора каменная зело велика и высока».

Опять какая-то ошибка: не могла экспедиция Спафария 21 июля быть на Стрелковском пороге, и за два дня пройти вверх по Ангаре больше ста километров. По всей вероятности посол имел в виду Кокуйские острова.

«На правой стороне речка, от островов две версты. А выше той речки с полверсты деревня Мокрая».

А это не что иное, как речка Кокуй и одноименная с ней деревня.

«На той же стороне остров, от деревни Мокрой шесть верст. А выше того острова версты с пол две по правую и по левую сторону горы каменных высоких».

Можно предположить, что это остров Поликарпов.

«На левой стороне камень зело высокой, а называют его Бык Выдомской, и в том месте быстреть великая, и тянули дощаник завозом великим и бечевою. А именуют тот Бык Выдомским для того, что в том месте дощаник попортило и опрокинуло, и пожитки многие потонули у дворянина московского прозванием Выдомской; а шол он по указу Великого Государя в Илимский острог воеводою; от острова шесть верст».

Современное название по лоции – Выдумский Бык, и находится он на другой стороне Ангары, хотя есть высокие скалы и быстрое течение по обеим сторонам реки, что и подтверждает посол.

«А против того Быка на другой стороне каменные зело великия и высоки. На той же стороне речка, от речки пять верст. А от той речки до шиверы Оладыны семь верст».

Надо полагать, это речка Пай.

«На левой стороне шивера Оладына, и в том месте зело быстро и кроме великого завоза и бечевы не подымаются. А называют ту шиверу Оладыною для того, что в том месте дощаник попортило у московского дворянина прозванием Оладын. А шел он по указу Великого Государя в Илимский острог воеводою, и в том месте зимовал для того, что то место не мог пройти за великою быстреною и за малою водою».

Современное название шиверы и одноименной речки Аладына.

«На той же стороне речка Ослянка, от Оладыиной шиверы пять верст, а ниже речки шивера. На той же стороне речка Ослянка ж, от речки Ослянки четыре версты. А говорят те речки Ослянки для того, что в них камни оселки, что ножи точат».

На Нижней Ослянке сейчас стоит поселок Орджоникидзе, который раньше назывался Потоскуй, но посол ни о каком населенном пункте в дневнике не упоминает, значит, его там не было в то время.

«На той же стороне горы каменные zelo высоки. И такой горы от устья Тунгуски реки высокой и великой нет; от речки Ослянки пол две версты».

На лонии это место обозначено как гора Кониный хвост.

«Да против тех гор остров небольшой на правой стороне; а те горы идут до самой деревни Каменки. А от тех гор до деревни Каменки верст с 20.

И на тех горах соколов родится много. На правой стороне бык каменной, и в том месте zelo быстро; от гор высоких 11 верст».

По всей вероятности, это шивера Шунтарская.

«На левой стороне курья, от каменного быка пять верст. На той же стороне деревня Каменка, а под тою деревнею речка Каменка. А по ней промышляют соболи и иной зверь. А та речка вытекла из болот, от Курьи четыре версты. А деревня стоит на красном месте, и место хлебородное».

Действительно, очень красивое место. Вот и подошли мы к восточной границе нашего района вместе с послом.

Николай Гаврилович Спафарий благополучно добрался до Пекина и, проведя переговоры, через три года тем же путем вернулся в Москву. Для царя он выкупил у китайского богдыхана (императора) Кан-Си огромный кристалл темно-красной шпинели (79,7 грамма) — большую ценность по тем временам. С предосторожностями камень довезли до Москвы. При коронации Екатерины Второй эта шпинель, прошедшая всю империю с востока на запад, украшенная вооруженным над нею бриллиантовым крестом, встала в большой Императорской короне. Самый драгоценный камень короны проследовал в свое время и мимо наших берегов!

Известно, что, осваивая новые территории, люди селились в местах, пригодных для сельского хозяйства. Для переработки зерна нужны были мельницы, которые возводились на речках. Возможно, кто-то из старожилов района знает об остатках строений, плотин.

Например, была ли мельница на речке Ергулейке? Ведь и в Мотыгино была мельница на Рыбной речке, есть даже фотография остатков плотины, сделанная примерно в 1960 году. Да название переулка Мельничный, который подходит к этому месту, о многом говорит. Может, кто-то знает о других артефактах, что помогут определить местонахождение исчезнувших населенных пунктов? Ведь всё это — история нашей малой родины. Буду благодарен, если сообщите о них по моему телефону 22-441.

Ангарские были *(невыдуманные истории)*

Это — не анекдоты, а реальные истории, которые произошли еще в прошлом веке и были мною записаны. Мне захотелось поделиться ими со своими земляками — жителями района, в котором я живу с самого рождения.

Не все из них я принес в редакцию газеты. Дело в том, что во многих историях присутствуют «народные» словечки, а заменить их на другие, «печатные» невозможно, теряется «изюминка» рассказа.

В этих миниатюрах я постарался быть в этом смысле предельно аккуртным.

Лошадь тебе – не трактор

В деревне Зайцево жил местный «дед Щукарь» (как в романе Михайла Шолохова «Поднятая целина»), с которым часто что-нибудь приключалось.

Колхоз получил колесные тракторы, и Щукарь, который всегда работал на лошадях, попросился самостоятельно проехать на одном из них. Сел, поехал, но на краю поля, как говорится, не справился с управлением и уткнулся трактором в толстую березу. Трактор крутит колесами, закапываясь в пашню, а дед тянет за руль, как если бы это были вожжи, и кричит с перепугу: «Тр-р-р, тр-р-р!»

Больше руль ему никогда не доверяли, возил воду на лошади из ангарской протоки.

По закону Архимеда

А водовозка была устроена так: бочка лежала на боку на одноосной телеге, а сверху в ней было вырублено квадратное отверстие для

заполнения её водой, которую черпали ведром. Воды требовалось много: и в коровник, и в телятник, а черпать каждый раз двадцать ведер из реки и заливать в бочку – занятие не самое интересное. Водовоз решил: спячу телегу с бочкой конём поглубже в воду, и она сама залетится через верх. Но, видимо, он не был знаком с законом Архимеда, и когда спятил коня, бочка всплыла. Деду не оставалось ничего другого, как залезть внутрь. Бочка, понятное дело, веслами укомплектована не была, вроде как незачем. И вот его несёт по протоке, одна голова торчит, и орёт: «Спасите, помогите!» Хорошо, недалеко два зайцевских мужика с лодки сети проверяли, услышали и отбуксировали незадачливого водовоза к берегу.

Интерес-то остался

За загулявшей собачкой бежит вереница её кавалеров. Легко, прыкивая друг на друга, один за другим перепрыгивают через тепло-трассу. За ними, поотстав, ковыляет старый пёс с вислым ухом, видимо, какой-то интерес у него ещё остался. Попытался перескочить короб теплотрассы, но прыти не хватило, и он повис брюхом на нём, передними лапами с одной стороны, задними – с другой, болтает ими, пытаясь перелезть. Эту картину видит проходящая мимо немолодая пара. Жена: «Вот, Вася, скоро и ты таким же будешь!»

Без обид

Молодой человек осенью собрался сходить на охоту. Оформил необходимые документы, да вот беда: собака у него плохо искала белку, соболя. Решил он попросить собак у знакомого охотника, который по каким-то причинам не собирался идти на промысел.

Пришел к нему и изложил свою просьбу. Тот занимается во дворе, мурлыкает себе под нос какую-то песенку и как будто не слышит, о чем его просят. Известно, что опытные охотники очень неохотно дают своих собак: они отвыкают от хозяина. Поговорив на отвлеченные темы, молодой робко напомнил о цели своего визита. Хозяин собак, не отвлекаясь от работы и продолжая потихоньку напевать, как бы невзначай произнес: «Жену возьми, а собак не дам». Визитер рассмеялся и пошел домой без всяких обид.

Вот тебе!

Было это во время войны, мужики на фронте. Две пожилые женщины рыбачили в островах, ставили сети. И вот одна сеть перестала ловить, куда ни ставь. Тогда рыбачки выбрали её из воды, бросили на берег, потоптали ногами, поплевали и даже... помочились на неё. То есть выразили к ней своё пренебрежение: «Если ты не хочешь рыбу ловить, то мы с тобой так!» И что вы думаете? Сеть исправно стала ловить. Хотите – верьте, хотите – нет.

Гость-то незваный!

Сварщик со слесарем в подсобном сельскохозяйственном предприятии прокладывали теплотрассу по дну глубокой траншеи между котельной и коровником. Длина её была метров 150. Слесарь приподнимал край трубы, а сварщик приваривал её к следующей. В очередной раз, приподняв трубу, слесарь почувствовал, что сзади по ней кто-то идет. «Да кто это ходит по трубам, так тебя растак, тяжело же!» – возмутился он. Не помогло. Оглянулись и обмерли: на них, бороздя рогами о стенки траншеи шел... бык. Бросив инструмент, кинулись бежать. Вылезти из траншеи невозможно, глубина больше двух метров. Сделать это удалось только в конце неё, около котельной.

Чтобы вытащить быка, пришлось экскаватором раскапывать стенку траншеи. Как он туда попал, никто не видел.

Старая фотография

Перебирая старые фотографии, я взял в руки фото с изображением мужчины солидного возраста в плаще и шляпе. Спокойный взгляд с прищуром, тяжелые, натруженные ладони рук. Фотографии уже полвека и автором ее являюсь я сам. Потянулись воспоминания.

В 1968 году, окончив Мотыгинскую среднюю школу, я уехал в Красноярск продолжать образование. Жил в пятиэтажном доме в кооперативной квартире родителей с бабушкой. Между делом стал замечать, что на скамеечке у соседнего

подъезда часто сидел пожилой человек, несмотря на возраст крепкого телосложения и роста выше среднего. Подсел к нему, познакомились. Он назвался **Александром Алексеевичем Романовым** и, что меня больше всего заинтересовало, ранее проживал в деревне Денисово Мотыгинского района.

Мы оказались земляками, и частенько, если мне позволяли занятия, посиживали на скамеечке за беседой. Он охотно рассказывал мне различные истории из прежней жизни. Кое-что я за ним записывал, прийдя домой. Как я сейчас жалею, что записывал не всё! По этой причине не судите строго за некоторую отрывочность изложения. Вот что запомнилось и сохранилось в записях.

Александр Алексеевич сказал, что сам он из чалдонов, очень любил лошадей и поэтому по молодости «гонял ямщину».

Деревенские игры

О родной деревне Денисово рассказал, что она выгорала дважды. После первого пожара жители отстроились, после второго разбежались.

Мой собеседник вспоминал, что в детстве (а это было до революции) они любили играть в спиртоносов и полицейских. Ведь известно, что торговля алкоголем на золотодобывающих приисках была запрещена, но по тайным тропам спиртоносы туда его заносили, а полицейские их ловили. Известным спиртоносом в то время был человек по фамилии Рогов. И, как Александр Алексеевич с улыбкой вспоминал, роль Рогова часто доставалась ему. Он прятался, а другие ребята (полицейские) его ловили. По этой причине фамилия Рогов к нему прикреплалась, и даже когда он стал взрослым, деревенские его часто называли Роговым.

Рассказывал он мне истории, поглядывая при этом на меня с некоторой хитринкой в глазах: мол, хочешь, верь, а не хочешь, не надо.

Байка про борова

Не могла одна баба загнать в стаю уросливого борова. Замаявшись, сказала в сердцах: «Забери тебя леший!». И боров убежал. Как баба не искала его, ни на следующий день, ни через неделю нигде не могла найти. Но деревенские видели его в лесу. Тогда кто-то дал ей совет, и баба пошла в лес, прихватив с собой бутылочку самогона и табаку пачку. Поставила она бутылочку на пенёк, положила рядом

табак и сказал: «Батюшка лесной, пригони борова домой.» Повернулась и ушла. И что бы вы думали? Следом за ней, посапывая и по-визгивая, прибежал одичавший боров. А самогона и табака на пенёчке на следующий день уже не видели.

В избушке

Ещё одна история приключилась уже с моим собеседником в старые годы. Он рассказал ее мне примерно так: «Драл я хмель на острову в Рыбинской курье. За него в Тасеево хлебом платили. За фунт хмеля (0,410 кг) давали пуд пшеницы (16 кг). Дак вот, смотрю, припозднился, а плыть на веслах, ране ведь моторов не было. А тут знакомый рыбацк увидал меня: «Приходи, говорит, ко мне, переночуем вместе». У него была избушка на острову. Надрав ишо немного хмелю в мешок – хмель ить легкий, 18-20 фунтов мешок – поплыл к избушке. Захожу, рыбака нет. Ну, решил я один заночевать. Укался, только стал засыпать, слышу кто-то легонько мне на грудь ложится. Я обмер. Тихонько пощупал – мягко. Тогда дотянулся до спичек, они у меня рядом лежали, чиркнул – нет никого, успел убежать. Дак вот: когдаходишь в чужу избу переночевать, а хозяев дома нет, обязательно нужно сказать: «Батюшка-хозяин, пусти меня переночевать», - и спокойно ложись. Ведь он был-то, домовой!»

Всё это дед рассказывал мне полусерьезно, полушутливо, несколько не сомневаясь, тем не менее, что кто-то ночью к нему на грудь ложился.

Чалдон не пропадѣт

Как-то, будучи еще молодым, мой рассказчик грѣбся на лодке вверх по протоке Окунѣвке. Поднялась низовка (на Ангаре ветер с запада, с востока – верховна). Он быстро причалил, нарубил тальниковых веток что погуще, установил их на носу лодки и его ветром «поташило» вверх. Встречные мужики на лодке переговариваются: «Ну, чалдон не пропадѣт».

Советы и присказки

Ещё несколько советов и присказок от Александра Алексеевича.

- ❖ На муравьиных кучах редко, но встречаются жирные желтые комочки – это муравьиное масло. Оно помогает при болях в мышцах, суставах (втирать). Как увидишь, брать надо сразу,

иначе муравьи уберут его: чувствуют человеческий взгляд. Сохранить его можно только в стеклянной или железной (эмалированной) посуде, из деревянной плошки или туюска уйдёт.

- ❖ На старых, сухих березах в продольных трещинах-морозобойинах, под корой встречаются наросты вроде чаги, но вкуснее, запашистей чаги. При заваривании называются ворга.
- ❖ Для улучшения кучности боя дробового ружья патрон пыжевать лучше осиными гнездами.
- ❖ Для удачливой рыбалки невод, сеть, самолов раньше окуривали богородской травой: рыба её любит, и не любит рыба багульник. Раньше, чтобы выгнать красную рыбу из ям на самоловы, протаскивали на веревке за лодкой веник багульника с камнем: рыба кидается, чумная делается.
- ❖ Когда белка шла (мигрировала) с севера через Ангару, денисовские мужики говорили: «Тот леший нашему проиграл».

В 70-х годах Александр Алексеевич раза два приезжал на родину. Я в то время уже жил и работал в Мотыгино. Отвозил его на лодке в родную деревню Денисово к родственнице, которая жила с сыном в единственном уцелевшем от давнего пожара домике.

На карте района деревни Денисово давно нет. Пока еще стоит осиротевший домик, да название ещё сохранилось благодаря паромной переправе. Вот такие воспоминания навеяла старая фотография. А у Александра Алексеевича Романова было две дочери, внучка, все жили в Красноярске.

Кстати, чалдонами называли старожилов Сибири, первых поселенцев и их потомков.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА БАБАНОВА

«Мой жизненный путь начался в 1969 году в поселке Никольске. Школьные годы, проведенные в Машуковской средней школе, оставили в душе самые теплые воспоминания. Особую благодарность хочется выразить учителям, а в особенности – Кравцовой Любови Ивановне, моему учителю русского языка и литературы. Именно она привила мне любовь к слову, к поэзии, и этот дар я несу через всю жизнь.

После школы моя дорога пролегла в Донецкую область, в город Краматорск. Там я жила и работала до 1994 года.

В 1995 году вернулась на свою малую родину, в Мотыгинский район, туда, где всегда были мои родные и близкие, моя семья. Как точно сказал поэт Николай Доризо, и я, перефразируя, чувствую то же самое: «Давно не бывала я здесь, а сердце тянуло в родные края. Туда, где доньше остались в запасе и детство, и юность моя».

Вернувшись, я поселилась в поселке Машуковка. Здесь я работала, растила своих детей, учила их всему, что знала сама. А в 2019 году моя давняя, детская мечта обрела реальность – я пришла работать в библиотеку поселка Машуковка, место, которое я называю «аптекой для души».

С 2022 года работаю в Межпоселенческой центральной библиотеке поселка Мотыгино. Здесь я продолжаю трудиться и, по мере своих сил, «сеять разумное, доброе, вечное», делаясь с читателями богатством книжного мира».

Прочитанный роман

Я накину на плечи шаль,
Не скажу тебе лишних слов,
Мне сегодня безумно жаль...
Что роман наш с тобой не нов,
Он когда-то и кем-то написан,
Прочитал его кто-то до нас,

Пройден путь, что когда-то испытан,
А теперь, вот и наш пробил час...
Мы пойдем по страницам забытым
В то, что было уже стучась,
Жизнь поделится кубком испитым,
И заманит в обиды и страсть...

Старый бабушкин домик

Старый бабушкин домик с закрытыми ставнями,
Не сияет солнце в окне...

Лишь рябины кисти румяные
Прислонились к прогнувшейся стене.

А когда-то, в далеком детстве,
Ветерок колыхал занавески в окне
И стоял самовар, чтоб согреться,
С чистой скатертью на столе...

Стерло время родные лица,
Словно талой водой по весне.
Лишь ночами все чаще снится
Самовар... С чистой скатертью на столе.

Дочь России

Я дочь России и родного края.
Хоть внучка Белоруссии и Украины я.
Мой отчий дом, от края и до края.
Родная Красноярская земля.
Как не любить места родные?
Те, где бурлит в порогах Ангара.
Мне не нужны края другие.
Милее всех мне Родина моя.
Здесь для меня просторы все родные,
Живет здесь вся моя семья.
И люди, сердцу дорогие,
Которых позабыть никак нельзя.

Сыну

Где-то город твой зажигает огни,
Дома ждут тебя дочь и жена.
Ты возьмешь от машины ключи,
И помчишься, к уюту родного тепла.
А у нас здесь – дыханье тайги,
От мороза звенит тишина,
Для общенья с тобой - телефона звонки:

«Здравствуй, родной мой, ну как ты?... Пока!»
Но когда-нибудь звезды сойдутся,
Вновь поманит тебя Млечный путь,
И для встречи причины найдутся,
К нам позволят тебе заглянуть.
Ты приедешь, я стол накрою,
От мороза согрею теплом,
От тебя свою радость не скрою,
Мы за встречу бокалы нальем!
Пусть печали в вине растворятся,
Отложив все в сторонку дела,
Будем вместе шутить и смеяться
Засидимся с тобой до утра...
Только жаль, пролетит время птицей,
Закружит будних дней суета.
Вновь навстречу тебе помчится
Занесенная снегом тайга.
Будут звезды в небе кружиться,
В свете фар отражаясь слегка.
Я надеюсь тебе дозвониться:
- «Здравствуй, родной мой, ну как ты?... Пока...»

Маме

Тихо ночь в твои окна стучится,
Провожает вечерний закат.
Лишь тебе, моя мама, не спится,
Вдаль ты свой устремляешь взгляд.
Да утра не закроешь калитку,
Будешь ждать долгожданных гостей.
Получила вчера открытку
От своих непутевых детей.
Прожила эту ночь, как пытку,
До утра не смыкая глаз,

Жаль, не выставишь ту открытку
Для молвы людской на показ.
Ты не плачь, мы приедем, мама,
За большим соберемся столом.
Знаю, ждешь ты всех нас упрямо,
Когда в двери твои войдем.
Будет ночь в твои окна стучаться,
Провожая закат от дверей.
Ты простишь и сумеешь дождаться
В дом родной непутевых детей.

Сестре

Я приду к тебе темной ночью,
Ты не спросишь, откроешь дверь.
Я люблю тебя очень, очень,
Ты, пожалуйста, мне поверь.
Мне поддержка твоя как награда
Средь тяжелых и будничных дней,
Я всегда тебя видеть рада,
За здоровье твое – сто свечей!
Пусть в твой дом только счастье стучится,
И не дуют обид ветра,
И со мной ничего не случится,
Если рядом ты будешь, сестра.

Есенину

Я к Вам пишу,
Хоть через много лет...
Хоть Вас уже давно на свете нет...
О чем я? Вы по-прежнему живы,
В наших думах, сердцах и стихах,
И смотрите с портрета
Как прежде красивы
С лучезарной улыбкой в устах.
Вы, наверное, спросите:
- «Кто я?», «Откуда?»
Я пишу из стальной Руси,
Оттуда, где шумят поезда,
Где ночами поют соловьи.
Где прошла Ваша буйная молодость,
Золотая сорви-голова...
Вас все помнят и любят,
И знают все Ваши стихи,
Их с большим интересом читают,
Переводят на все языки...
И еще, я хочу написать в письме:
Вам поставлен памятник,
И не только в Рязани – в душе!

НИКОЛАЙ ТРОФИМОВИЧ БЕЛОНОГОВ

«Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР – пел и поет Олег Газманов – это очень про меня, рожденного в 1965 году в Тувинской АССР (ныне она Тыва) в семье старообрядцев. Окончил Новоангарскую среднюю школу. А дальше все как у всех: служба в армии (морская граница с Японией, о. Кунашир).

После службы окончил физкультурный техникум г. Красноярск и с 1986 года работал с детьми учителем физкультуры в школе п. Новоангарска, а после переезда в Мотыгинских школах № 1 и № 2. Званий и регалий особых не имею, верю и надеюсь на добрую память о себе своих учеников.

Сын, дочь, внуки, внучки и даже правнук. Большая и самая значимая часть жизни позади.

К творчеству своему отношусь как к порождённому свыше недоразумению...»

СЧАСТЛИВЫЙ

Узник – мечтает о воле,
Голодный – о хлебе и щах,
Бедный – о прибыльной доле,
Стиляга – о модных вещах...
Мечтает слепой – о свете,
Богач – о пузатой казне,
Мудрец – о Господнем завете,
Дурак – о волшебном коне...
Мечтает безногий – побегать,

Безрукий – сыграть на трубе,
Алкаш – с утра водки отведать,
Ворюга – что б стырить себе...
Мечтает поэт – о песне,
Певец – о звенящей струне...
Мне же, хоть лопни и тресни –
Совсем не мечтается мне...
Наверное я... – счастливый,
Все у меня, люди, есть...
Счастливый, не будь хвастливый –
Испортишь благую весть.

ЗВЕЗДЫ

Звезды смотрятся в окно,
За окном — темным-темно
Звезды блещут в вышине,
Ночь гуляет в тишине.
Звезды светят, да не греют,
Солнце заменить не смеют.
Но и солнце ведь — звезда,
Без нее нам никуда.

Далеки к нам звезды ночи,
Богов вселенной ясны очи...
Нам они с небес горят,
Да друг с другом говорят.
На дворе — темным-темно,
Звезды смотрятся в окно.
Ночь гуляет в тишине,
Звезды блещут в вышине

ВОЗМОЖНО ЛИ...?

Хочется очень, чтобы
Без двуличия и без злобы,
По добру, по законам чести,
Без зависти и без мести.
По совести, по-простому —
Чтобы мир каждому дому.
Без обмана и хитрой лести,
Чтобы рядышком, чтобы вместе.
Чтоб душевно, чтобы красиво —
Не фальшиво и не спесиво,
Без коварства и без гордыни,
Но, возможно ль такое ныне?

СНЕГ

Заметает снег следы,
Засыпает снег сады,
Пеленает, укрывает
Придорожные кусты.
Все тропинки, все мосты,
Где гуляли я и ты

Замело и завалило.
Где же, где же, где же ты?
Зимы охранные посты
Обойду за три версты,
Все преграды я мину
Твоей ради красоты.

ПЕСНЯ ДЕТСТВА

Где-то, где-то, где-то —
Ромашковое лето,
Туда бежит река
И катят облака.

Где-то, где-то, где-то —
Песня детства спета,
Там тёплая река
Купает облака.

Где-то, где-то, где-то —
Есть ключик от секрета,

Ответь, прошу, река,
Скажите, облака.

Но нет на то ответа —
Куда уходит лето,
Куда спешит река,
А с нею облака.

И пусть давно пропета
Песня детства где-то —
Другая пусть рука
Погладит облака.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Я люблю тебя, пёстрый сентябрь,
И язык твой душой понимаю.
Вновь со стаяй твоих журавлей
В синем сне я с тобой улетаю...
Ветер, дождь — всё готов я принять,
Зная, веря, что солнце вернётся,
И тогда нам с тобою опять
Неба даль синевой улыбнётся.
Нам споёт листопад-чародей,
Прошуршит, пролепечет, прошепчет,
Что немного осталось людей,
Кому мог он доверить свой трепет.
Грусть-печаль пропоют журавли,
Клином, ниткой — в далекие дали.
Если б все мы понять их смогли,
Тогда вряд ли по ним бы стреляли.
Я люблю тебя, друг мой сентябрь,
И язык твой, братан, понимаю.
Тебе вслед уже плачет октябрь,
И его я смиренно встречаю...

АНГАРЦЫ

Ангарцы – народ упорный,
Упёртый, порой упрямый.
Себе на уме, непокорный,
Непробиваемый самый.
Нами рулить непросто.
Нас обтесать – проблема.
Ангарец – он не по ГОСТу,
Свободолюбивое племя.

Званому гостю – с поклоном,
Пришлому «с ветру» – с прохладой.
Веками таким законом,
Смекалкой, трудом да отвагой.
Дай Бог, господу рулевые,
Вам новых постов и высот.
Для вас не свои мы, чужие,
Ангарский, таежный народ!

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ

Машины, машины, машины!
Шуршат и шипят ваши шины,
Рычат и чадят их моторы –
Заторы, заторы, заторы...
Народу, народу, народу
И в солнце, и в непогоду!
Как будто конец мироздания.
Ни здравствуйте, ни до свиданья!
Да как же вы все здесь живёте?
Чем дышите, как поёте?
Вам песня – урчанье мотора,
Ваш город – содом и гоморра...
Соблазн и исчадие ада –
В деревню, на воздух вам надо!
От стрессов своих отдохнёте,
И в город обратно рванёте...

ВЕСНА

Заплутала весна в дороге,
Загуляла в чужих краях,
Ей, красавице-недотроге,
Сладко спится в своих саях.
Робкий март её сон тревожит,
С зимой дерзкою спор ведёт,

Шалый ветер, смеясь, ворожит,
Смуту в сердце моё несёт.
Ах, весна, распутница шальная,
Ты зачем меня лишаешь сна?
Душа моя, насквозь тобой больная,
Без вина, сердечная, пьяна!

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

Когда уйдёт последний ветеран
В небесные заоблачные дали,
Устав от жизни, боли старых ран,
Уйдёт тихонько, чтобы мы не знали...
Не тыловой, не писарь, не штабной.
Не с золотом погон и при медалях,
А настоящий вечный Рядовой, -
В глуши сибирской
или волжских даях...
Не будет ни салюта, ни фанфар,
Он – Рядовой, и не любил парадов.
Быть может, осень будет или жар,
Иль дождь придет,
иль шепот листопадов...
А нам покажут, видимо, Москву,
Салют, фанфары, почесть генералу.
Но я – за Рядового помолчу.
По мне, так он – повыше адмирала!

ВСЁ ПРОЙДЕТ

Было, было – да прошло,
Не жалею...
Солнце за море зашло,
Не жалею...
Пусть по жизни не везет,
Не жалею...
Белым пухом понесет –
С тополей.

Лист увядший закружит,
Не грусти...
Дождик серый моросит,
Не грусти...

Если кто-то не простит,
Не грусти...
Порой разум говорит –
Глупости.

Радость, смех или печаль,
Всё пройдёт...
Пусть порой до боли жаль,
Всё пройдёт...
Расставаний долгих слёзы,
Всё пройдёт...
Ветер-странник твои грёзы –
Унесёт.

ЯНВАРСКИЙ ВЕЧЕР

Хоровод на небе звёздный,
Пятак серебряной Луны.
Январь пожаловал морозный,
С далёкой северной страны.

Из своей сумы походной,
Серебром украсил лес.
Посохом, рукой холодной,
Дотянулся до небес.

Тишина... Лишь под ногами
Снег серебряный хрустит
Да над крышами – домами
Дым печной столбом стоит.

Луна светит, да не греет.
Серебрится всё вокруг.
Дома печь людей согреет
Печка в доме – лучший друг.

Хоровод на небе звёздный,
Пятак серебряной луны.
К нам идёт Январь морозный,
С далёкой северной страны.

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ДОМРАЧЕВ

Александр Анатольевич Домрачев родился в поселке Мотыгино Красноярского края (1967). До 1989 года жил в Бельске, а затем и по настоящее время – житель Красноярска.

Значительную часть своего детства и, как сам говорит, лучшую часть жизни, провел на таежной пасеке Бельского отделения подхоза «Решающий».

Окончил Бельскую восьмилетнюю школу, Мотыгинскую среднюю школу №1 (1984), лечебный факультет Красноярского государственного медицинского института (1990), очную аспирантуру (1992-1995). В 1995 году под руководством профессора Ю.И. Савченкова, проректора по НИР КрасГМА, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по научной специальности «физиология», аналогичной научной специализации академика И.П. Павлова. В 1998-2009 годы свою научную деятельность продолжил в Сибирском филиале ФГУ «Всероссийский научно-исследовательский институт противопожарной обороны» МВД России, в 2009- 2016 годы – в Сибирской пожарно-спасательной академии МЧС РФ.

Является автором более 190 научных работ, включая более 40 публикаций в журналах, включенных в список ВАК (Высшая аттестационная комиссия). Автор монографии «Человеческий фактор и боеготовность оперативных подразделений МЧС» (2011 год; издательство «Наука»), соавтор 21 учебно-методического пособия. Первый автор 21 патента на изобретение, 12-ти рационализаторских предложений. Имеет более 20 внедрений научных разработок. Избран академиком Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы (1999), имеет учёную степень «старший научный сотрудник» (2001). Полковник внутренней службы (2013) в отставке (2016). Научно-исследовательскую работу совмещал с преподавательской деятельностью, имея стаж работы в вузах более 20 лет.

В 2017-2024 годах – заместитель руководителя региональной общественной организации «Общество инвалидов войны в Афганистане – Московский Дом Солдатского Сердца» (г. Москва). Разработчик и соавтор социально значимого проекта «Дом солдатского

сердца». Ответственный исполнитель и соисполнитель более 10 грантов федерального и регионального уровня.

Там – в далёкой от Сибири Москве – в 2018 году и начался сбор и популяризация материалов по истории родного района, края, Сибири. В 2025 году к публикации о районе подготовлено три книги. Ряд публикаций посвящён предстоящему в 2028 году 400-летию Рыбного – первого поселения Мотыгинского района. Значительная часть материала размещена на Дзен-канале, где ждёт своих читателей, критиков, единомышленников: <https://dzen.ru/id/61b4561a63388909ace9d3d9>

Регулярно и с удовольствием посещает родной район. Основным богатством района считает жителей Мотыгинского района, а душой района – остров Поликарпов.

Из материалов газеты «Ангарский рабочий» от 1 декабря, 8 декабря, 5 декабря, 22 декабря, 29 декабря 2023 г., 5 января, 12 января, 19 января 2024 года

То ли правда, то ли нет...

О возникновении названий поселений Мотыгинского района

Всего несколько лет назад столкнулся с толкованием слова «топонимика». Это наука, изучающая происхождение географических названий. Началось это дело с маленького случая.

В ковидном мае 2020 года довелось ехать по автомаршруту «Москва – Красноярск». Проехали час, проехали два, а потом-то скучно: мне скучно, водителю скучно. Радио надоело. И вот недалеко от Москвы через 5-10 км пошли указатели населённых пунктов: «Вожжево 5 км», «Колесово 10 км», «Хомутово 3 км», «Дугино 7 км»... Я сообразил, что в названиях и последовательности деревень есть какой-то топонимический стержень лошадиной сбруи, только на «Хомутово». Это предположение подтвердилось на «Дугино». Тут я уже подумал, что если идти по лошадиной сбруе, и при наличии «Хомутово» и «Дугино», то с дуги к лошади можно вернуться через привязываемую к дуге уздечку. Следовательно, следующий населённый пункт может быть «Уздечкино» или что-то рядом по смыслу. Всё оказалось ещё проще и логично: следующая деревня была «Колокольчиково». Связь была в том, что колокольчики успешно использовались на конских дугах. Вот такой исторический рассказ, не придуманный гидом, получилось увидеть.

Мой адрес – не дом и не улица

Некоторые жители Красноярского края, например, жители родного Мотыгинского района, имеют почтовый адрес, который начинается так: 6634., РФ, Красноярский край, Мотыгинский район... А как возник этот адрес? Как давно? Почему? Почему так называется тот или иной населенный пункт? Не пошли же по пути простого учёта: деревня № 1, деревня № 2, деревня № 3. И адрес в этом случае мог логично выглядеть так: 6634., РФ, Край № 2, район № 9, улица № 6, дом № 12, квартира № 2. Просто гениально!

Мотыгинский район. Как это было

Первое созданное и сохранившееся поселение района – село Рыбное. В рамках освоения территории и для укрепления своих владений в Сибири в 1628 году с территории Енисейского острога, созданного в 1618 году, было начато возведение ещё двух острогов: одного на реке Ангаре – в ста десяти километрах от её устья, т.е. Рыбинского острога, другого – выше по Енисею, Качинского острога, который в настоящее время называется город Красноярск.

Рыбинский острог был нужен для поддержания и обустройства торгового пути между Китаем и Россией, так как река Ангара была составным звеном этого торгового пути. На этом пути торговали продуктами земледелия, животноводства. В больших количествах скупалась и вывозилась пушнина. Из заморских товаров ввозились ткани, стеклянная посуда, табак, чай, бумага.

Движение русского люда на Ангару реализовывалось в рамках разночинства. Разночинцы – это группа лиц российского народа, возникшая из людей разных чинов. Термин появился во времена правления Петра I, в период первой ревизии от 1719 года, использовался в административной практике для обозначения группы маргиналов. Маргинал – человек, оказавшийся вне своей социальной среды; опустившийся, изгой. Это могли быть дворяне, церковники, ямщики, крестьяне, посадские, служилые люди и другие. Ангарские разночинцы – это, как правило, посадский люд Енисейского острога и казаки, не вошедшие в штат енисейского воинства.

Как не посадские и не земледельцы, они платили государству денежный налог, а в отправлении натуральных повинностей участия не принимали. Этот момент важен для понимания того, что среди первых поколений ангарцев знатных людей, а тем более дворян, не

было. Разночинцы в основном селились в уже сложившиеся при тунгусах деревеньки. По списку селений Г.Ф. Миллера и II переписи 1744 г., по Рыбинскому присуду названы деревни: Усть-Тасеевская, Тасеевская, Каменская, Иркинеева, Богучанская, Чадобская, Усть-Кодинская, Белоярская. В последующие десятилетия население росло, главным образом, за счет высокой рождаемости. Так складывался слой старожилов, называемых в XIX веке ангарцами.

Итак, фиксируем: ангарцы – это пришлый на Ангару народ из числа разночинцев, коренные ангарцы – это жители Ангары, имеющие в роду несколько поколений ангарцев, а не аборигены. По III ревизии 1762 года впервые встречаются девять деревень, в том числе Старо-Николаевский Погост, Зырянова, Бельская, Пашенная, Кокуйская, Потоскуйская, Островная, Манзинская, Бузыканова. Однозначно, что четыре населенных пункта по названию и порядку перечисления, а именно деревни Бельская, Пашенная, Кокуйская, Потоскуйская – это населенные пункты сегодняшнего Мотыгинского района.

С сайта «Энциклопедия Красноярского края»: «... К началу XIX в. – с обустройством Московско-Сибирского тракта – экономический и политический центр Приенисейского края постепенно переместился из Енисейска в Красноярск, а население передвинулось на свободные земли, лежащие южнее, юго-западнее и юго-восточнее. Торговый путь в Китай по Ангаре к тому времени утратил свое бывшее значение, и населенные пункты на Ангаре, в том числе, Рыбное, начали слабеть. Однако с конца 1830-х гг., с развитием золотодобывающей промышленности в Южно-Енисейской тайге, эти населенные пункты ожили и значительно расширились, также были основаны новые населенные пункты в Нижнем Приангарье. ...».

Считается, что в период с 1840 года по 1916 год было открыто 710 приисков. Зная такие общеизвестные исторические контуры истории района, теперь интересно посмотреть, а что нам расскажут названия населённых пунктов? Иначе говоря, рассмотрим топонимику населенных пунктов района.

Населенные пункты Мотыгинского района

По данным Мотыгинского районного краеведческого музея населенных пунктов в районе 22: Мотыгино (4936 человек), Раздолинск (2263), Орджоникидзе (1383), Новоангарск (1307), Первомайск (936), Кулаково (822) Машуковка (631), Южно-Енисейск (606), Партизанск (374), Кирсантьево (347), Рыбное (344), Бельск (283), Слюдрудник

(150), Решающий (74), Татарка (73), Пашино (40), Чистяки (31), Устье (16), Кировский (14), Никольск (9), Кандаки (0), Бурный (более 70 человек). С начала перестройки в районе прослеживается ситуация к снижению численности населения.

Данные музея уже устаревшие не только по численности населения, но и по составу. Так, поселок Партизанск ликвидирован юридически, а всех людей переселили.

Где-то мне попадалась цифра, что, начиная с 1628 года – года основания Рыбного как первого поселения района – на территории района закрылось около 300 населённых пунктов. Как-то в эту цифру не верилось. Потом попалась другая цифра по прошлому веку, а именно, в период 1950-1982 годы («Ангарский рабочий», № 120-121 от 07.10.1982 г. М.В. Котенев, «Путь в шестьдесят лет»). «... Если в 1950 году было в районе 78 населённых пунктов, то теперь их 23».

На 2020-е годы можно считать, что бесперспективны ещё шесть посёлков из 22. Плохая динамика выживания прослеживается ещё для 2-3 поселений. Так что суть процесса не изменилась: численность поселений снижается.

Об этимологии и топонимике названий населённых пунктов Мотыгинского района

Как правило, при историческом описании содержательная часть, связанная с названиями населённых пунктов, опускается. Хотя порой именно названия населённых пунктов, речек, ручьев, родников, долин, лощин, распадов и т.д. могут рассказать не намного меньше, чем исторический справочник. Впервые об этом услышал от замечательного российского человека Михаила Николаевича Задорнова. После перестройки в России уже не было академиков, равных Лихачёву, так вот Михаил Задорнов с успехом и во многом этот пробел восполнял.

Этимология –отдел языкознания, изучающий происхождение слов, а также само происхождение того или иного слова. Одним из наиболее интересных этимологических фактов в Красноярском крае является происхождения названия речного порта Игарка в Енисейском заливе Туруханского района. Оказывается, что в свое время там была охотничья избушка эвенка, который при крещении получил имя Егор. Звали его Егорка. Произносить это слово через «е» неудобно, через букву «и» произносить проще. Так и получилось, что населённый пункт, возникший вблизи избушки эвенка Егорки, стал именоваться Игарка.

Элемент топонимики в отношении «Егорка – Игарка» позволяет предполагать, что освоение Сибири шло в рамках вовлечения местного и пришлого населения в решение государственных задач, а не в реализации пришлым в Сибирь людом имперского подхода. В последнем случае всё переименовывалось бы, звучало непонятно, непривычно, принося кучу неудобств. Например, можно ли переучить китайских торговцев и местных эвенков новым названиям? Конечно, нет. Пришлый люд брал существующие названия, мог для собственного удобства вводить вторые названия, которые, кстати, не всегда сохранялись. Едешь, особенно, если не за рулём, и можно погрузиться в события прошлых столетий. Например, выехали из Красноярска Енисейским трактом, и понеслась тебе история края машинной времени: деревня Бадалык, деревня Таскино, река Бузим, село Миндерла, р. Шила, р. Бартат, р. Муртушка, Большая Мурта, Малый Кантат, Большой Кантат ... Не ты по трассе едешь, а воинство местных князьков под эгидой монголоидов мимо тебя скачет, и некогда им тобой заниматься – они между собой бьются...

Всё, что было в этом рассказе до этого места – это просто присказка, а сказка тихая и спокойная – это про названия населенных пунктов Мотыгинского района. Есть ли в названиях история? Сколько её там? Много или мало? Мне кажется, что достаточно много, и этот момент, как правило, во всех описаниях и повествованиях опускается. Наверное, зря это делается. Баек здесь столько, что не перебаять, а мы по ним кратенько! Это и есть наше повествование.

Мотыгино

На снимке 1934 года чернилами написано: «Вид Мотыгино с северо-западной стороны».

Место расположения: центральная часть района, правый берег реки Ангары. Дата возникновения – первые годы после создания Рыбинского острова. Первое упоминание – в 1675 году. Николай Спафарий, вновь назначенный посол Московии в Китае, проезжая торговым путём по Ангаре в Китай, составил описание своего путешествия. В нём он описывает деревню (по фамилии старосты?) Савы Мокрова (Бельск), потом деревню Колпакова при речке Малышева и деревню Носова при речке Рыбной.

Чтобы получить правильные результаты, надо помнить, что современная верста, приравниваемая к 1 км (1 км = 1000 метров, 1 верста = 1067 м), это верста, введённая при Петре I, как расстояние, равное 500 саженим. А на тот момент, когда Спафарий упоминает версты в своей книге, верста равна 1000 саженим, или 2134 метрам. Если вымерять эти расстояния по космокадрам, то получится, что речка Малышева – это Савинский ручей, который очень обмелел в 1960-е годы по причине ближних тогда лесосек Мотыгинского ЛПХ, и поэтому как речка не воспринимается. Где-то при речке и вблизи реки Ангары была деревня Колпакова. А вот деревня Мокрая – это современный Бельск. *(Доказательство этого сделано в выпуске фотожурнала № 3 «Жизнь у белой скалы» за 2023 год, размещено в Дзене – авт.).*

В 1955 г. село Мотыгино становится административным центром Удере́йского района с центром в Южно-Енисейске. В 1963 г. район меняет название – он становится Мотыгинским.

Причина возникновения – освоение территории Ангары как торгового пути в Китай. Численность населения: 1939 год – 2075 человек, 1989 – 7985, 2002 – 6730, 2012 – 5863, 2020 – 4936.

Этимология названия однозначно спорная, и вот почему.

Предположение № 1. Версия официальная.

В далёкие 80-е годы прошлого столетия в словесной пикировке с однокурсниками я был почти смертельно сражён аргументом о том, что я из Тяпкино. Я не понял, переспросил, и мне объяснили, что Мотыгино – это от слова «мотыга», а мотыга – это тямка, следовательно, я из Тяпкино! Спор запомнился.

По первому приезду с учёбы из Красноярска стал задавать соответствующие вопросы. Интернета тогда не было. Веза Павлович Анонен ещё всю учительствовал в школе № 2 Мотыгино, его очередной выпускной класс состоялся в 1984 году. Музея слышно не

было, но что-то про человека с фамилией Мотыга услышалось. Скажу честно: идея эта мне не понравилась. Не нравится она мне и сейчас. Объясню почему: в России, в царстве Российском, княжестве Российском, т.е. минимум последнюю 1000 лет, всё картографическое дело было связано и привязано к рекам. Берём времена освоения Сибири от Ермака: всё так шло. Основной острог на Енисее как называли? Енисейским. Город потом именовали Енисейск. Все остроги именовали по водным объектам. В современном Красноярске есть река Кача, и первый острог на Каче называли Качинским (1628-1631 годы), потом: Новокачинским (1631-1659 годы), Большим острогом (1659-1690 годы), Красноярском (с 1690 года).

Предположение № 2. Версия добротная.

Возвращаясь к Мотыгино, скажу, что в 2019 году эту тему подняла на моей страничке в «ОК» одноклассница Елена Геннадьевна Виговская. Среди моих заметок есть заметка от 27.08.2019 «Рассказ о Мотыгинской средней школе № 1 и жителях Мотыгинского района». В своих комментариях Елена привела несколько интересных аргументов о несостоятельности теории с казаком Мотыга. Во-первых, следуя этой логике, получалось, что была целая компания казаков – Бык, Гребень, Зарян и т.п. Ошибочность подобного мнения очевидна, поскольку в пределах России населенные пункты местного уровня в историческом плане не получали название по фамилиям. Если и получали, то исторически недавно, и было это связано с героями гражданской или Великой Отечественной войн: Котовск, Чапаевск и т.д. Во-вторых, Елена обратила внимание на объективный факт: недалеко от Мотыгино, на юг от поселка, есть речка Моктыгина длиной 85 километров.

Она впадает в Чуну, Чуна – в Тасееву, Тасеева – в Ангару. Возможно, в названии райцентра просто потерялась буква «К».

И в-третьих, решение заключалось в её логике рассуждения: известно, что многие названия населённых пунктов типа Абакан – это слова, составленные из слов аборигенов. Образованные слова, как правило, короткие – в 2-3 слога: первые 1-2 слога взяты из местного диалекта, последний слог – словообразовательный из русского языка или его вообще нет: Абакан = аба + кан = медведь + кровь = медвежья кровь. Следовательно, длинное слово «моктыгино» можно разбить на слоги и варианты этих слогов можно посмотреть в местном

(эвенкийском) языке. Елена посмотрела! Болдырев Б.В., Эвенкийско-русский словарь: Мока – дикий олень; Тыг – сидеть в засаде; Гина – визжать, скулить (о собаке). Исходя из этих слов возможен вариант: мок + тыг + гино = (сидеть в засаде на дикого оленя с визжащей собакой).

Тут, конечно, можно растеряться, если не знать известный вариант охоты на дикого зверя, запрещенный в настоящее время, но тихо практикуемый, в том числе, и на Ангаре. Два, три-четыре охотника по осени или весне выезжают на реку в спокойную погоду на 2-3 лодках и тихо сплавляются, временами якорясь, посматривая в бинокль и на дно опустевшей рюмочки поочередно... Зверь в тихую погоду «переходит» реку. Он никогда не переходит с ходу, то есть 2-3 дня он отдыхает, а после перехода опять 1-2 дня отдыхает. Подъезд и добыча зверя с реки при выходе зверя на берег в 2-3 ружья – дело несложное. Возможно, «моктыгиние» было еще проще: олени переходят реку – плывут, уставшие, выходят на засаду. Выстрел из лука. Всё удачно: разделывай тушу, грузи мясо и вези рекой домой.

Так этимологическая теория о казаке Мотыге «подвинулась» в сторону и получила себе в соседи «этимологическую теорию Виговской» о сложно образованном русском слове «мок-тыг-гино», возникшем как целая фраза на эвенкийском языке. Известная мне попытка исследования топонимики названий района высказана Виктором Аноненом в статье «Енисей – Ионесси, Ангара – Арама», размещенной на сайте газеты «Ангарский рабочий» 22.05.2015. На мой взгляд, степень проработки вопроса позволяет однозначно говорить о концепции Виговской – концепции аборигенного возникновения слова «Мотыгино».

Раздолинск

Место расположения: центральная часть района, по карте – около 30 километров на север от Мотыгино. Дата возникновения почему-то считается неизвестной. Причина – освоение золотодобывающих приисков. Численность населения на 01.01.2019 года – 2267 человек. Обнаружена единственная версия названия населенного пункта – по названию одноименного зимовья. Зимовье Раздольное.

Что такое зимовье? Зимовье – это место зимовки людей и скота. Зимовье в Российской империи – это название всех мелких населённых мест Туруханского края, кроме лежавших на берегу Енисея.

Некоторые из этих населённых пунктов были населены только во время промысла. Зимовье в Сибири – это название первоначальных поселений русских землепроходцев при освоении Восточной Сибири. Ставились обычно на слиянии рек, в то время единственных транспортных артериях.

Кое-чем о зимовьях могу поделиться из рассказов отца, 1929 года рождения. Во время Великой Отечественной войны он несколько раз был с обозами в Мотыгинском районе. Завоз и вывоз осуществлялся в Мотыгинский район, в основном, в зимнее время санно-конными обозами. Имели они упорядоченный характер. Обоз мерили по числу саней. Средний обоз – это 30-50 саней. Если возьмем 30 саней в обозе, то коней было 32-36. На одни сани должен был быть один возчик. Опытным возчикам разрешалось иметь до 2-3 саней, и вот эти возчики брали мальчишек в помощники – своих детей или сторонних. Вот таким сторонним помощником и был отец в обозе. Работа возчика – это постоянная забота о тягле, амуниции, санях, грузе. Что показалось интересным, так это принцип однодневного перехода в 20-25 км, то есть через каждые 20-25 км должен быть населенный пункт, в исключительных случаях – зимовье. С переходом на автосообщение многие населенные пункты района, прежде всего, по Тасеевой, потеряли свое ключевое для жизнедеятельности назначение зимовий и захирели уже к 1950-1960 годам. Те поселения, что были связаны с вновь образованными леспромхозами, выжили и расцвели.

Дорога была привязана к реке: летом – по берегу реки, зимой – по льду. Итак, дороги Мотыгинского района, – идущие у реки. Надёжность – никакая. Сколько их было, этих поселений, точно никто не знает. Надо смотреть архивы. Сколько километров между Мотыгино и Раздольным? Сейчас 32 км, в 70-е годы было 35 км, то есть два дневных санных перехода, горок там хватает: сопка на сопке. Поэтому перегоны короткие. Смотрится местность красиво, как Бог поиграл. Берём маршрут Мотыгино – Орджоникидзе. Это 79-80 км, то есть четыре дневных санных перехода. В конце каждого дня пути, то есть через 20-25 км, стояли зимовья. Ищите по карте, спрашивайте у старожилов, охотников, и все они найдутся.

На зимовье всегда должен быть один жилой дом, конюшня, навесы, сарай. Даже для одного обоза конюшни не хватало. Коней заводили в сарай, под навесы. Широко использовались попоны.

Важно было, чтобы закуржавленная (покрытая инеем) за день лошадь в течение первого часа согревания была протерта, обчёсана, чтобы шерсть к утру обсохла. Если прихватывали сильные морозы, то лошадей в конюшне и под навесом забрасывали сеном, соломой. Работы в обозе много. Руководил работами начальник обоза, у него могло быть два-три помощника. Расстояние в конном обозе между санями – 20-30 метров. Считаем 25 метров на 30 саней, получаем длину обоза в 750 метров.

Возможности коня немного регулировались массой груза. В среднем масса груза на одни сани была примерно одинаковой. Именно это одно грузо-сани-место и оплачивалось государством. Брала в обозы крепкие сани, крепкого коня, крепкого возчика. Платили хорошо. Это была выгодная работа для крепкого хозяина, и называлась она «пойти в обоз». Лошади, которые сами поменьше или силы поменьше, выставлялись в начало обоза. Они в гору стараются выйти, что называется, с разгона. Основная проблема в обозе – это спуски. Иногда в разовом переходе на длинных крутых спусках практиковалось слабых лошадей ставить поочерёдно перед сильными. Сани слабой лошади веревками, а чаще запасными вожжами, привязывались к гужам сзади идущей сильной лошади. Если слабая лошадь не удерживала воз под гору и срывалась, то вторая и более крепкая лошадь помогала удержать. Возчики помогали тормозить. Сами они не тормозили сани, а держали коня под уздцы. В длинных склонах на подъём (называли тенигус) хозяин нескольких саней мог часть груза перекинуть более сильной лошади. А ведь это всё было на морозе.

В общем, нюансов много: закончился переход, надо распрячь лошадей, прочистить им копыта, дать сена, подсушить хомут и сбрую, чересседельник, что-то подремонтировать. Только через 3-4 часа можно поить лошадей, потом надо задать овёс, ночью проверить попону: не свалилась ли.

Ранним утром опять задать овёс, напоить, обиходить груз и сани (обмести от снега, изморози; оббить полозья, перетянуть веревки, удерживающие груз и т.д.), запрячь. А ведь надо самому высушиться, отдохнуть, еду горячую сварить – впереди весь день на морозе. Днём следить постоянно за упряжью, грузом, раскатами дороги, очищать лошади ноздри и глаза от ледышек. Ходили обозами во время войны от Канска, т.е. от ближайшей железнодорожной станции.

Вот схема завозов товара в район в конце 19 века из статьи Натальи Шишкиной «История купеческих семей Башуровых и Сусловых в истории Мотыгинского (Удере́йского) района Красноярского края»: «Зимой товары привозили на лошадях через села Сметанино, Тасеево, а летом – на илимках, которые тянули по берегу бичевой, по воде – на веслах. ... Основной товар, которым торговал Башуров – высококачественная мука крупчатка, которую завозили из села Тасеево. Соль, базарные чулки, сахар и многие другие товары первой необходимости можно было найти в лавке прапрапрадеда. Зимой он возил товары на прииск Гадалова по зимнему тракту из Стрелки через Кулаково, Сметанино, Денисово, Рыбное, Асташевск и дальше в тайгу. По этому тракту потоком шли обозы с грузом для приисков: продовольствием, фуражом, промышленными товарами. Позднее была проложена так называемая Климовская дорога, которая непосредственно связывала Стрелку с Южно-Енисейскими приисками. Эта дорога начиналась от «Климовской резиденции» – трех деревянных изб, построенных на правом берегу Ангары против поселка Стрелка. Состояла она из нескольких перегонов: первый, от Климовского зимовья до зимовья Рассоха, равнялся 39 верстам; второй – от Рассохи до зимовья Татарка – 20 верст; третий – от Татарки до зимовья Сухая Половина; четвертый – от Сухой Половины до Подголечного зимовья – 18 верст; пятый, самый длинный и самый трудный, от Подголечного зимовья до прииска Александрo-Ивановского (ныне поселок Южно-Енисейск)».

Заглядываем на сайт МБОУ Раздолинская СОШ имени Героя Советского Союза Фёдора Тюменцева. «Из истории поселка. Зимовье Раздольное. Далекий путь от сел и деревень, входящих сейчас в Тасевский и Дзержинский районы, до Пита через Мотыгино, если совершается на лошадях по зимней дороге, которая то и дело перемещается выюжным ветром. Целый месяц были в пути ямщики, совершая свой трудный путь от Пита и обратно. На Пит везли хлеб (зерно), сухой картофель, сало, а обратно – золото и пушнину. Несколько раз в пути делали остановки, чтобы отдохнули лошади, погрелись люди. Хороший отдых был на зимовьях Машуковки, Денисово, Мотыгино, Копьевска, но больше всех ждал ямщик, когда покажется одинокий домик зимовья Раздольного. Домик с широкими нарами, железной печкой, с большим деревянным столом посреди избы всегда был рад гостям. Только тут ямщик мог себя чувствовать

как дома. Нет той тесноты, которую испытывали по дороге. Одно слово – раздолье. Позднее и получил наш поселок название от ямщиков Раздольное, а теперь носит имя Раздолинск».

Известно, что из Раздолинска во время Великой Отечественной войны по зиме вывозили обозами сурьму. Летом возили рекой. Сурьма шла на производство твердого свинца. Закончилась раздолинская сурьма – в дело пошёл раздолинский периклаз, который идет на создание огнеупорных сплавов, используемых от бытовых утюгов и электрочайников до космических кораблей. Вот так что-то когда-то увезенное из Раздолинска возвращается на свою родину. Кстати, есть такой термин: золотосурьмяная промышленность. Это связано с тем, что, по мнению некоторых геологов, если в породе есть сурьма, то золото рядом есть точно. Если есть золото, то сурьма может быть рядом. В общем, золото без сурьмы бывает, а вот сурьмы без золота – не бывает.

На фактическом материале покажу, как реальное состояние дел может расходиться с придуманно-написанным, в том числе и в части официально признаваемой версии. На самом деле с возникновением такого именованного поселения всё просто. Все этимологические концепции возникновения названия населённого пункта Раздольный под корень «срубил» наш земляк Сергей Зайцев из Мотыгино. Чётко и просто он представил известный ему факт: по заявке купца Тарасова 06.10.1877 года в городе Енисейске зарегистрирован прииск Царскосельск. Вот вам и дата возникновения посёлка!

Позднее – в 1922 году – прииск был переименован в прииск Раздольный. Почему? Да, видимо, в постцарские времена название «Царскосельск» было не революционным. Это раз. Теперь про «два»: на момент переименования прииск имел целый куст приисковых участков. В чём именно было раздолье – не понятно. Возможно, что вблизи не было соседних приисков или соседних участков по этому же прииску. Поэтому всякие байки о раздольном зимовье надо выкинуть с местных сайтов и из головы псевдопатриотов.

В гипотезу раздольного зимовья не поверил сразу и вот почему: идёт обоз в тайгу 2-3 недели – идет от цивилизации в виде железной дороги в районе Канска в таёжную глушь. Глушь всё больше и больше. И тут на тебе – в тайге отличное зимовьё... Это как если я приеду к себе на малую родину – в посёлок Бельск с населением 200 человек, а там гостиница стоит на 2000 мест, стоит лучше и дешевле,

чем корпус «Альфа» московской гостиницы «Измайловская». Может так быть? Нет, не может. Кто будет строить это зимовьё? Кто будет топить, сушить, ремонтировать это просторное жильё? Кто его будет убирать? Функция сибирского жилья проста: человеку надо выжить. Выжить самому и тяглу. Спасибо за информацию, товарищ Зайцев!

Орджоникидзе

Посёлок расположен в центральной части района, на правом берегу Ангары в 83 км к востоку от Мотыгино. Дата возникновения: 1738 г. Экспедиция академиков Гмелина и Миллера (1744 года) в списках нижнеангарских деревень указывает и деревню Ослянка. Ослянка – это и есть сегодняшнее Орджоникидзе.

Причина возникновения: освоение территории ангарского участка торгового пути в Китай. Численность населения: 2010 год – 1526 человек, 2017 – 1383, 2020 – 1302. Данных о численности в период СССР не нашёл.

Этимология названия. Исходное название Ослянка произошло от слова «оселок». Так были описаны невидимые подводные камни в двух ближайших горных притоках Ангары – в Верхней и Нижней Ослянке. Никаких осликов или ишачков не было, как не было и эвенкийского начала происхождения слова «ослянка». Н.Г. Спафарий, русский посол в Китае, проезжавший Ангарой в 1675 году, объясняет это название при Рыбинском остроге так: «А словут те речки Ослянки для того, что в них каменя оселки, что ножи точат». Если брать смысл фразы буквально, то из неё следует, что камни из Ослянки использовались, как оселки. Оселок – это мелкий брусок, который используется не для заточки режущего края, а для «правки» уже наточенного острия. Например, коса при косьбе не точится, она «правится», и правится оселком. Помните такую фразу: «Править мысль на оселке»? Это значит «подправлять» какую-то идею в сторону совершенства. Острота лезвия косы обеспечивается тонким металлом, который формируется из толстого металлического полотна косы при отбивании косы на специальной металлической «бабке» молотком.

История современного Орджоникидзе происходит от Нижней Ослянки, расположенной вблизи Ангары. Как и в большинстве ангарских посёлков, люди стремились поближе к кормилице-реке, а река в виде весенних наводнений стремилась к людям. Вероятно, что

объединенный формат деревни от местных ссыльных позднее получил название Потоскуй. Соседняя деревня прозывалась Погорюй.

Современное название посёлок получил в 1967 году. Считается, что в феврале 1909 года Серго Ораджоникидзе, известный в последующем советский государственный и партийный деятель, был выслан в деревню Потоскуй Пинчугской волости Енисейской губернии, откуда бежал.

Новоангарск

Место расположения: западная часть района; 80 км западнее райцентра по левому берегу Ангары. Дата возникновения: 1978 год.

Причина возникновения: вторая и успешная попытка освоения свинцово-цинкового месторождения в Нижнем Приангарье.

Численность населения: 2017 год – 1364 человека.

Этимология названия. В 1956 году было открыто Горевское месторождение, содержащее более 40 % запасов свинцово-цинковых руд России. Летом 1968 года в эти места прибыл первый десант специалистов в 200 человек из Хакасии с Юлинского рудоуправления. Место их проживания определили как временный посёлок. Позднее при установили, что основное тело месторождения находится под руслом Ангары и временным поселком у Ангары. В 1978 году поселок был перенесен на 7 км выше по течению Ангары и получил название Новоангарск, а старый поселок ушёл в карьер и небытие. Если эти данные верны, то получается, что этимология населенного пункта Новоангарск – это Новый ангарский поселок, основанный в 1978 году вместо временного посёлка, построенного летом 1968 года.

Первомайск

Место расположения: южная часть района на правом берегу реки Тасеевой. Дата возникновения: 1941 год или чуть ранее – 20-30-е годы 20 века. Причина возникновения: создание населённого пункта для лесосплавищников (нижнего склада ЛПХ).

Численность населения: 2017 год – 987 человек.

Этимология названия. В 1941 году на берегу реки Тасеевой начал строиться новый поселок – Рейдовый, впоследствии в 1955 году переименованный в Первомайск.

Кулаково

Место расположения: западная часть района на левом берегу реки Ангары. Дата возникновения: современный поселок Кулаково был основан в 1961 году и именовался Новокулаково.

Новый посёлок был нужен для работников Кулаковского рейда. Сплавные мощности Тасеевской сплавной конторы были велики, но не достаточны. На реке Ангаре находилась естественная уникальная запань, которая могла вмещать большое количество древесины и не препятствовать судоходству на Ангаре.

Старая деревня Кулакова была сформирована в первом круге деревень, возникших при Рыбинском остроге. Первые упоминания о старой деревне Кулакова относятся к середине XVII века. Академики Гмелин и Миллер Санкт-Петербургской АН, в составе камчатской экспедиции путешествуя по Ангаре, среди прочих описали и деревню Кулакова.

Численность населения в 2010 году – 838 человек, 2017 – 822 человека. Этимология названия. Официальная точка зрения о том, что деревня получила название по фамилии основателя деревни, является не состоятельной. Происхождение может быть связано со словом «кулак»: либо в деревне был какой-то лютый кулак, либо кулаков было много, а вероятнее, что их было много и это был кровный клан.

Машуковка

Место расположения: юг района, правый берег реки Тасеевой.

Дата возникновения: 1927 г. – начало строительства поселка. Машуковка появилась в 1935-м как место жительства ссыльных. Поселок строился вдоль реки Тасеевой в две улицы: на одной жили первопоселенцы, на второй – репрессированные. В 1930-1950-е годы поселок являлся местом ссылки репрессированных. Численность населения: 2010 – 631 человек, 2019 год – 510 человек.

Этимология названия не известна. Возникновение названия возможно по фамилии. Для фамилии «Машуков» возможны несколько версий возникновения.

Фамилия Машуков образовалась от названия горы Машук; от кабардинского слова «мэшыкбэуэ»: маш – просо, кбэуэ – сын (просо сына); «Машук» в переводе с древнего иврита: смелый и храбрый; от черкесского «Машуко» (долина проса). И в честь этого и называли гору Машук, а сама фамилия образовалась от названия горы.

Есть версия, что житель деревни в 19 веке проходил службу на Кавказе, возле горы Машук. И, вернувшись, много рассказывал об этом. Так односельчане его и прозвали: Машук. А его дети стали Машуковы.

Возможно, слово «Машуковка» произошло от фамилии Мажуков. Фамилия Мажуков образована от прозвища Мажук, которое восходит к слову «мажа» – «чумацкая телега, воз», а также «мера веса или объема, что равняется вместимости одной чумацкой телеги». В старину в Крым и на Дон отвозили хлеб, а брали рыбу и соль. Вполне возможно, что одним из таких извозчиков и был человек по прозвищу Мажук.

Согласно другой версии эта фамилия связана со словом «мазать». В таком случае Мажуком в насмешку называли плохого, бездарного художника или просто неаккуратного, неопрятного человека. Мажук со временем получил фамилию Мажуков.

... Можно, конечно, и посмеяться, а можно вспомнить про рядом расположенный населённый пункт Чистяки. Если одно селение назвали, как «грязный», то логично, что какое-то соседнее поселение должно быть «чистым». Чистым-грязным могло быть, что угодно: небо, лёд на реке, поляны, ягодники, т.е. смысл мог быть не связан с порядком в населённом пункте, а могло быть именно так. Едет проверяющий, например, от купца. Проверяет условия постоя, т.е. где воруют много. Так со временем получились Мажуки и Чистяки (?). Кто живёт в Мажуках? Мажуковцы. Произносить проще: машуковцы. Потом время подправляет название и получилась «Машуковка». Возможно, так же, как в эвенкийском «Моктыгино» – исчезла буква «к» и получилось «Тяпкино».

Южно-Енисейск

Место расположения: северо-восток района.

Дата возникновения – 1840 год (?), как поселение при золоторудном прииске. Численность населения: 1926 – 152 хозяйства; 1939 – 3370 человек, 1959 – 2524, 1970 – 1788, 2013 – 606 человек, на 1 января 2021 года – 478.

Этимология названия связана с географией и месторождениями енисейского золота. Считается, что Удерейский Клондайк родился 7 июля 1837 года: поисковая партия Машарова нашла золото на речке Малый Шаарган (приток реки Удерей).

10 февраля 1840 года в Енисейский городской земельный суд поступила от кяхтинского купца Логинова заявка на открытие золотого прииска с названием Александровский. Приисков открывались сотни.

Они имели такие красивые названия, как Петропавловский, Успенский, Крестовоздвиженский, Преображенский, Сократовский, Спасский, Покровский, Калифорнийский, ... Александровский прииск прижился. Позднее был переименован в Южно-Енисейск, и вот почему. Есть такое понятие – Енисейский горный округ. В нём и в 19 веке, и сейчас выделяются две половины: северная и южная (на снимке).

Прииск Александровский стал центром южной части Енисейского горного округа, за что и получил название Южно-Енисейск. Географически этот южный Енисейск ($58^{\circ}47'24''$ с. ш.) находится на широте Енисейска ($58^{\circ}28'00''$ с.ш.). Если уходить в секунды, то Южный Енисейск находится даже севернее Енисейска на 37 км (разница около 20 минут широты – это $1,85 \text{ км} * 20 \text{ минут широты} = 37 \text{ км}$).

Партизанск

Место расположения: северо-запад района, по карте – в 62 км от Мотыгино, по автодороге – 93 км.

Дата возникновения: 1839 год – год открытия прииска Крестовоздвиженский. В 1930–х годах прииск был переименован в поселок Партизанск. В 2016 году золотодобытчики выделили полмиллиарда рублей на переселение жителей, администрация Партизанского сельсовета не действует с 10.10.2018. Численность населения: 2010 год – 499 человек, 2017 – 374; 2020 – 0. В настоящее время на территории посёлка осуществляется добыча золота.

Кирсантьevo

Место расположения: юг района, левый берег реки Тасеевой.

Дата возникновения: около 1928 года. Причина возникновения: сначала заимка, а с 1945 года – место поселения ссыльных. Численность населения: 1926 год – 7 человек; 2002 – 596; 2010 – 370, 2017 – 347. В 2017 году половина населения – староверы.

Этимология названия: по мысу Хырсан правого берега реки Тасеевой, вблизи которого основано поселение.

Рыбное

Место расположения: центральная часть современного Мотыгинского района. Дата возникновения: 1628 год.

Причина возникновения: освоение и поддержание торгового пути в Китай. Численность населения: 1926 год – 513 человек; 2010 – 344; 2020 (?) – 298. Этимология названия связана с рыбной ямой.

Бельск

Место расположения: правый берег Мотыгинской протоки реки Ангары. Дата возникновения: впервые встречается в данных III ревизии от 1762 года уже как казённая деревня.

Причина возникновения: вынесенный караульный пост Рыбинского острога. Продуктовое обеспечение острога. Это позволяет считать, что посёлок возник в 1630-е годы.

Численность населения: в 1864 году в деревне проживали 43 мужчины и 42 женщины и состояла деревня из 11 дворов. Она никогда не была большим поселением и со временем стала посёлком. Наибольшая численность: в 1970-е годы – около 600 человек.

Этимология названия: географическая. Правый берег Ангары имеет столовые скалы, то есть горы с разрушившимися макушками. На несколько десятков километров выше и ниже современного Бельска на реке нет гор с белой породой. При Бельске у реки есть гора с белой скалистой породой.

Если в соответствии с правилами топографических сокращений написать фразу «Белая скала», то получится «Бел.ск.». При хранении карты чернила выцветают: из названия первыми исчезнут точки, получится слово «Белск», которое удобно произносится при смягчении «л». Так при копировании карт получилось слово «Бельск».

Слюдрудник

Место расположения: юг района, правый берег реки Тасеевой.

Дата возникновения: 1657 год. Причина возникновения: нахождение на обозном пути в Рыбинский острог и наличие мощного месторождения слюды. Численность населения: 2002 год – 224 человека; 2010 – 150. Этимология: название получено по местному месторождению листовой слюды, которое с 1950-х годов не разрабатывалось. Название населённого пункта происходит от сокращения фразы «слюдяной рудник».

Решающий

Место расположения: в центре района, в двух километрах на северо-восток от районного центра. Дата возникновения и причина неизвестны. Вероятно, поселок Решающий возник давно как сельхозучасток поселка Мотыгино. Численность населения: данных нет. Этимология названия: вероятно, старый поселок или выселки при Мотыгино в первой половине прошлого века был переименован или назван. Почему «Решающий»? На протяжении почти всего двадцатого века в районе было сельхозпредприятие с наименованием «Решающий»: артель, колхоз, совхоз, подхоз.

Татарка

Место расположения: запад района, правый берег реки Ангары. Дата возникновения: 1931. Причина возникновения: необходимость создания изолированного поселения для ссыльных из Забайкалья (<http://www.angaratatarka.org/>). Численность населения: 2010 – 73.

Этимология названия: основана в августе 1931 года ссыльными из Забайкалья. Их вывезли по железной дороге до Красноярска, оттуда баржей типа «илимка» на берег Ангары к избушке местного бакенщика, стоявшей при устье реки Татарки. По реке поселение и получило название Татарка. Дети и внуки сосланных получили образование и выехали из поселка в 60-80-е годы. Сейчас в Татарке живут старожилы.

Пашино

Место расположения: посёлок находится в южной части района, в районе Мотыгинского многоостровья, на левом берегу по материку реки Ангары. Дата возникновения: населенный пункт описывается Спафарием в 1675 году. Причина возникновения: казённая деревня

для обеспечения хлебом Рыбинского острога. Численность населения: большим населенным пунктом деревня Пашино не была: 1926 год – 54 хозяйства и 266 человек (134 мужчины и 132 женщины), в 2002 году – 88 человек, в 2010 году – 40 человек.

Устье

Место расположения: юг района, левый берег реки Тасеевой. Дата возникновения: не известна. Причина возникновения: нахождение на обозном пути в Рыбинский острог. Расстояние Машуковка – Устье – 14 км, расстояние Устье – Кирсантьево – 16 км, то есть стоит ровно посередине. Так, на Тасеевой, то есть отмеряно как по линейке, стоят все деревни: ровно в один, два конно-санных перехода. Численность населения: 2002 год – 47 человек, 2010 – 16 человек. Этимология названия: не известна.

Кировский

Место расположения: север района. Дата возникновения: 1898 год или около этого. Причина возникновения: поселение при приiske. Численность населения: 1939 год – 949 человек, 1951 – 517, 1954 – 748, 1965 – 382, 1985 – 173, 2002 – 66, 2023 – 0 человек.

Этимология названия: в конце 19 века в низовьях Удерея были найдены крупные россыпи золота. Были основаны два прииска: Почетно-Гражданско-Тимофеевский и Елизаветинский. С приходом советской власти прииски Елизаветинский и Почетно-Гражданско-Тимофеевский объединили и назвали Леоновским по имени его начальника, которого вскоре ЧК арестовало и расстреляло. Когда в 1934 году в Ленинграде убили известного советского большевика Кирова, прииску дали новое название – Кировский.

Никольск

Место расположения: правый берег реки Тасеевой в южной части района. Дата возникновения: не известна. Причина возникновения: нахождение на обозном пути в Рыбинский острог. Численность населения: 2003 год – 15 человек, 2010 год – 9 человек.

Этимология названия: населенные пункты с таким названием получали своё название в связи с именем святителя Николая Чудотворца. Их достаточно много: по данным «Википедии» сейчас в Российской Федерации 29 сел, деревень, поселков с названием Никольск. Например, город Никольск (с 1990 г.) Тосненского района

Ленинградской области получил своё название в связи с тем, что первые поселенцы привезли и поместили в 1712 году в деревянную часовню икону святителя Николая Чудотворца. Может быть, как-то также было и в нашем Никольском? Интересно было бы узнать ...

Кандаки

Место расположения: левый берег Тасеевой (с другой стороны через Тасееву от поселка Первомайска). Дата возникновения: известно упоминание в 1864 году. Причина возникновения: вероятно, поселок возник на обозном пути в Мотыгинский район. Численность населения: 1864 год – 20 дворов и 86 жителей. В настоящее время – 0 человек.

Этимология названия: интересно правописание названия этого населенного пункта. Через букву «а» название дано на официальном сайте муниципального образования Мотыгинский район: Кандаки. Название этого населенного пункта на сайте «Мотыгинский районный краеведческий музей» через «о»: Кондаки.

Версия № 1: «кондак» – это слово греческого происхождения, жанр церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, посвящённой тому или иному церковному празднику. Проще говоря, кондак – это краткая церковная песнь. Родина кондака – Сирия и Антиохия. Есть древние и поздние кондаки. Древние кондаки представляли собой многострофные поэмы. Например, кондак на Рождество Пресвятой Богородицы содержит двенадцать строф и, соответственно, двенадцать рефренов. В кондаке на Рождество Христово содержится двадцать пять строф и столько же рефренов.

Что означает фамилия «Кондаков»? Она происходит от прозвища «Кондак», то есть краткая церковная песнь. Эту фамилию часто присваивали в духовных училищах и семинариях поступавшим туда детям дьячков и пономарей – низших церковных служителей, певших в церквях кондаки.

Версия № 2: в некоторых говорах слово «кондак» обозначает «хитрый, злоречивый».

Версия № 3: допускается происхождение слова «кондак» от глагола «садиться на что-либо, ночевать, останавливаться на ночлег». Если посмотреть вышеприведенную карту Мотыгинского района, то становится ясно, что Кондаки стоят на обозном пути, и с этой

точки зрения версия названия этого населенного пункта, связанная с ночёвкой, просматривается как-то иначе. Особенно с учётом того, что никаких мелких или крупных монастырей вблизи Кондаков сейчас и за последние 400 лет не просматривается...

Диалектика собачьей жизни (быль)...

Сейчас, когда прошло уже много лет, можно поделиться одной побасенкой про жизнь на пасеке. Можно, потому что раньше имевшее место событие виделось как явная, мягко говоря, слабость духа.... В вузе мне очень нравилась диалектика, и неважно, какая она была – историческая или диалектическая. Важно, что греки и римляне, жившие задолго до нашего поколения, описали законы бытия, и эти закономерности до сих пор точны. Работают и будут работать. Так вот, про случай из сибирской жизни, произошедший на таёжной пасеке, с диалектической оценкой произошедшего я и расскажу.

Работа летом на пасеке – это, прежде всего, работа на солнце: потлется ручьем. К вечеру ты не человек, ты просто опрелость в потной одежде, на которую летят все комары. Поэтому на третий год жизни таёжной пасеки собственными силами была построена банька (фотография № 1).

Баня на этапе сруба. У бани уже есть балки, видны стропила, ладится окосычка окна. Срубили ее по типу зимовья. Получилась она на загляденье снаружи и отличная внутри. Хоть снимай популярную тогда детскую телепередачу «В гостях у сказки». В окне слева: Домрачев Анатолий Васильевич, пчеловод пасеки (с ножовкой в руках), справа: Домрачев Владимир Анатольевич, агроном участка Бельск подхоза «Решающий».

В один из летних и, видимо, июльских дней 1978 года закончили смотреть пчел, прибрались. Я, как пацаненок 10-11 лет, днем натаскал из ручья воды и топил баню.

Фотография № 2. Пчеловод пасеки участка Бельск подхоза «Решающий» Мотыгинского района Красноярского края Домрачев Анатолий Васильевич. Справа в кадре: забор пасечного огорода прямоугольной формы. За спиной стоящего пчеловода — баня. Если дом стоял почти в центре пасечной поляны, то баня была в левом нижнем углу поляны. На фотографии видно, что посередине сруба баньки

проходила изгородь пасеки. Дата съёмки: лето 1980 (?) года.

Мой отец был на должности пчеловода — начальник пасеки. Помощником пчеловода был Виктор Николаевич Головнёв. Закончился рабочий день, баня готова. Отец доварил наш вечерний суп, убрал его с печки-буржуйки, поставил вариться кашу для собак, подкинул дров и говорит мне: «Пошли в баню, сполоснемся, а потом Виктор сходит». Уставший Виктор уже придрёмывал, сидя на табуретке, и ему отец наказал, что надо доварить кашу, а лечь на койку нельзя: уснет, и каша собачья сгорит. Никто тогда и подумать не мог, что всё пойдет совсем не по плану: мы не помоемся, Виктор уснёт, каша сгорит, в бане будут побиты все эмалированные тазы, а отец будет неделю хрипеть ...

Пришли в баню, разделись, поддали пару, отец попарился и мы начали мыться. На протяжении каких-то последних минут происходила ситуация, которую я понял поздно. Отец в начале попарился и, не выходя, как обычно, из бани, начал греметь тазиком, стучать ковшиком по бочке, громко говорить. Я его спрашиваю: «Пап, ты че гремишь?» А он мне: «Сынок, а ты ничего не понял?» - Отвечаю: «Не понял». Он в ответ: «Не пугайся и скажи мне, что происходит вокруг?» - Отвечаю: «Моемся в бане... Лохматуха около бани топчется, трется о бревно (она это делала часто, там кусты черемуховые — они от гнуса спасают, чесаться удобно о выступающее бревно сруба)... свинья хрюкает...»

Отец говорит: «А Лохматуха на пасеке? (ее не было). Откуда здесь свинья?...»

И вот тут происходит следующее: «Лохматуха», которой нет, похрюкивает, толкает весь сруб бани так, что один угол бани реально приподымается, трещит оконная рама и стекло, но стекло не лопается.... Тут до меня дошло, что это за «Лохматуха» чешется и подымает баню за угол. Это медведь!

В тот год пришел в район Больших Лужков, где стояла пасека участка Бельск подхоза «Решающий» Мотыгинского района Красноярского края, жил пакостный медведь. При летнем изобилии корешков и трав он пытался утащить два улья с поляны, стал выходить днем к дорогам и пугать людей, идущих по ягоды и на покосы, жрал припасы покосчиков, иногда прямо днём у костра, ночью то, что закапывали под кострище или вешали на дерево. В общем, к нам в компанию агрессивно набивался третий.

Сперва отец открывал дверь и разговаривал с ним: во время разговоров медведь замирал на 5-10 секунд и опять приступал к разборке бани. Затем начал громко материть медведя. Помню, что материл его, как человека: «Ты совсем ..., косолапый! Лето, а ты жрать нас собрался... Малины тебе мало...». И в таком духе. На минуту или две «разборка» бани ослабла, но потом возобновилась с нарастающей силой. Тогда стало очевидно, что дело добром не закончится, и отец начал в полный голос звать собак.

В тот год и день на пасеке было три собаки: Ветка, старая опытная псина лет 12 (ее купили у дяди Володи Бущика) и её ребяшки двух пометов – молодая Торба (1,5 года) и полугодовой пёсик Верный. Верный был крупный не по возрасту, чутка туповат, но с медведем уже встречался при «мамке» и показал себя достойным бойцом: как молодой пёс-подросток он трусил, но при отходе медведя отлаял его до хрипоты и был горд от этой победы. У него было на морде написано: я вас спас! Торба на медведя, что называется, очковала, правда, не бросала при встрече с медведем, но и не держала его: сразу в сторону, тьяв-тьяв, и ещё дальше в кусты или за нас прячется. Это уже не защитник. Проблема оказалась в том, что собаки Торба и Верный, спущенные с цепи, где их заедает гнус, ушли в лес: шмонать у припокосных костров остатки еды, давить бурундуков. В общем, по своим собачьим делам. Старая Ветка сидела на цепи у дома. Почему на цепи? Покос идет, люди идут на пасеку: кто грабли отремонтиро-

вать, кто косу на бабке отбить, кто медовушкой здоровья и настроение поправить. И никто из идущих сперва зайти на пасеку не мог, а потом не мог уйти. Да, собака была отличнейшая. Рыжая красавица!

Не сразу, но зов отца она услышала и чухнула ситуацию, что Мишка в «гости» пришел: взлаяла сразу, как на медведя, взревела. Отец кричит Виктору Головневу: «Витя, спусти собаку и закройся в доме...». Но никто собаку не отпускает. Собака у самого дома не то что лает – ревёт! Не слышит Витя. Спит. И, видимо, пригорает собачья каша.

Осада бани под эти крики шла полным ходом: сруб трещал, эта «падала в тулупе» периодически пыталась забраться на крышу, но спасло нас то, что там не были разобраны леса. Они мешали лезть. Мишка на них опирался, и они тут же ломались. Ситуация выглядела явно трагично: отец периодически кричал Виктору про собаку и чтобы к бане не шел – закрылся в доме, материл медведя. Человеческий голос только слегка отвлекал медведя от разборки бани, а я стучал в тазики и по котлу ковшиками. Это с непривычки очень неприятные ощущения, когда медведь рядом: сопит, воняет, вздыхает, сруб под когтями трещит.

Вот провоняет – это особенно впечатлительно. Причём вонь имеет два запаха: прело-потный запах от шкуры и смрад от дыхания. Это две разные вещи. Так мне и запомнилось на всю жизнь, что щетку зубную и мыло он ещё в детстве потерял, а в баню годами не ходит... Позже – вечером или на другой день – отец скажет, что надо баню проконопатить: дырок, мол, много в пазах, т.к. медведем сильно воняло в бане. Он когтями мох ловко разобрал. А Витя спал. Потом оказалось, что он придремал в доме, дверь в дом открыта, печка топится, каша собакам варится – выкипела и пригорела. Банька от дома в 100 метрах, и она в низине от дома: хоть заорись от бани – у домика не слышно. Мы это потом специально проверяли.

Фотография № 3.

Дата съёмки: лето 1978-79 (?) года. В белом халате, опёршись правой рукой, стоит пчеловод Анатолий Васильевич Домрачев. С другой

стороны улья стоит помощник пчеловода Василий Степанович Иконников, житель Красноярска, фронтовик ВОВ.

Вид на пасечную поляну с её восточной стороны (от того самого пасечного огорода с предыдущей фотографии). Это позволяет определить, что баня стояла в низине и ещё была закрыта от дома хозяйстройками.

Батин голос у дома не было слышно, да и сорвал он его уже через первые пять минут криков. Просто сипел, как тромбон у начинающего тромбониста... Поэтому он уже не кричал, а только свистел в три пальца, а свистел он очень громко. Осада продолжалась: счет был 0:0 с явным преимуществом гостя и с вероятным исходом 2:0 не в нашу пользу.

На наше счастье, Витю разбудила своим лаем Ветка. Хорошо, что Витя по лаю Ветки сразу и однозначно понял, что на пасеке медведь и медведь где-то рядом. Спустил собаку. Как я был рад виду несущейся с пригорка к бане Ветки: шерсть на загривке дыбом, как у дикого кабана в кино, несется прыжками и только рычит. Сразу за баню – и в нашей жизни сразу стало легче: «почему-то» перестали ломать баню, затрещали кусты.

Боевая была Ветка: «связала» она «михайлу» по полной, хотя для одной собаки – это задача сложная. Тем не менее, сперва метрах в 20 от бани она его усадила и держала, но мы на эту «охоту» не пошли. Тут Торба с Верным подтянулись из тайги на помощь... Они его явно «прижали» или «усадили». Периодически на фоне азартного собачьего лая он подрявкивал. Почти сразу Мишка начал уходить: уходил бегством – кусты трещали, и он периодически продолжал подрявкивать, т.е. за «галифе» ему попадало регулярно. Это были лучшие звуки дня. Мы вышли из бани и слушали их, несмотря на то, что нас заедали комары. Молодой кобелёк Верный, судя по лаю, хорошо давил на медведя.

Погоняли они медведя хорошо. Собаки пришли часа через два: на лопатках из-под шерсти аж пена, морды довольные, хвостиками виляют, в руки тычутся – надо погладить...

На пасеке было принято проводить то, что сейчас называется учения ГО и ЧС. Все знали, где ружьё, а это всегда была двустволка-горизонталка 16-го калибра, патронташ, пули и картечь. Всё всегда было на одном месте. Было два патронташа. Один малый – чисто

противомедвежий – патронов на 8: здесь были пули (справа) и картечь (слева). В большом патронташе правый из трех «отсеков» был также снаряжен против медведя: справа – пули, слева – картечь. Так вот Виктор нисколько не трухнул: подпоясавшись малым патронташем, зарядил пули и картечь из большого (пуля – в левый ствол, картечь – в правый), и после того, как спустил Ветку, пошел нас выручать. Вышел на угол столярки (на фотографии № 3 она справа в кадре), позвал отца. Отец ему: «Уходи!» - Тот: «Буду стрелять!»

Слава богу, что не пришлось!

В общем, когда медведь с собаками «ушёл» в тайгу, то мы все вернулись в дом. Отец сказал фразу, которая почему-то запомнилась: «Пойдем, сынок, перемоемся!». Интересно, что никогда раньше и позже я этого глагола не слышал...

Перемыслись...

В тот вечер собаки получили усиленный паек: кашу приправили топленым салом, дали по две порции. Вот тут и состоялся монолог старого кузнеца с элементами диалектического рассуждения. Как сейчас, помню, выношу я кашу собакам в мисках раздавать: миски-то знатные – банки из-под солёной селедки на 5 килограммов, а отец комментирует: «Тебя, Торба с Верным, не кормить надо, а закрыть в домике и ... хорошенько! Но нельзя: обгадите всё, а убирать-то некому... Да и поймете не так. Придет мишка следующий раз, а вы не то, что защищать – гавкать не будете».

Вот это странное, но правильное в своей логичности рассуждение, запомнилось. Позже, в старших классах и на младших курсах вуза, я узнал, что есть диалектика. В общем, с моей точки зрения получается, что рассказал я нечто, связанное с диалектикой, а, если быть поточнее, то с диалектикой таежной жизни.

Собаки двойную порцию не доели. Ветка получила ещё и лучший кусок со стола. Отец целую неделю говорил тихо: голос был осипший. Утром встанет, пару слов скажет – есть голос, потом раз – и нет голоса. Сперва мог говорить пять минут, на завтра – 10, послезавтра – 30 ... В общем, недели за две голос восстановился.

Вот такое было детство: жизнь в лесу при пасеке. Приедешь в посёлок домой после 7-10 дней безвыездной жизни на пасеке, а в деревне-то реально другая жизнь и другой век: есть народ, электричество, телевизор, кино, девчонки, волейбол, речка... Нет комаров,

мошки, ухода за лошадью, медведя, походов в ручей по воду, вечно жальщих пчёл. Да пропади пропадом эта пасека. Хорошо, что больше таких случаев на Больших Лужках с медведями, к счастью, не было. Другие и «помягше» в сюжетной линии были, но обходилось.

Пасеки нет с 1982 года. Уже в 2010-е годы говорили, что пасечный дом сгорел, а вот сруб баньки развалился на все четыре стороны и догнивает на земле... Память моя потихоньку стирается, но мишкин приход в баню с повторной помывкой помнится.

Запомнился на всю жизнь глагол «перемоемся». Не слышал я его больше.

Телевидение при трансляции музыкальных клипов, концертов любит демонстрировать картинку с работой ударника. Особенно в роковых композициях. Я же при просмотре этих видеокартинок припоминаю свою «ударную аранжировку» – аранжировку в пасечной бане летним вечером на таёжной местности Большие Лужки, где до ближайшего жилья, а именно села Рыбного, по самой прямой линии расстояние составляло не менее 4 км, а единственными зрителями номера были голодный медведь и голодный гнус. Помнится, как ковшиками лупил со всей силы по тазам, бакам, банной печке из металлической бочки, как потом эти алюминиевые ковшики выпрямлял, а вот эмалированный ковшик и пару эмалированных тазиков пришлось выбросить из-за значительных дефектов эмалировки.

Отчётливо помнятся два типа медвежьего запаха: один – смрадный и резко вонючий – изо рта, другой – низкий и тухло-вонючий – от шкуры...

Про достоверность описанного события раньше можно было спросить у Виктора Головнева, сына дяди Коли и тети Людэ Головневых, но его уже с нами нет несколько лет.

Фотография № 4. У бельской пристани лицом к реке стоит Виктор Николаевич Головнёв, спиной к реке – Владимир Николаевич Красиков. Он ещё много чего мог рассказать. На пасеке и по жизни было всякое... Но получилось так, как когда-то в моём детстве сказал отец: «Всё плохое забудется, а лучшее останется, и это будут воспоминания о пасеке». Я это

запомнил, потому что был категорически с этим не согласен. Помню, что и Витя Головнёв был не согласен. Меня он был старше года на четыре. Время показало, что прав был отец, вернее, диалектический материализм, прости господи, этих греков. Вот так и получается диалектика жизни, и не только собачьей. Но это уже совсем другая история и о ней – уже в другой побасёнке...

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Каждый год весна за зимою.

И по лету в десантника день

Я под шумы асистолии

Надеваю берет набекрень.

Ах, как хочется всё и сразу:

Чтоб сирена, купол, толчок ...

И кусок миокарда из пятки

С неуверенным: «Обошлось?»

Правый глаз не всегда видит мелкое

Часто к вечеру ноет спина.

Только сердце – десантное сердце –

Не подводит меня никогда!

Научило меня не ждать лето,

По жаре – забывать Афган.

Научилось слышать советы.

Как дурное не повторять.

Научило любить. Даже осень:

Слушать дождь, не копаясь в душе.

Научилось не жить на износе:

У могил друзей – не болеть...

Помогает зимой не мерзнуть,

Не теряться в глубоких снегах.

Помогает увидеть звезды

И считать их, не трогая ран.

Научило фальшь в мыслях слышать

И акценты в делах расставлять,

Как сберечь бело-синюю душу,

Чтобы дьяволу не продать.

Как же хочется в чудо поверить:

Хоть в кудесника или в фей,

А по жизни – в груди морзянка:

Никто, кроме нас! Не робей!

РАССКАЗ

о Мотыгинской средней школе № 1 и жителях Мотыгинского района (читать в стиле В.В. Маяковского)

Многое я не помню,
Что-то и не пойму,
Но про любимую школу
Словом в рифме скажу.

Век тот восемнадцатый –
На месте никто не стоит:
Казаки шли Верхней Тунгускою,
Места выбирали жить.

Один из них звался Мотыга.
Он домик срубил на реке.
А позже деревню назвали
Мотыгина на Ангаре.

Двадцатый век, как ракета,
Летит на орбите Земли:
При Удерейском районе
Мотыгино в центре стоит.

Была вновь война великая –
Отечество деды спасли.
Вернулись с фронтов и на горке
Здание возвели.

В нём бревнышки смолянистые
И пакля в нем изо мха.
Строители что-то по-фински
С крыши кричат – свысока.

Пришла весна за зимою:
И видит табличку в двери:
Мотыгинская ... средняя ...
И номер простой – один.

На этой горочке слышится
Летом и в снегопад:
Район в работе ... Строится.
Здесь будет поселок-сад.

АГРЭ и леспромхозы,
Почта, подхоз, продснаб ...
Драги и лесовозы,
Аэропорт и «Як».

В подхозе важен шорник,
В ЦРБ важен врач.
Району нужен рабочий:
Будут грамотных брать.

Школа, что на пригорочке,
Детей по утру берёт
И через матрицу знаний
К вечеру отдаёт.

В школьном звонке всем слышится
В жару и в снегопад:
Мотыгино, Бельск, Раздольное...
Каждый поселок – сад.

Там время – только уроками,
На переменах – шумим.
Пройдемся по классным комнатам,
Заветное разглядим.

Вот класс обычной химии:
Колчина – за столом:
Задача: нейтрализуется
Или гидролиз идет?

А это класс школьной физики:
Живут там Ампер и Вольт.
Здесь царство Николаевой,
И мы уходим вперед.

Дверь закрыли, но запах
Вкусно и хлебно плывет!
Даже малыш знает –
Это буфет в гости ждёт!

Теперь идем вверх по лестнице –
Класс русского языка:
Ершенко диктант читает,
Ручки пером скрипят.

А за стеной – история
Знакомит с чьей-то судьбой.
Здесь, как всегда, Авдеенко
С идеей по жизни идёт.

Чуть дальше – класс ботаники:
Рапова сидит за столом.
Сейчас тычинки с пестиком
К ней придут на поклон!

Вот класс НВПэшный. Обычный.
Захаров в погонах царит.
Он с книгами и уставами
Суворова новых творит.

А вот и класс Бурмакиной.
Это английский язык.
С этим нелетким умением
Построим свой евробыт.

Здесь в классе – Пугановская,
Здесь косинус на доске,
Тут в кубе ещё геометрия,
Тут алгебра правит везде.

Двадцатый век к завершению
По орбите Земли летит:
А школа, что на пригорочке,
Так у реки и стоит.

Приходит весна за зимою:
Видит табличку в двери:
Мотыгинская ... средняя ...
И прост ее номер один.

Возможно, что многое – сказка,
Но в сказке всегда есть намек:
Давайте все поработаем
И результат придет:

Появятся автодороги,
Здравница на горе,
Достаток всем на пороге,
Мужчина родной при жене.

Я знаю: Мотыгино будет,
Я знаю, району цвеств,
Пока в огромной России
Школы на горках есть.

В них бревнышки смолянистые
И пакля всегда изо мха.
Мотыгинская средняя ...
Школа родная моя!

Нас уже нет в школе –
Школа в нас навсегда.
Многих уже нет с нами
... Все мы уйдем туда.

Кто-то был скромным «ашником»,
Кто-то – крутым «быком» ...
На всех есть один на пригорке
Второй родительский дом.

Живу далеко, но мне слышится
Летом и в снегопад:
Школьная дверь часто хлопает –
Будет поселок-сад!

Я знаю: Россия будет,
И краю в России цвеств,
Пока такие школы
На Ангаре ещё есть!

03.08.2019

ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ЕГОРОВА

Родилась в 1978 году в поселке Тура Красноярского края. Окончила Лесосибирский государственный педагогический институт (ныне филиал Сибирского федерального университета). Более 20 лет посвятила выбранному делу. Работает в Мотыгинской школе-интернате. Свободное время посвящает творчеству – пишет картины, занимается росписью камней акриловыми красками. Призер выставки декоративно-прикладного искусства «Ангарские мастера».

Литературным творчеством увлеклась ещё в детстве. Первое стихотворение было написано в 1 классе. Автор тяготеет к любовной, пейзажной, философской и духовной лирике. Большое внимание уделяет стихам и сказкам для детей, в которых рассказывает о дружбе, взаимопомощи, доброте и сочувствии. Героями своих произведений выбирает лесных зверей, волшебников, королей и принцесс. Публиковалась на страницах образовательных порталов «Кладовая развлечений» и «Учебно-методический кабинет», а также в альманахах Российского союза писателей. Выступает на творческих встречах «Земли родной талант и вдохновение» в Межпоселенческой центральной библиотеке. Победитель литературного конкурса для работников образования «Все, что сердцу дорого» и один из авторов одноименного сборника. Номинант национальной литературной премии «Поэт года».

Сказка о том, как сыроежка помогла Пете

Жил-был мальчик Петя. Самый обыкновенный деревенский мальчишка. С копной взъерошенных волос, весёлыми веснушками на любопытном носу и дыркой на штанине. И сколько бы бабушка Маня её ни зашивала, уже на следующий же день она снова была там. Всякий раз, видя укоризненный взгляд любимой бабули, Петя сразу занимал линию обороны:

- Ой, это не я! Она сама появилась! Честное слово!

Но бабушка только для вида сердилась. Уж так сильно она любила этого озорника!

Однажды баба Маня собралась в лес по грибы-ягоды. А Петя тут как тут:

- Бабуля, возьми меня с собой! Я тебе помогать буду!

Ну куда деваться бабушке? Возьмёшь – только под ногами путаться будет. Не возьмёшь – всё равно в лес убежит. Так ещё больше волнения.

- Ты ж, окаянный, выбора мне всё равно не оставишь! Идём! – как можно серьёзней отвечала бабушка Маня. Хотя в душе она только обрадовалась, что внук её к природе тянется. Вон она, красота-то какая! До леса рукой подать. А как зайдёшь в него, так голова кругом от пьянящего воздуха да дивного аромата антирринума! В деревне местные жители величают это растение «собачки». Цветки этого растения и правда очень похожи на мордочку собачки, которая открывает и закрывает рот.

Всю дорогу Петя то и дело норовил пнуть гриб, который казался ему некрасивым и даже невзрачным. Одним словом, бесполезным. Уж в этом Петя ну никак не сомневался!

- Внучек, нельзя пинать грибы! Ведь это же сыроежки! Они съедобные и очень вкусные!

На что Петя округлял глаза, растопыривал руки и удивленно восклицал:

- Съедобные?! Сыроежки? Их что, сырыми едят?!

Бабушка только смеялась и, охая, держалась за спину:

- Нет, внучек. Сыроежки можно посолить с чесноком, тмином, укропом, дубовым, вишнёвым или смородиновым листом. Или отварить их в соленой воде, а потом жарить на сковородке. Так вкусно, что за уши не оттянешь! А ещё говорят: «Грибок в кузовок, зимой будет пирожок».

Но Петя никак не унимался. Вот белый гриб – это гриб! Красавец просто! А сыроежка... Нет, не то.

Бабушка не стала больше с ним спорить. Насобирала полную корзинку разных грибов, горсть лесной жимолости и вернулась домой. Всю дорогу наш озорник весело бежал с ней рядом. Пусть с пустыми руками, зато с прекрасным настроением.

Прошло еще несколько дней. И тут Петя решил, что он уже взрослый и может сам сходить в лес за грибами. Если баба Маня насобирала полную корзину, то и он сможет.

- Ох как обрадуется бабушка, когда увидит меня с такой добычей! – воскликнул Петя и побежал скорее в лес.

День клонился к вечеру, а наш грибник и не думал возвращаться. Вдруг Петя увидел незнакомую поляну и понял, что здесь никогда раньше не был.

- Неужели я заблудился? – только и смог он вымолвить.

Повертев головой в разные стороны, мальчик заплакал. Он не знал, что ему делать и куда идти дальше. Ночь приближалась все быстрее и укутывала деревья в свое тёмное прохладное покрывало.

И тут, откуда ни возьмись, из-под земли выглянула сыроежка. Да-да, именно сыроежка с зелёной шляпкой! Петя от удивления и радости аж подпрыгнул. Но только протянул к ней руку, как та исчезла и появилась снова уже дальше.

- Что за фокус? – пробормотал мальчик и пошёл следом.

А дальше все повторялось вновь и вновь. Руку протянешь – гриб исчезнет и выглянет дальше. Эти догонялки продолжались до тех пор, пока Петя не увидел вдалеке свой дом. И вот тут он догадался: сыроежка-то не простая была, а волшебная! Пусть невзрачная, но очень – очень хорошая и полезная! И только она помогла ему выйти из леса!

С тех пор Петя никогда не пинал грибы в лесу. А вдруг они тоже волшебные, хоть и не очень красивые!

Какое же это счастье!

Жили-были в далёком и очень красивом королевстве король с королевой. И было у них, как полагается, три сына. Старшего принца звали Филипп. Уже в юные годы он прославился своими музыкальными способностями. Его среднего брата звали Афанасий. Особыми талантами принц не отличался, зато очень любил поесть. Ну, а самого младшего королевича называли в честь деда – Виктором. Видимо, король с королевой возлагали на него большие надежды. Ведь всем известно, что Виктор в переводе с латинского означает «победитель». Однако наш принц никого не собирался побеждать. И уж тем более, с кем – то воевать. Наоборот, его характер был мягок и дружелюбен. За что его старшие братья прозвали «Одуванчик». А Виктор и не обижался. Одуванчик, так Одуванчик.

Как-то раз вышел спор между наследниками королевского трона. И случилось это сразу после пышного обеда с запеченной по-царски курицей, картофелем под соусом из шампиньонов и пломбирным тортом с шоколадным кремом в два яруса.

- Вот это счастье! – пробормотал Филипп, развалившись в бархатном кресле.

- Да уж... Вот это жизнь! – вторил ему Афанасий, поглаживая упитанный живот.

И только младший королевич оставался равнодушным к еде.

- Братцы, да неужто для вас и есть счастье набить пузо? — удивлялся Виктор.

- Конечно! — отвечали хором принцы. — А разве может быть что-то приятней, чем вкусная еда? Много вкусной еды!

- Да как же можно так жить и не замечать ничего вокруг себя, кроме еды? Ну посмотрите в окно, на небо, на поля! — не сдавался наш Одуванчик.

- Ну и что с того? Вот наелся до отвала — вот это счастье! — парировал Афанасий.

И закипел спор пуще каши на молоке!

Так и не придя к согласию, разошлись братья по своим комнатам. Каждый остался при своем неразделённом мнении.

А тем временем, стала одолевать соседние королевства хворь непонятная. Добралась она и до здешних жителей. Слегли и король с королевой, и Филипп с Афанасием. А Виктор прозорливей всех оказался. Он как только услышал про ту болезнь, так сразу в лес пошел за травами разными полезными. Насушил их, да отваров целебных приготовил по бабушкиным рецептам. Сам принимал лекарство, да королевство все поил. Ох и намаялись братья от хвори. На еду даже смотреть не могли.

Так прошла неделя. Виктор все травы заваривал, да семью на ноги ставил. Наконец-то случилось чудо! Болезнь отступила, не выдержала целительной силы лесных трав. Встали братья на ноги, подошли к окну и воскликнули в один голос:

- Какое же это счастье! Чувствовать свою силу, ходить своими ногами, видеть этот лес и это небо!

- Спасибо тебе, Одуванчик! Ты оказался сильнее и мудрее всех нас! И прости нас за то, что смеялись над тобой! — сказал Филипп.

Виктор только улыбнулся. Не зря его называли в честь деда. Виктор — значит победитель!

Сказка о том, как домовёнок подружился с котёнком

Жила-была одна добрая старушка Федора. Жила она в обыкновенном старом доме. И была в этом доме удивительная печь! Своим теплом она могла обогреть всю избу! А какая удобная на ней была лежанка! Именно на этой лежанке любил обитать еще один житель этого дома. Это был домовёнок Сева. Такой маленький, лохматый,

но совсем безобидный. Бывало, забудет баба Федора молока Севе в блюдечко налить, так он возьмёт, да и спрячет её очки. Начнёт старушка очки искать, так сразу и догадается, кто напроказничал. Налёт молока и скажет: «Домовой, домовой, поиграй, да отдай». Глядь, а очки на прежнем месте лежат. Будто и не пропадали вовсе.

А Сева уж молочком лакомится. Так и жили себе баба Федора да домовёнок.

Однажды, не успел Сева толком проснуться, откуда ни возьмись послышалось жалобное «мяу». Сон как рукой сняло! Скатился домовой со своей лежанки и выглянул в окошко. А на крыльце, сжавшись от холода, сидел маленький котёнок.

- Во дела... – пробормотал себе под нос Сева.

Тут уже и баба Федора увидела несчастное создание, выйдя на крыльцо.

- Батюшки мои! – удивилась старушка. – И откуда ж ты свалился на мою голову?

А котёнок, почуяв тепло домашнего очага, юркнул в избу и сразу к печке. А там, будто для него, блюдце стоит с молоком. Он жадно начал лакать. Такого хамства Сева не мог стерпеть:

- Любезный! То, что вы такой же лохматый, как и я, не дает вам права пить из моего блюда!

Утолив голод, котёнок ответил:

- Простите. Меня зовут Тим. Я потерялся, замерз и очень проголодался! Можно я останусь жить у вас? Здесь так тепло и уютно!

А бабушка тем временем уже приготовила котёнку корзинку с тёплым одеялом.

- Ну уж нет! – возмутился домовёнок. - Это мой дом!

Обиделся котёнок и ушёл. Не успела старушка оглянуться, а его и след простыл. Стала звать, да под крыльцо заглядывать. Всё бесполезно. Пропал котёнок.

Наступила ночь. Налетели тучи, дождь забарабанил по крыше. Бабушка всё в окно выглядывает, да охает, приговаривая:

- Ну зачем ты убежал, глупенький? Да кто тебя обидел, маленький? Как же ты будешь один на улице под дождём?

А Сева сидит себе на печке, да глухонемым прикидывается. Мол, я тут ни при чём. Он сам пришёл, сам и ушёл. Да ещё и молоко выпил. Но, как ни старался домовой быть каменным, дрогнуло и его сердце.

Как же не хочется выходить из тёплого дома, а придётся. Обул он сапожки, да и пошёл котёнка искать.

Идёт, по лужам шлёпает, да по сторонам поглядывает. Вдруг видит, возле сарая под скамейкой сидит тот самый лохматый комочек. И так стало жалко Сeve котёнка, что чуть под землю не провалился со стыда! Ну как можно было быть таким бессердечным?

- Привет, Тим! – начал домовой. – Я тут это... Мимо проходил... Слушай, пойдем домой, а...

Котёнок выглянул из своего убежища и, совсем недолго думая, решил вернуться в дом. Бабушкиной радости не было предела!

- Только, чур, из моего блюдца не пить! – пробубнил Сева. – А вот на лежанке моей можешь лежать. Она большая. Её на всех хватит!

Так и стали вместе жить баба Федора, домовёнок Сева да котёнок Тим.

Как ласточки весну спасли

Жил-был в далёком и очень холодном королевстве царь Ледолюб. А почему в холодном? Да потому, что всё великое королевство было изo льда. Оттого казалось ещё более могучим и неприступным, чем было на самом деле.

Характер короля был под стать его имени: холодный, расчётливый и непоколебимый. Боялся народ короля своего. Да и как не бояться? Что ни день, то новый указ. Что ни указ, то хуже прежнего. Запрещено было даже смеяться! Бывало, соберутся придворные после трудового дня на кухне, да поговорят о том, о сём. Невзначай кто-то засмеётся, а эхо уже и покатилося до самого до короля. Получай наказание! Так и жили: в холоде, страхе и тоске.

Как-то раз прогуливался Ледолюб по своему замку. Ходит, ледяные зеркала рукой поглаживает, собой любитeся. И вдруг он услышал, как слуги в соседней комнате шепчутся. Будто невиданная красавица появилась в соседнем королевстве. И куда она ни зайдет, сразу всё зеленеет, лёд тает и птицы начинают песни звонко петь. И со дня на день может и к ним пожаловать.

Испугался такой новости король, разозлился. Задумал Ледолюб поймать ту красавицу и заточить её в самой высокой башне.

А красавицу ту Весной звали. Возле неё всегда кружились птицы и пели песни на разные голоса. Над головой солнце светило. А под ногами трава начинала зеленеть, куда бы она ни ступила.

Подошла Весна к замку Ледолюба, постучалась. Отворилась ледяная дверь, впустила гостью. И попалась красавица в ловушку короля. Запер он её в самой высокой башне.

А тем временем мимо пролетала маленькая птичка с раздвоенным хвостом и длинными крылышками. Это была ласточка. Она летела вслед за Весною и видела, как ледяной король похитил её. Медлить было нельзя. Без Весны и её тепла не будут петь птицы, зеленеть деревья, расти цветы.

Переведа дух, ласточка решила действовать. Она созвала всех братьев и сестёр. Одной большой стаей птицы ворвались во дворец Ледолюба и разлетелись по разным углам. Они начали наперебой щебетать и напевать весенние песни. И такое эхо понеслось по замку! Ну кто бы мог подумать, что маленькие птички способны на такую великую силу!

Задрожали ледяные стены. Не выдержала громкого пения и самая высокая башня, куда король Весну заточил. Рухнуло королевство Ледолюба. Как же все обрадовались! Снова стало греть весеннее солнышко, снова стали деревья зеленеть и распускаться цветы.

И ничего королю не оставалось делать, кроме как заключить перемирие с Весной. Тем более, на очень выгодных условиях. Он открыл свой бизнес. Как станет очень жарко, так жители со всей округи к нему в кафе «Льдинка». Тут уж выбор прохладительных напитков на любой вкус: лёд с клубникой, лёд с персиком, лёд с мятой.

С тех пор мир, теплота и доброта в новом королевстве, которое называли «Ласточкино гнёздышко». А ещё в народе стали говорить, что ласточки весной тепло на крыльях приносят. Так оно и есть. Теперь-то мы это точно знаем!

Весенняя сказка про мальчика Васю

Жил – был мальчик Вася. Озорной весёлый мальчуган. Всё бы ничего, да только часто он на птиц разных обижался. Очень Василий не любил, когда, например, по утрам его будил соловей. Вот чего ему, скажите, не спится в семь часов утра? Когда такой сладкий сон, и такая мягкая подушка, и так не хочется просыпаться! Так нет же, усядется соловушка на ветку берёзы прямо возле окна мальчика, да как зальётся своей соловьиной трелью! Концерт, одним словом. Сон Васеньки в миг улетучивался!

А ещё Вася не любил, что ласточки строили свои гнезда из грязи и травы под навесом его дома. Как правило, в конце июня оттуда вылетали маленькие птенцы. Малыши быстро росли и всюду разучивали ноты, готовясь к будущим выступлениям. А пение деревенских ласточек напоминало щебет, который заканчивался характерной трелью. И вот та самая трель особенно раздражала Васю.

Как-то раз мальчик прогуливался по дороге, засунув руки в карманы и пиная разные камушки.

И тут ему на глаза среди веток осины попала одна птичка. Такую он раньше никогда не видел. Незнакомая птаха была одета в ярко-жёлтый наряд, а крылья и хвост у неё были чёрные. Между глазом и клювом Вася заметил чёрную полосу. Размером эта птица была чуть больше скворца. Мальчик остановился и пробормотал:

- Вот бы ты оказалась волшебной! Я бы загадал, чтобы все птицы, которые мешают мне спать по утрам, прекратили петь свои песни!

А незнакомку ту иволгой звали. Она и сама любила петь. И звуки её песен напоминали флейту. Услышала она просьбу мальчика и пропела:

- А я и есть волшебная! Своим пением я призываю дождь. А твое желание будет исполнено уже совсем-совсем скоро!

Вспорхнула и улетела.

Незаметно наступила осень. А за ней и зима. И как-то тихо стало вокруг, безмолвно. Однажды Васенька проснулся не от того, что птицы его разбудили, а от того, что спать надоело. Никто не поёт, никто не мешает, не сидят на проводах больше ласточки. Грустно стало Васе, одиноко. И тут он вспомнил про своё желание!

- Так вот почему так тихо! Вот почему не поют больше соловьи и ласточки! Это я во всём виноват! – с ужасом воскликнул Вася.

Он решил немедленно найти ту самую волшебную птицу и вернуть всё обратно. Каждый день мальчик приходил к тому дереву, где сидела иволга, в надежде увидеть её, но всё зря. Птица больше не прилетала.

Как – то раз мама спросила у Васи: «А куда это ты бегаешь каждый день?» И Вася рассказал маме всё, как на духу: как волшебную птицу встретил, как загадал желание, чтоб все другие исчезли. Внимательно выслушав сынишку, мама только рассмеялась.

- Так вот оно что! Знаю я ту птицу волшебную. Иволга её зовут. А в том, что птицы певчие пропали, ты не виноват. Просто они на юг улетели, когда зима пришла.

И поведала Васе историю, что многие птицы улетают в тёплые края с приходом холодов. Остаются зимовать только те, кто может пережить суровые морозы. Это сороки, вороны, синицы, воробьи, снегири, дятлы, поползни. И некоторые другие.

- Значит, ласточки к нам вернуться! – обрадовался Вася. – И снова будут меня будить своей трелью!

Эту весну Василий ждал, как никогда раньше. И, наконец-то, она пришла! Такая тёплая, такая зелёная и красивая! А какие желтоглазые одуванчики рассыпались по оттаявшим обочинам дорог!

И понеслась по округе соловьиная трель! Вновь зазвучали оркестры весенних концертов. И вновь стали ласточки да скворцы говорливые по утрам Василька нашего будить. Подбежит он к окошку, распахнет его и воскликнет:

- Прелесть – то какая! Прямо бальзам на душу!

Что именно значили эти слова, Вася не очень понимал. Он душой чувствовал!

Муравьишка Фиа

Жила-была в одном муравейнике маленькая муравьишка по имени Фиа. И жила она совсем одна. Нет, никаких недостатков у неё не наблюдалось. Всё, как у всех муравьёв: крупная голова, тонкое тело, круглое брюшко и усики для различения запахов. А также имелись шесть лапок с коготочками, благодаря которым, кстати, эти насекомые легко могут взбираться на любую вертикальную поверхность. Одним словом, полный комплект. Но другие муравьи не желали жить в одном муравейнике с нашей героиней. А всё потому, что была она не просто маленькой, а очень-очень! Ну прямо малюсенькая такая муравьишечка.

Казалось бы, ну чего такого в том, что не вышла ты размером? Зато ты добрая, отзывчивая, работающая, что так важно для всех, а в частности, для муравьёв. Другая бы в подобной ситуации впала в отчаяние и сложила лапки. Но только не Фиа. Жалеть себя куда приятнее в тёплом домике, а не под дождём на улице. Так что вперед и с песней строить свой собственный муравейник! К счастью, Фиа не раз видела, как муравьи-строители возводят целые города. Она знала, что место для муравейника должно быть в тени, иметь хорошую влажность и вентиляцию. Не дожидаясь завтрашнего дня, Фиа

приступила к поиску такого места, а также к заготовке стройматериала: листочков, травинок, коры и земли. Ведь все это нужно было ещё измельчить, чтобы потом склеивать муравьиным клеем. Так что времени для самобичевания у Фии не оставалось совсем.

И вот, спустя пару недель плодотворной работы, у нашей муравьишки появилась своя жилплощадь! Тут было всё, как полагается: на самой вершине комната – солярий для обогрева, камера для зимовки, комната – кладовая для хранения растительной пищи, зерна, белков. Отлично! Пора приступать к наполнению кладовой, ведь зима не за горами.

И вот так, в каждодневных трудах и заботах, время незаметно пролетало. К холодам готовились и в соседнем муравейнике, куда маленькой муравьишке запретили заходить. Там тоже кипела работа. Взрослые особи начали тщательно закупоривать наружные проходы с помощью сухой травы и земли. Впереди ожидали выюги и метели, ветра и снега.

Фиа постаралась как можно плотнее законопатить вход в свое жилище. Она ещё раз проверила все запасы провизии и осталась довольна. Ведь зима не страшна, когда дома тепло и сытно. Фиа любила сидеть в тёплой спаленке и мечтать о добром и светлом будущем. Зимой она строила планы на лето, а летом готовилась к следующей студенной зиме. И как-то так получалось, что скучать и грустить совсем не оставалось времени.

Однажды, в одну из таких зим, случилась такая история. Фиа собиралась как раз поужинать вкусными зернышками. И вдруг услышала, как кто-то стучится в её дверь. «Может, показалось», – подумала муравьишка. Но стук повторялся снова и снова. Фиа приоткрыла вход и увидела... муравья – соседа!

- Здравствуй, Фиа! Можно мне войти? – робко спросил муравей.

- Ну, заходи, – ответила Фиа, удивлённо поглядывая на соседа.

- Скажи, не богата ли ты запасами провизии? Беда к нам пришла...

Оказывается, в том муравейнике насквозь промокла вся верхняя часть. Как раз там, где была комната – хранилище. А специальный отряд муравьёв, который отвечал за припасы, не успел их вынести. Вся еда пропала. А пережить зиму голодом ещё никому не удавалось. Вот и отправили большого муравья к маленькой муравьишке на поклон. И надо заметить, что муравей этот обомлел, едва порог переступил: тепло, уютно, вкусно пахнет свежим ужином. И все это заслуга всего одной малюсенькой Фии!

- И что же ты такой большой просишь помощи у такой маленькой? – колко проговорила Фиа.

- Беру все свои слова обратно. Мне так стыдно! Прости нас всех, пожалуйста!

– Эх, ты! Теперь-то понимаешь, что большой – еще не герой, а маленький, он и есть удаленький! Не в размере счастье-то!

Поделилась Фиа своими запасами еды со всем муравейником. До самой весны всем хватило. А как потеплело, у Фии своя семья появилась, большая и дружная. Так и стали дружить домами и семьями.

ЦВЕТИ, МОЙ КРАЙ РОДНОЙ!

Вот тайга – великая красавица
С хвойными, пахучими лесами.
Во всём мире она славится
Щедрыми, богатыми дарами.
Там, вдали, пестреют маки
Разноцветными огнями.
Поспевают в поле злаки
Колосистыми коврами.

Тишь небес в лучах рассвета,
Гладь любимой Ангары,
В ней отраженье силуэта
Гребня – могучей горы.
Цвети мой край родной,
Назло и вопреки,
Зелёною тайгой,
Величием реки!

ДОЧКА...

Как быстро выросла дочка
И школа давно позади.
Поставлена юности точка
И взрослая жизнь впереди.

И пусть, что поставлена точка
И детство ушло в никуда...
Ведь умница – взрослая дочка
Для мамы малышка всегда!

В прошлом остались косички,
Бантики – полный пакет,
Школьных тетрадей странички
И в рамочке детский портрет.

Пусть новая жизни страница
Наполнится светом, добром!
Удача пусть чаще стучится
И счастье поселится в дом!

Конечно, порою взгрустнётся
О школьной чудесной поре,
Что детство уже не вернётся
И мимо пройдет в сентябре.

СИНЕЕ МОРЕ

За волной бежит волна,
Плещется, смеётся.
Говорлива и шумна,
Всё о берег бьётся.
Силою море чарует,
Манит своей красотой.
Мощной стихией волнует,
Следом зовёт за собой.
В синих бескрайних просторах
Призраки прожитых дней.
Рождается истина в спорах,
Тайна – в глубинах морей.
Манящее синее море,
Шкатулка секретов и грёз,
Прекрасно в безбрежном
просторе,
Пронизано сказкой насквозь.

СОВУШКА-СОВУНЯ

Совушка-совунья,
Глазастая сова.
Пернатая молчунья,
Большая голова.
Днём ей сладко спится
В домике – дупле.
Сон о мышках снится,
О лесном шмеле.
Ночь – её блаженство,
Время полетать.
В охоте – совершенство,
В полёте – не догнать.
Совушка-совунья,
Мудрая сова.
Пернатая ведунья,
Птица колдовства!

СЧАСТЬЕ НА ЛАДОШКЕ

Не выставляйте счастье напоказ –
Оно должно быть невидимкой
От всех людей, недобрых глаз.
Казаться просто лёгкой дымкой.
Всегда в душе живёт оно,
Уютно греется в ладошке.

Из нитей веры сплетено,
И волшебства совсем немножко.
Держите счастье при себе,
Не отпускайте понарошку.
Свой путь найдёт оно к тебе,
Раскрой ему свою ладошку.

ПО ВНЕШНОСТИ ЛЮДЕЙ НЕ СУДЯТ

По внешности людей не судят -
О них поступки больше говорят.
Они не предадут и не осудят,
И честностью своею удивят.
Порою писанный красавец,
Плечистый, рослый богатырь,

С гнилой душонкою, мерзавец,
И ненадежный, как пузырь.
За скромным обликом ищите
Неогранённый тот алмаз.
А если нашли – берегите!
Судьба наградила так вас!

СВОЙ ПУТЬ ВЫБИРАЙТЕ САМИ

Свой путь измеряйте шагами,
Неспешно бродя по земле.
Любуйтесь вдали облаками,
Шмелём на пшеничном стебле.
Цените любые мгновенья-
И радость, и горе, и грусть.

А зависть и тень сожаленья
Все реже заходят пусть.
Свой путь выбирайте сами,
Не дайте себя обмануть.
Идите вперёд за ветрами,
Не дайте мечте ускользнуть!

ПУСТЬ ДОБРАЯ ВЕСТЬ РАЗЛЕТИТСЯ...

Война... Сколько же ты погубила
Доблестных наших солдат!
Сколько в земле схоронила
Славных российских ребят!
Что ж ты никак не уймёшься?
Что ж не уймёшь аппетит?
Коршуном в небе все выёшься,
Что за добычей спешит.
Хватит уже измываться!
Хватит людей убивать!
Хватит любимым прощаться!

Хватит уж кровь проливать!
Пусть добрая весть разлетится,
Что кончилась эта война!
Пусть голубем в небе кружится –
За мир заплатили сполна!
И тысячи российских матерей
Осушат слёзы горя и утраты...
И вновь прижмут к груди
своих детей
Сыны Отчизны,
Родины солдаты!

ЛЮБОВЬ – ТАКАЯ РАЗНАЯ...

Бывает любовь неземная,
Соткана, словно из звёзд.
Будто чудес кладовая,
В двери стучится, как гость.
Бывает любовь беззаветная,
Горящая ночью и днём.
Но часто она безответная,
В ней тесно бывает вдвоём.
Бывает любовь безусловная,
Прозрачная, словно родник.

И часто бывает условная,
Холодная, как снеговик.
Любовь – такая разная
И жгущая сердца.
Но трепетно заразная,
Как песенка скворца.
И пусть она сверкает
Звёздами в ночи.
И в сердце зажигает
Фитилёк свечи...

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ

Заплутало мартовское солнце
Среди сонных призрачных елей.
И янтарными ручьями льётся,
Капельки роняя веселей.
Как дитя, балует в прятки
солнце.

Забавляясь, хочет поиграть.
Выглянет сквозь хвОю,
как в оконце,
Выглянет и спрячется опять.

ДОЖДИК – ХУЛИГАН

Дождь по крышам барабанит
Словно барабан.
Барабанить не устанет
Дождик – хулиган.
Слышно только тук да тук,
Тара – бара, тара – РАМ.
Это капель перестук,
Льётся дождик тут и там.
Шумный дождик льёт и льёт,
Громко барабанит.
Лишь минуту отдохнёт
И снова хулиганит.

УТРО В АПРЕЛЕ

Морозное утро,
Щёки горят.
Ели, как будто
В тумане стоят.
Небо голубое,
В сонной тишине,
Чистое такое,
Словно в полусне.

Веер морозца,
Тумана вуаль,
Лучики солнца,
Спящая даль...
Утро в апреле,
Сказочный лес.
Время капли,
Время чудес.

БАРАБАШКА

Барабашка шебуршится по углам,
Веселится шалунишка тут и там.
Не сидится барабашке целый день,
Барагозить и шалить ему не лень.
Бара – бара – бара – бара – бара – ра!
Барабашке отдыхать уже пора.
Но не хочет барабашка отдыхать,
Хочет прыгать он и хочет он играть!

НЕ БУДЬ ИСТЕРИЧКОЙ

Не будь истеричкой, не будь...
Будь выше обид и проблем.
Разрулится всё как-нибудь,
И справишься ты со всем!
Не будь истеричкой, не будь...
И слёзы свои ты утри.
Сильнее завистников будь
И страх в порошок ты сотри!
Не будь истеричкой. Зачем?
Ты справишься бедам назло!
На зависть обидчикам всем
Расправишь свободы крыло!

ДЯТЕЛ

Дятел стучит:
Тук – тУки, тук – тук!
Секунду молчит
И снова за стук.
Раздаются звуки,
Громкий перестук.
Это дятла стуки:
Туки – тУки – тук!

СОВЕТСКИМ ФИЛЬМАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Смотрите старые фильмы,
Советское наше кино.
Прикольные мультфильмы -
В них чуткости полно!
Любимый доктор Ватсон,
Шурик и Доцент.
Смешной сластёна Карлсон
И Кеше комплимент.
Винтик и Шпунтик,
Заяц и волк,
Сыщики, Фунтик
Знают в чём толк.

Кузя домовёнок
И котёнок Гав.
Из мультика чертёнок,
Медлительный Удав.
Смотрите, вспоминайте,
Смейтесь, аж до слёз!
Фильмы принимайте
В шутку и всерьёз.
Лучшему советскому кино,
Полезному, словно кефир,
Столетия жить суждено
Собой заполняя эфир!

АИСТ

Аист – красивая птица,
Птица мира и птица семьи.
Над полями, домами кружИтся,
И живёт она рядом с людьми.
Любит разных червячков,
Ящерок и мышек.

Майских вкусеньких жучков,
Лягушек – болтунишек.
Высокие красные ноги,
Важная гордая стать,
Ходит по краЮ дороги -
Аиста просто узнать!

БАБУСЯ ЯГУСЯ

Ох и Бабушка Яга,
Костяная ножка.
Любит золото, жемчуга,
Модница немножко.
По лесу летает
И не знает лень.
Ступу подгоняет
Метлою целый день.
Над дубравою летит,
Над дремучей чащей.
Во все стороны глядит
В ступе быстро мчащей.

Есть у Бабушки Яги
На болоте дом.
А у дома две ноги,
Кот на доме том.
Ягуся на досуге
Любит наварить
Зелья для подруги,
Чтобы угостить.
Ох и Бабка Ёжка -
Та ещё звезда!
В ступе у окошка
В сказках навсегда!

ЖИЗНЬ, КАК ПАЗЛ

Порою нужно все забыть,
Что, как зеницу ты берёг.
Вот просто взять и отпустить,
Переступив черты порог.
В мыслях о прошлом не нужно
Как по аллее бродить.
В прошлом так тесно и душно -
Не нужно его тербить.

Сколько бы вы ни старались,
Не клеится – вывод один.
И Боги порой ошибались.
Вы – части от разных картин
Но стоит ещё потрудиться,
Художники – те же творцы,
И пазлу удастся сложиться,
Найдутся желаний концы!

ОСЕНЬ – НЕ ПОВОД ДЛЯ ГРУСТИ...

Пышный букет рябины
Красуется вновь на окне.
Вновь листья роняют осины,
Качаясь, как будто во сне.
Туманы густые сковали
Хрустальную тишь по утрам.
Таинственно хмурыми стали
Деревья по хвойным лесам.
Все чаще, порой ниоткуда,
Нахлынет злодейка – печаль.
Появится грусти минута,
Оставив тревоги вуаль.
В природе опять обновление –
Осень вступает в права.

И снова малина в варенье,
И снова кружится листва.
И небо все чаще дождится,
Роняя слезу за слезой.
И к югу торопятся птицы,
Тепло унося за собой.
Осень не повод для грусти –
Это листья карусель,
Это лисички и грузди,
Звуков дождя колыбель.
Это повод уютно одеться,
Пледик любимый достать.
Чаем с малиной согреться
И добрую книгу читать.

Любому хочется спокойствия души
И радости от прожитых мгновений.
И частых встреч с природою в тиши,
И массы позитивных впечатлений.
Пройти по полю, золотом облитым,
Рукой касаясь нежных колосков.
И отдохнуть в тени, укрытым,
Раскидистою кроною кустов.
Настроить свои мысли, как гитару,
Прислушавшись к звучанию струны.
И с лёгким ветерком на пару
Взлететь до бесконечной вышины.
Любому хочется спокойствия души
И пусть оно почаще нас находит!
Во вкусном кофе, книгах, мягкой ржи-
Как тень пускай всегда за нами бродит!
И пусть оно крепчает с каждым днём
Назло всему тому, что окружает.
И будут нам заботы нипочём,
И радость пусть по жизни помогает!

Бескрайние поля зелёные
И солнцем обогретые луга,
И тополя, в берёзоньки
 влюблённые,
И лютиков бескрайни берега.
Заплутала меж полей
 немножко,
Длинною извилистой рекой,
Узкая песчаная дорожка
С мягкою зелёною травой.
Пышные хвойные ели

Тянутся к солнышку в ряд.
Лапы свои обогрели
И малахитом горят.
Трактор по полюшку кружит,
Пашет просторы земли.
Коршун над полем покружит
И растворится вдали.
Сибирское лето в разгаре,
Солнцем объята тайга.
В бронзовом летнем загаре
Тянутся рек берега.

АНГАРА ПОЧЕРНЕЛА В АПРЕЛЕ

Ангара почернела в апреле,
Стала тёмною, рыхлой такой.
Ледоколки опять прилетели
Бесконечной крылатой толпой.
И вот – вот ледоход уж начнётся,
Разорвётся река на куски.
К Енисею, стремглав, понесётся,
Ледяные разрушив тиски.
Поплывут великаны, толкаясь.
Зашуршит ледниковый покров.
И, грозно стеною вздымаясь,
Понесутся горы из льдов.

ЛУННАЯ НОЧЬ

За окном бушует ветер,
Вихри снежные летят.
А на небе, в лунном свете,
Звезды искрами горят!
Ночь, как черная птица,
Раскинула крылья свои.
Неспешно над лесом кру-
жится,
И вот уж коснулась земли.

Снежную шалью укрывшись,
Дремят леса и поля.
От будних проблем позабывшись,
Уснула родная земля.
Окутано все темнотою,
В окнах погасли огни.
Лишь звезды сияют с луною,
Ведь спутники ночи они.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ОСЕНИ

Все окутали туманы,
Вечереть уж стало рано.
Ночи темные стоят,
Звезды ярко не горят.
Вот и снова скоро осень,
Листья упадут все оземь.
Птицы улетят на юг,
Опустеет все вокруг.
Загорятся вновь рябины
Среди елей и осины,
В разноцветье наряжаясь,
Красным цветом наливаясь.

А поодаль - целый ряд –
Гроздья алые висят:
Драгоценные рубины
Появились у калины!
Как волшебная жар-птица,
Вдруг по веткам заструится
Ясно-яркий дивный цвет,
Словно сказочный букет!
Красок осень не жалеет
И без кисточки умеет
Разукрасить, оживить,
Все вокруг преобразить!

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ НА ПОТОМ...

Как часто слышим мы «потом»:
Потом создать семью,
Потом подумать о былом,
Оставшись где-то на краю.
И в дне вчерашнем оставляем
Мечты несбывшейся вуаль.
И с грустью позже размышляем,
Что не вернуть её, а жаль.
Мы не торопимся встречаться
И не стремимся создавать.
Любви взаимной отдаваться,
В объятья крепко заключать.
И счастье оставляя на «потом»,
Растрчиваем время на пути.
Как часто сожалеем лишь о том,
Что дважды в жизнь, увы, нам не войти.

НЕЖНАЯ УСЛАДА

Укутаюсь в черемухи цветах
И в сладком утону я аромате.
В манящих красотою лепестках,
Что землю устилают на закате.
Черемухи пленительный букет
Из роскоши ванили водопада,
Написанный природою куплет,
Души и сердца нежная услада...

НИТИ ПЕРЛАМУТРА

Висит прохлада утра
На каждом стебельке.
И нитью перламутра
Осталась на листке.
Окутала березы,
Коснулась елей, пихт,

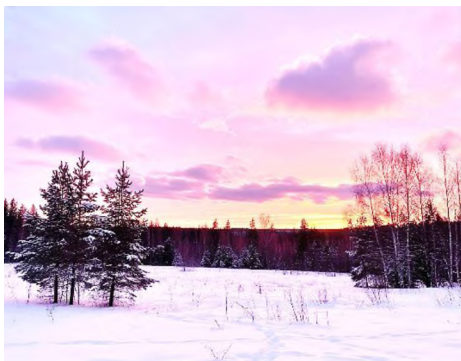
Оставив капель грёзы,
Прохлады лёгкий штрих.
Лучи лишь заискрятся,
Пронзая сосен даль,
Все капли превратятся
В прозрачную вуаль.

ПЕВЧИЙ ХОР

За окном на солнце ель
В тишине стоит.
И под ветра колыбель
Как будто тихо спит.
Синица на макушке,
Целый день деньской,
Поет свои частушки
Веселой чередой.
Ей хором подпевают
Прекрасные скворцы.
И песней восхищают
Пернатые певцы.

БЕСКРЫЛЫЕ ПТИЦЫ

На склоне мартовского дня
По небу потянулись вереницей
Облака, качаясь и маня,
Ставшие бескрылой птицей.
Они плывут неторопливо,
Неспешно так летят.
Во сне качаясь молчаливо,
Просторы неба бороздят.
Незаметно ночь подкралась,
Облаков уж не видать.
Покрывалом распласталась,
Пожелав спокойно спать.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ЕРИМБЕТОВА

Родилась 17.02.1958 г. в Раздолинске. Здесь же окончила школу, начала свой трудовой путь в этой же школе старшей пионервожатой, затем работала на строительстве пятиэтажных домов машинистом башенного крана, поскольку семидесятые годы — это годы комсомольскихстроек и романтики. Стихи писала лет с 13. Окончила Красноярский государственный педагогический университет, филологический факультет. Работаю в Раздолинском филиале «Енисейского многопрофильного техникума». Преподаю. Когда появились внуки, стала их сочинять сказки. По-прежнему пишу стихи.

ВОТ ТАКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Вот, вроде, много прожила,
А что мне о себе сказать?
Я мужу - много лет жена,
И нашим трем мальчишкам - мать.
До восемнадцати была
Любимой дочкой у отца,
А мама рано умерла,
И он меня жалел всегда.

Я выросла в СССР,
Я там любила и жила.
Я октябренок, пионер
И комсомолкою была.
Тогда любила и люблю
Я Родину без лишних слов.
И с трепетом всегда ловлю
Звук приходящих мне стихов.

ВETERАНАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Много лет уже как нет войны,
Май в окно стучится мирной веткой.
От души, из самой глубины
Поздравляем вас с Победой светлой!
Что б ни говорили, вы несли
Волю от фашизма всему свету.
Отстояли, вынесли, смогли
Дорогой ценой добыть Победу!
Над Россией колокольный звон.
Салютуя вам, летят ракеты.
Так примите низкий наш поклон
За свою Великую Победу!

Век двадцатый. Сорок страшный год

Разорвал цветущую весну.
Мессеры взорвали небосвод,
Объявив кровавую войну.
Застилала черный горизонт
Вздыбленная взрывами земля.
Под огнем вставал бессмертный фронт,
Умирая только жизни для.
Реет на ветру тяжелый шелк
Тех знамен, что не сожгла война.
И чеканит шаг бессмертный полк,
Слышим мы героев имена.
Рядом с нами все они стоят,
Тех времен бессмертные полки,
Будто нам, живущим, говорят:
«Вы готовы так стоять, сынки?»
Оглянись! Бессмертный батальон
Рядом, около стоит, плечом к плечу.
Ты живешь лишь потому, что он
Защитил тебя. Зажги свечу.

МОЙ РАЗДОЛИНСК

Невестою тайга кружит вальсок
С тобою у заснеженных околиц.
Ты Родины укромный уголок,
Рабочий мой поселок, мой Раздолинск.

В суровый край так много шло людей
И по своей, и не по доброй воле,
Среди морозов лютых и зверей
Рождался мой поселок, мой Раздолинск.

Твои дороги строили ЗЕКа,
И сними съел ты не один пуд соли.
Не знаю, сколько тайн хранит тайга,
С которою повенчан мой Раздолинск.

А те, которые сквозь дым войны прошли,
О павших вспоминая в сердце с болью,
Победу за себя, за них несли,
Со славой возвращаясь в свой Раздолинск

Гостеприимством слависься своим,
С добром пришедших встретишь хлебом-солью.
Молю, чтоб жил ты Господом храним,
Многонациональный мой Раздолинск.

Невестою тайга кружит вальсок
С тобою у заснеженных околиц.
Ты Родины Великой уголок,
Сибирский мой поселок, мой Раздолинск.

Люблю смотреть, как теплый ветер
Колышет чистое белье,
Люблю, когда смеются дети,
Люблю уютное жилье.
Пусть это все банально просто,
А сердце рвет от тишины,
Когда солдатские погосты
Нас окликают с той войны.
И с каждым годом тише, тише

Их раздаются голоса.
Мы дети тех солдат,
ты слышишь?
У нас их души и глаза.
Но если рвущимся набатом
В живущих ныне зазвучит
Стук сердца павшего солдата-
Русь будет жить!
Мы будем жить!

2013 г.

АНГАРА

Живет легенда: от отца-Байкала,
Когда приспела тайная пора
К любимому украдкой убежала
Единственная дочка АНГАРА.
Конечно же, девчонка понимала,
Что не простится своеволие ей,
Но тем сильнее бежала от Байкала,
Туда, где ждал любимый Енисей.
Не стал преградой и Шаманский камень,
Который бросил в гнев вслед отец.
У Стрелки, видишь ты бурлящий пламень
Навеки слившихся Двух любящих сердец.
Тебе дано к легенде прикасаться,
Быть рядом с ней, жить от ее щедрот,
Входить в нее, купаясь, наслаждаться
Ее прохладой, глубиной широт.
Ты можешь нежно взять ее в ладони,
Любуясь блеском волн из серебра.
Ты можешь делать все, но только помни,
Что это дочь Байкала-Ангара.
2015 г.

НА ЗАРЕ, НА ЗОРЕНЬКЕ

На заре, на зореньке выйду я на реченьку,
Ветерок опустится на речную гладь.
Берега привольные, даль тайги раздольная,
Ни конца, ни края той дали не видать.
Ивушка зеленые над рекой склоняются
И полощут косыньки в голубой волне.
Небо синеглазое в речке отражается,
Тянет свои лучики
Солнышко ко мне.
Ты моя сторонущка, сторона сибирская,
Люди здесь особые - крепкий дух и стать.
Все здесь мне любимое, все такое близкое,
Что привыкла с детства я Родиною звать.
2018 г.

ЕРМАК И АВРОРА (РОЕВ РУЧЕЙ)

Есть в Красноярском крае заповедник,
Там все условия для фауны и флоры,
Но расскажу я вам о северных медведях,
Они сестра и брат – Ермак с Авророй.
На Юге родились медвежьи дети,
Им родиной стал город Геленджик,
Родители их белые медведи,
А у детишек шубки – просто шик.
И не страшны им в этих шубках вьюги,
Метели и дожди, мороз и грязь.
Авророчка осталась жить на Юге,
А брат ее уехал в Красноярск.
Живет он в заповеднике сибирском,
Что называют Роевым ручьем.
Ермак играет, ловко ловит рыбку,
Мороз трескучий мишке нипочем.
Не близко друг от друга проживают
Два медвежонка. В гости к себе ждут,
Спасибо тем, кто их заботой окружает,
Тем людям, что природу берегут.
2023 г.

ОЛАДУШКИ *(для детей)*

Ладушки, ладушки,
Напечем оладушков!
Взяли с грядки кабачки,
Стерли их, туда муки,
Яйца, соль, щепотка
Соды. Сковородка
Пышет жаром, теста ждет,
Масло в ней кипит, поет.
Мы с любимой бабушкой
Напекли оладушков.
2015 г.

ОВОЩНАЯ СОЛЯНОЧКА

Попробуйте соляночки,
Соляночки из баночки.
Такое блюдо вкусное
К зиме готовим впрок.
В зелены помидорчики
Добавили морковочки,
Да перчики болгарские,
Да репчатый лучок.
Посолим, да посахарим,
Сдобрим томатной пастой,
Пяток горошин перчика
Душистого кладем.

Когда потушим овощи,
Чуть-чуть добавим уксуса -
Горячую соляночку
По банкам разольем.
Зимой откроешь баночку,
А там - твоя соляночка.
Захочешь - съешь холодную,
А хочешь - разогрей.
С соляночкой прекрасною
Ты вспомнишь лето красное.
Ешь овощи полезные,
Да чай горячий пей.

2016 г.

1 СЕНТЯБРЯ

Зелено-желтой веткою березы
Нам август машет, тихо уходя.
Идет сентябрь, сглатывая слезы
Холодного осеннего дождя.

Но осень тоже шлет свои приколы:

То заморозком кинет, то теплом.

В осенний первый день идем мы в школу,

И каждый раз как в первый раз идем.

Волнение написано на лицах,

У каждого в глазах отражено.

У тех, кто в первый класс идет учиться,

У тех, кто взрослым стал уже давно.

В больших букетах радуга играет,

Первосентябрьский звенит звонок-

Гостеприимно школа приглашает

В день знаний на торжественный урок.

2017 г.

ВАЛЬС ВЫПУСКНОЙ

Скоро черемуха белая
Шалью ажурной взмахнет.
Солнечный зайчик нам весело
И озорно подмигнет.
Радостно нам улыбаётся
Этот весенний денек.
Слышишь, звенит, заливается
Школьный последний звонок.
Припев: годы наши школьные,
Самые привольные,
Самые привольные,
Школа- ты наш дом.
Как же мы волнуемся,
Через миг закружимся,
Мы с тобой закружимся
в вальсе выпускном.

Нам так сегодня захочется
Выйти с ответом к доске.
И от волнения раскрошится
Мел в запотевшей руке.
Только задачки несложные
Нам у доски не решать:
Тесты теперь всевозможные
Будет нам жизнь задавать.
Сердце забьётся с тревогою,
Радость сольётся с тоской.
Школьное и босоное
Детство помашет рукой.
Ждут нас дороги далекие
И неизведанный край,
Встречи короткие, долгие.
Милая школа, прощай.

2017 г.

ОГОНЬ ЗВЕЗДЫ

Под эту прекрасную луну,
От шепота сердечко замирает,
Клянётся он, что для тебя одной
С небес высоких звездочки снимает.
Бегут рекою быстрою года,
Луна плывет на темном небосклоне.
И ждет наивно женщина, когда
Положит он звезду в ее ладони.
Но разве виноват мужчина в том,
Что женщина порой не замечает,
Как приходя в согретый ею дом,
Он звезды для нее с небес снимает?
Когда за борщ спасибо говорит,
Когда, целуя, нежно обнимает,
Когда прощает тысячи обид –
Он звезды для нее с небес снимает.
Когда красивый ужин при свечах,
Но это, правда, редко так бывает.
Но ведь бывает. Значит, в двух сердцах
Горит огонь звезды и не стораёт.

2013 г.

ПЛАЧЕТ СЕРДЦЕ

Тополь старый золотистый
Головой поник.
И в осеннем небе мгlistом
Журавлиный крик.
Плачет сердце в день ненастный
Как осенний дождь.
Видно, жду тебя напрасно-
Так и не придешь.
Ты скажи, мой друг, на милость,
Сердце успокой:

«В чем же, милый, провинилась
Я перед тобой?»
От тебя ответа, милый
Я не дождалась,
Лишь осенний ветер стылый
Прокричал, смеясь:
«Ты не жди напрасно друга,
Друга своего.
Твоя лучшая подруга
Увела его».

2016 г.

Тона и краски – все так верно
Творит природа без изъяна,
Поскольку в ней – все соразмерно:
От птицы в небе до бурьяна.
И глаз не может оторваться
От красоты нерукотворной.
Ведь можно только любоваться
Сибирью сказочной, просторной.

2018 г.

Мне нашепчет береза
Как подружка подружке
Пожелания счастья
И счастливой любви.
А я буду внимательно
и мечтательно слушать
Для меня предназначенный шелест листвы.
Я прижмусь к тебе крепко,
Белоствольная сказка,
Буду долго внимать разговорам твоим.
Но о чем говорить? Разговоры напрасны.
А давай мы о жизни с тобой помолчим.

2020 г.

ЛЮБОВЬ

Взглядами прикасаясь,
Встретились мы с тобой,
Я это точно знаю –
К нам подошла любовь.
Черемуховый дурман
Нас спеленал с тобой,
Это был не обман,
Это была любовь.
Все было как в тумане,
Мы так хотели любить.
В черемуховом дурмане
Счастье осталось жить.

Звезды мерцали вдали,
Звезды не знали слов.
Падая до Земли,
Благословляли любовь.
Все было как в тумане,
Мы так хотели любить.
В черемуховом дурмане
Счастье осталось жить.
Черемуховый дурман
Нас спеленал с тобой,
Это был не обман,
Это была любовь.

ОСЕНЬ НАШЕЙ ЛЮБВИ

Поздно или рано, рано или поздно
К каждому из нас она придет,
Нашей жизни осень в ярко-красных гроздьях,
О любви последней пропоет.
Сентябрь щедро нам стелил постель,
Огнем горели ягоды рябины,
Нам головы кружил любовный хмель,
Ах, как друг друга мы с тобой любили!
Видно не напрасно, видно не напрасно
Веточку рябины ты сорвал.
Было всё красиво, было всё так страстно,
Ты меня так нежно целовал.
Эту осень ветры, эту осень ветры
Зимовать оставили в полях,
Но осталась нежность поцелуев светлых
С горечью рябины на губах.
Сентябрь щедро нам стелил постель,
Огнем горели ягоды рябины,
Нам головы кружил любовный хмель,
Ах, как друг друга мы с тобой любили!

2022 г.

ГОДА-НАГЛЕЦЫ

Что печальна? Морщинок
прибавилось
От прожитых годков-наглецов?
Это солнышко позабавилось-
Набросало лучей на лицо.
Где улыбка задорная, дерзкая?
Убежала под грузом забот?
Но другая пришла, чисто женская,
И ты пользуйся ей без хлопот.
Наряжайся, езжай в путешествие.
Уже годы не те, говоришь?

Ерунда! Начинается шествие
В твою новую зрелую жизнь.
И слова: «Вот уж кляча я старая»
Говорить о себе не спеши.
Ты бываешь, ну, просто усталая.
Отдохнешь- и опять побежишь.
Пусть года-наглецы задыхаются
От погони за жизнью твоей.
А морщинки? Они появляются
Лишь от солнечных ярких лучей.
2023 г.

ЕЩЕ О ЛЮБВИ

Я в этой жизни ничего не понимаю!
Зачем я столько лет люблю тебя?
Вот за окном уж середина мая,
А в моей жизни даже не сентябрь.

Сегодня я была уже готова
Тебя не знаю, как и чем убить!
Но почему через минуту снова
Твои глаза мне хочется любить?

Ты точно дьявол, ты- исчадь ада!
Твержу я много лет день ото дня,
Но почему-то смех твой слышать рада
И твой намек, как любишь ты меня.

Нет, не хочу совсем я расставаться,
Пройдя с тобою рядом пятьдесят.
Нам вместе даже хорошо ругаться,
Ну а мириться лучше во сто крат.

Ну кто сказал: любовь приходит в мае,
Когда бушует зелень во дворе?
А мы с тобой, родной мой, точно знаем-
Она приходит в снежном январе.

2024 г.

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА ЕРМАКОВА

Родилась 29 октября 1967 года в р.п. Княгинино Горьковской области. Родители приехали в Южно-Енисейск, так и остались здесь жить. Детство и юность Ирины прошли в маленьком таежном посёлке. В 1984 году окончила Южно-Енисейскую среднюю школу, затем учёба в Красноярском политехническом техникуме, замужество, рождение детей. Самые лучшие годы, самые тёплые воспоминания, место, которое стало навеки родным и любимым...

В непростые 90-е годы, когда менялась не только страна, но и судьбы, семья приняла решение уехать обратно в Нижегородскую область на родину родителей. Так случился большой переезд родителей и молодой семьи Ермаковых. С 1997 года живет в небольшом городке Княгинино на среднем Поволжье. Тогда и появились первые стихи Ирины, в которых было щемящее чувство тоски, ностальгия по родной и такой далёкой родине, друзьям и одноклассникам.

В 2013 году вышел в свет первый сборник стихов «Женщина Весна», в котором большая часть стихотворений посвящена Южно-Енисейску, неповторимой красоте сибирской тайги. Написание стихов стало потребностью и состоянием души. В 2018 году появляется второй сборник «Спешите любить». В новой книге собраны лирические стихи о любви, семье, продолжается тема русской природы в разные времена года и женский взгляд на жизнь во всех её проявлениях.

Ирина пишет о том, что близко и понятно любой женщине, дорого и необходимо человеку. Читая стихи И. Ермаковой, постепенно приходишь к пониманию, что, всё, о чем она пишет – твоё, её чувства - это и твои чувства, её видение мира - это твоё видение. Достижение такого сопереживания - в этом смысл творчества любого поэта.

Общеизвестный постулат: назначение поэтического творчества – «чувства добрые лирой пробуждать». Стихи Ирины Ермаковой пробуждают именно такие чувства: доброты, красоты, духовности. Работая в сфере культуры Княгининского округа, Ирина Васильевна с удовольствием занимается творчеством: пишет сценарии, режиссирует постановки музыкальных программ, является организатором окружных конкурсов и фестивалей, автором ряда музыкальных произведений, которые исполняют творческие коллективы города.

Она благодарит судьбу, что подарила ей лучшие годы жизни в Сибири. Именно там зародилось маленькое зёрнышко творчества, которое выросло в большой цветущий сад её души!

РОДИНА

Родина,
Сколько же в этом слове смысла?
Родина там, где радуга коромыслом повисла.
Где просыпалась я утром рано
От поцелуя теплого мамы.

Там, где детство в ромашковом поле спряталось,
Улыбалось, смеялось, плакало,
Где босиком по лужам до одури...
И это родина вроде бы.

Родина без конца и края. И не важно, она какая:
Городская, фасонная, модная
Иль колхозная – огородная.
Её не сторонятся, её не стесняются.
Родина там, куда возвращаются!

МОЙ МИР

Накрыло меня, нахлынуло...
Как с чувствами этими
справиться?
Попробую стихотворением!
Понравится, не понравится.
Я в нём про любовь красивую,
Я в нём про свои страдания.
Какая же я наивная,
Кому здесь нужны признания?!
Не выгляжу ли посмешищем?
От мира всего отрешенная,
Стою я с душой распахнутой
Пред вами, как обнажённая.

«Чудачка какая-то, странная» -
У многих из уст так и просится.
Я просто дышу поэзией,
Чем дольше, тем больше
хочется!
В ней все мои беды, радости,
Эмоции, удивления
И в этот мир, как на исповедь,
Несу я стихотворения.
И мир этот мой, особенный,
Таинственный и волнительный.
И вход туда не для каждого,
А только по пригласительным!

И пускай их прочтут другие,
Но о чем, понимают двое!

99

Ночь за окном и тишина,
А мне опять приснится детство,
Мой край родной, хотя б во сне
Мне на тебя бы насмотреться.
И вот я в платьице простом
Бегу по улице знакомой,
И так спокойно и легко
Мне на крыльце родного дома.
Букет жарков к груди прижму,
Вокруг тайга – не наглядеться!!!
И воздух только здесь такой,
Ведь он особенный – из детства.

Выше солнца, выше облаков
Ты лети душа моя туда,
Пролетая на своём пути
Села и большие города.
За Урал, всё дальше на восток,
Где тайги распаханная ширь.
Место, куда путь такой далёк,
Просто называется Сибирь.
Не обнять тебя – не хватит рук,
В стужу ледяную не согреть,
Как бы не мечталось о тебе,
Видно, мне уже не долететь...

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЕРШ

Галина Александровна родилась в Канске в 1951 году. В этот же год с родителями переехала в Первомайск. Окончила школу, затем Канский педагогический техникум, но в школе работать не стала, пошла в Первомайскую сельскую библиотеку, затем окончила Канский библиотечный техникум.

Стихи начала писать с 14 лет. Печатались в районной газете «Ангарский рабочий». Первое стихотворение вышло в 8 классе. И сразу в школу приехал главный редактор газеты Георгий Иванович Панов: «У Вас есть два года подумать, мы дадим Вам направление в литературный институт». Но в литературный институт я побоялась поступать. Как говорится, поэт-самоучка.

Стихи печатались в Канской газете «Власть Советов», в журнале «Библиотекарь» (1974 год), в газете «Красноярский рабочий», в альманахах «Ангарские рассветы» (2003 год – выпуск № 2 и 2015 год – выпуск № 4).

Участвовала в литературных конкурсах. Так как я житель села, то главная тема стихов – сибирская природа, любовь к родине, патриотизм, все то, к чему душе не равнодушна. Сейчас проживаю в поселке Первомайске. Нахожусь на заслуженном отдыхе. Когда есть настроение – пишу стихи. (За участие в литературном конкурсе – первое место по району).

ПАМЯТЬ

Сколько пало в боях наших русских солдат!
Как хотелось им жить – как живём мы с тобой.
На земле молчаливоobeliski стоят,
Но нам кажется это – их голос живой.

Как герой на войне твой отец воевал.
Он погиб, не сдаваясь в последнем бою.
Жизнь отдал он за то, чтобы враг не топтал
Эту землю родную, твою и мою.

Где гремели бои, там деревья шумят.
И воронки от бомб уж травой заросли.
Но народ не забудет погибших солдат,
Ведь о них говорит память нашей земли.

Сколько пало в боях наших русских солдат!
Сколько братских могил, а еще неизвестных.
В День Победы салюты повсюду гремят
В честь пришедших с войны,
в честь погибших, пропавших без вести.

ДО СВИДАНИЯ, ЛЕТО!

Пролетело лето,
Словно не бывало.
Волны смыли на песке слова...
Там, где в жаркий день
По траве гуляла,
Опадает первая листва...

Всё закономерно,
После лета — осень,
И не повернуть
Время нам назад.
Медные монисты
Средь зеленых сосен,
Только почему-то не звенят.
Небо загрузило,

Солнце меньше греет,
Кажется, оно слишком высоко.
И стоит стеной
Над рекой притихшей,
Утренний туман, как молоко.

Пролетело лето,
Словно не бывало,
Но оно придет,
Для всех нас придет.
Там, где в жаркий день
По тропе гуляла,
«Здравствуй», — тихо скажет
И ладонь пожмет.

2021 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я открываю дверь — не верится.
Что первый снег. А с ним метелица,
И вижу след шагов
Мечты тревожных снов,
И не хочу, чтобы снег
растаял вновь.
А он летит, в ладони падая,
И каждая снежинка радует.
Я нарисую в ночь морозную

Рябину, что горит под звездами,
С чуть запорошенными гроздьями.
Я открываю дверь — не верится.
Что первый снег, а с ним метелица.
Но может быть они
Твой не затронут двор,
Где греет лето, зиме наперекор,
Печальный устремляя в небо взор.

2022 г.

СПОРТ ЗОВЕТ

Чтобы до ста лет прожить,
Надо спорт всем полюбить:
Обливаться, закаляться
И зарядкой заниматься.
Спорт полезен – спору нет,
И не важно, сколько лет...
Он здоровье укрепляет,
Это каждый малый знает.
Спорт в семье – такое счастье!
Если есть династия,
Пусть в начале без наград.
Главное - участие.

Если очень «поднажать»,
Можно чемпионом стать.
Нормативы выполнять
И награды получать.
Слава – сладкий леденец,
Но не у всех её венец.
Чтобы что-то получить,
Надо сто потов пролить.
Знак отличия мечты,
Но, поверь, победы ждут.
Главное, что в спорте ты,
Достижения придут.

АПРЕЛЬ

Идет апрель по улице
И на весну любитесь.
Погода – солнце жаркое,
Что тает даже лёд.
Глаза такие синие,
А в них: «Ты извини меня,
Что появляюсь редко я,
Один раз только в год».

Ручьи бегут весенние,
В них неба отражение.
Скоро цвести черемухе,
Вам голову кружить.
Идет апрель по улице
И на весну любитесь,
И думает, как тайно ей
Веснушки подарить.

2022 г.

В МУЗЕЕ ПУШКИНА

Я в городе, где Пушкин жил,
Где все хранит его следы,
Где он дышал, где он творил,
Но был заложником судьбы.
Вот лестница, здесь он ступал,
По ней несли после дуэли.
Поэт непобедимым пал.
Враги же покорить хотели.
Как мало лет, но сколько славы!
Но точным был врага прицел.

Столь низкие в ту пору нравы...
Защита чести – лишь дуэль.
Здесь мебель скромная, портреты,
Старинный шкаф, где книг ряды.
Но дух его царит при этом,
Среди глубокой тишины.
Вот под стеклом его жилетка,
Где виден страшной пули след.
Пройдут века, но будет вечно
В сердцах народа жить поэт.

г. Ленинград, 1982 г.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КИСЕЛЕВ

Родился в Красноярском крае, окончил Южно-Енисейскую школу, гидрографический факультет Высшего Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе в Ленинграде (1952), Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (1963). Был главным режиссером Мурманского областного драмтеатра, работал в Севастопольском драмтеатре.

Дружба с народным художником России Т. В. Ряннелем позволила ему стать хорошим художником. Он писал картины, в том числе и посвященные нашей малой Родине. От отца Василия Фокеевича ему передалась любовь к баяну. Его стихи изданы отдельным сборником. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Талантливый человек талантлив во всем!

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

1935 год. Ехали зимой в санной кибитке, как настоящие цыгане. Путь не близкий, не меньше шестисот километров от Канска. На заснеженном, замороженном пространстве редкие деревеньки. Папа (в дохе) погоняет лошадь, мы (мама с годовалым братом, сестра, я), завернутые шубами, под тентом дремлем в плавно покачивающихся санях. Самые приятные моменты – подъезд к очередному, долгожданному селу: вдали слабые одиночные огоньки, приглушенный лай собак. Эти звуки, случайно услышанные, волнуют меня и сейчас. Очередная остановка – это значит и настоящее тепло, горячий чай, «подбеленный» кусками замерзшего молока, и сон на тех же шубах, но во всю длину ног и тела. Уморенный и блаженствующий на нарах ночлежки, почти не ощущаешь злых укусов изголодавшихся клопов. С рассветом дальше и дальше на север, в тайгу.

Первый момент появления на прииске Гадаловском совершенно не остался в памяти. Полный «отруб», как бы сейчас сказали. Почему прибыли сюда, а не в другое место? Можно ведь было остановиться в Мотыгино, Раздолинске. Или проехать до Леоновска, где уже бывали?

Теперь уже не спросишь у папы, мамы... Можно только предположить. А предположить можно одно: прииск Гадаловск, названный в честь его дореволюционного хозяина, купца, предпринимателя, краснорца Гадалова, был центром района (отсюда его переименовали позже в Центральный). Мотыгино в то время было деревней, со всеми ее приметами. А у отца, видимо, было сильное желание расстаться с этим патриархальным миром, от которого он бежал из Макарово. Все его существо тянулось к чему-то другому, более городскому, цивилизованному. Собственно, в тридцатые годы шел массовый исход из деревень в город. А золотые прииски по сравнению с деревнями уже тогда отличались признаками полугородской жизни.

Поселок Раздолинск только еще начинал строиться, а Гадаловск уже бурлил полнотой новой жизни.

Южно-Енисейск (так прииск стал называться, кажется, с военных пор). В этом слове слишком многое заключено для меня, как и для сестер и брата. Немало пришлось повидать от Балтики до Тихого океана, от Баренцева моря до Черного, но нет дорожке этого таежного места. Видимо, по главной причине: там прошли детство, юность. А позже и по другой: там могилы бабушки, сестрички, мамы, папы. Ушедшие, спрятанные в глубь земли, они теперь как твои корни – не оборвать, не вырвать ничем и никому!

Прииск Южно-Енисейск расположен в 90 километрах на север от реки Ангары (с. Мотыгино). Шоссейная дорога к нему идет по «синусоиде»: то опускаясь, то поднимаясь по не очень высоким горам. Сколько раз мне приходилось преодолевать этот путь в разные годы и в разных «качествах»: пацаном, курсантом, морским офицером, театральным режиссером.

Дорога пересекает таежную глухомань, полную мошкеры и комаров. Стоит автобусу остановиться, стоит приоткрыть для проветривания окно – он мгновенно заполняется тучами гнуса. Но автобусы – техника последних лет, а в 30-40-е годы ходили по этой дороге только грузовые машины. Трясется люд в открытом кузове на досках, поставленных вдоль и поперек бортов, летом коптитесь до неузнаваемости пылью, зимой – промерзая до самых костей на сквозном ветерке.

Во время войны (бензин – фронту) машины двигались системой «газогенерации», а попросту, у кабинки ставились железные баки, где горели деревянные чурбашки – коротко нарезанные, наколотые поленья, дающие тепло и газ. На всю дорогу не хватало заправки. Тогда машины

останавливались у поленниц этих самых чурбашек, и начиналась погрузка, заправка баков.

На пути лишь одно солидное селение – поселок Раздолинск. Значит, если едешь из Мотыгино, преодолена одна треть пути. Сколько раз ни проезжаешь этот поселок, каждый раз замечаешь – растет! Растет число домов и бараков, на правой стороне от шоссе, в паре километров, строятся большие производственные помещения: в Раздолинске добывают сурьму. Машина здесь стоит недолго, шофер наскоро перекусывает в столовой, стоящей слева на взгорке. Пассажиры смиренно сидят, ждут, да и мало у кого есть деньги на подпитку. К тому же через два часа будем дома. Проезжаешь за околлицей Раздольного небольшой мосток и – дальше по «горам и весям».

После большого пролета – поселок Петропавловский, всего несколько домов. Это значит (точно) – до Южно-Енисейска осталось ровно 16 километров. Поселок этот, ныне исчезнувший, стоит на замечательном месте: скат огромной зеленой поляны, с одной стороны окаймленный стеной елей, сосен, с другой (далеко внизу) бежит ручей, быстрый, веселый, прозрачный, в окружении полян, старых заросших отвалов. На окраине ската, у стены хвойного леса – пионерлагерь, где мне посчастливилось бывать не один раз. Возможно, мне удастся и об этом подробнее рассказать при повествовании о пионерских школьных годах. А сейчас, как говорится, поехали дальше.

Спуск с поляны Петропавловска крутой и почти сразу же такой, но более затяжной, подъем наверх и вперед! Впереди осталось немного... Вот уже и последний, самый длинный, пологий спуск мимо кирпичного «завода» слева. «Завод», конечно, громко сказано. Простое барачное сооружение, и плохо помнится, когда он работал. Но на расстоянии видны разбросанные по земле красноватые кирпичи. Машина, словно чуя приближение конечного пункта, радостно мчится по ровной части дороги мимо отвалов, разрезов с голубоватой гладью.

... Вот и самый большой деревянный мост, построенный, как видно, по науке: с высокими стропилочными надстройками. С этого момента у меня всегда начинается легкая дрожь волнения. В мозгу начинается мельтешение, даже некоторое оупение. Дважды фотографировал этот мост, и никогда ничего не получалось – что-то не то нажимал у фотоаппарата. Под мостом гулко бурлит впервые пересекаемый дорогой Удереи, не очень широкая желтого цвета, замутненная дражными

переработками глины) река, спешащая к Южно-Енисейску. Кто быстреей?! Осталось всего ничего... Еще один – небольшой подъем от моста. Справа, внизу – пустырь бывшего посёлочка – Прокопьевского. До прибытия в Гадаловск мы на краткое время останавливались здесь. Очевидно, у каких-то дальних родственников или просто односельчан...

Последний небольшой подъем. Ощущение такое, словно ты на самолете пробегаешь стартовый участок перед подъемом в небо! Машина взлетает на последний взгорок и... панорама прииска. Сколько бы раз я не «взлетал», всякий раз при виде внезапно открывшейся панорамы перехватывает дыхание! Иногда и во сне то же самое происходит...

До окончательной остановки километра два-три. Мы едем по плоской части горы, приближаясь к «больничному» – окраине прииска, разделенной от основной ее части широкой поймой с разлившимся в ширь Удереем. За ним три мощные, округлые горы, переходящие одна в другую, в отсветах заходящего солнца, отливающие зеленью леса. Правая гора так и называется – «Зелёная». А соседка («двугорбая») – «Горелая», она чуть пониже. (В начале века она обгорела, но через несколько лет вновь покрылась густой порослью сосны, ольхи). Сегодня она уже сравнялась рослым лесом с «Зеленой». На террасе между подножием гор и Удереем протянулся прииск Южно-Енисейск.

...Шоссе сворачивает круто вправо и вниз. Слева остаются поликлиника, больница, почти скрытая стройными, развесистыми соснами. Еще дальше – кладбище, но нам туда «пока не надо», как пел бард-классик.

Последняя «стометровка»: мимо складов техснаба, ЦММ (центральной мехмастерской, где долгие годы до самой смерти трудился отец), через большой деревянный мост к пологому подъему в центр прииска. Пора готовиться к высадке... Последние метры: мимо «центрального» магазина, к «центральной» столовой – главному «пятачку» прииска. Приехали!..

Не раз приходилось слышать: «Ну что за стенания, вздохи по «малой Родине»? Вот и известный поэт, сценарист Геннадий Шпаликов почти о том же:

По несчастью или к счастью
Истина проста -
Никогда не возвращайся
В прежние места...

Строки эти я прочитал давно, сразу возникло несогласие с автором, но свое выношенное по этому поводу родилось в электричке Севастополь – Симферополь, когда в 1986 году ехал на Родину, в Сибирь. Вот что получилось:

По несчастью или к счастью,
Истина проста –
Никогда не забывайте
Отчие места.
Дом, который притулился
Окнами к горе,
Что Зеленою зовется
В той родной тайге.
Лог, спустившийся к порогу,
Где зимой лыжня;
И малину на Горелой
В солнцепеке дня.
Тропку над скалой Высокой,
А внизу реки,
В зелени полян Мозольной,
Яркие жарки.
Звук далекого баяна
В гулкой тишине,
Что несется с танцплощадки
Ночью при луне.
Замер прииск в тоске глубокой,
Даже Удерей

Приумолк и прояснился
В желтизне своей.
Звук летит, летит над прииском
В темной вышине,
Опускается в «Больничном»
Жестком сосняке.
Заросли могилы предков,
Сиротлив погост.
Одиноко накренился
Почерневший крест.
По несчастью или счастью
Думы без конца:
Почему ты старше ныне
Матери, отца?
Где тот срок окончить песню?
На каком витке?
А баян все плачет, плачет
Где-то вдалеке.
Возвращает память детство
Видно, неспроста.
Потому не забывайте
Отчие места!

... Итак, мы всем семейством на прииске. Видимо, из опыта дяди Вани, устроился папа конюхом в милиции. В ЦММ сразу попасть не мог, так как там уже была незнакомая ему, кузнецу, техника – паровой молот. Конюшня была зацепкой за новое место, тем более, что нам дали там же, на конюшне, небольшую комнатенку. Милицейская конюшня была выстроена добротно, с хорошим двором. Отец исправно трудился: уход за лошадьми был для него с малолетства привычным делом. Да и лошадей в его ведении было не так уж много – голов пять-шесть, не больше. Была среди них наша общая любимица – красавица кобыла Катька. О ней брат написал (напечатал в газете «Красноярский рабочий») теплый, драматический рассказ.

Рядом с конюшней стоял служебный милицейский барак (он и сейчас там стоит) и небольшой дом с высоким крыльцом – «Красный уголок», где иногда показывали фильмы, концерты самодеятельности, на столах лежали большие журналы с красочными иллюстрациями из истории РККА. Я никогда, до сих пор, не видел ничего подобного.

С восхищением разглядывал рисунки бойцов в буденовках, длинных кавалерийских шинелях, с красными грудными полосами. От них веяло романтикой боев, побед Красной Армии.

Здесь же я впервые услышал запавшие в душу на всю жизнь стихи из поэмы К. Симонова «Сын артиллериста»:

Держись, мой мальчик, на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! –
Такая уж поговорка
У майора была.

Милицейское начальство решило дополнительно построить новое служебное помещение, чуть ниже прежнего. Но оно вскоре сгорело. Зимой, ночью. Испугались, как бы и нас не прихватило – конюшня совсем рядом, но пронесло. Здание сгорело мгновенно (деревянное!), пожарники не смогли погасить. Я ничего плохого не хочу сказать в адрес наших пожарных. «Пожарка» до войны была гордостью прииска. Образцово-показательное подразделение! Своих машин у прииска не было, единственная «эмка» возила секретаря райкома. Пожарная «единица» (их было две) состояла из большой бочки с водой на телеге, запряженной тройкой лошадей. Но каких! Откормленных, лоснящихся, чуть ли не вылизанных ежедневным тщательным уходом.

Раз в месяц совершались выездные учения. Для прииска (особенно для ребятни) это был настоящий спектакль. Открывались, как занавес, широкие ворота пожарки, откуда не спеша вытанцовывала тройка. «Пристяжные» откидывали свои головы: одна влево, другая – вправо. «Коренник», вскинув горделиво голову, гарцевал почти на месте стройными, трепетными ногами, ожидая команду рвануть вперед. Пожарные блистали медными касками. Звенели колокольчики под дугами всех лошадей, разнося тревожно-торжественно-праздничное событие! Раздавался какой-то звук (как выстрел!), и тройка

срывалась, как олимпийский спринтер, почти мгновенно исчезая из видимости за облаком пыли. Пацаны с гиком мчались вслед, ориентируясь на слух по трезвону колокольцев и цоканью копыт. Незабываемое зрелище по тем временам!

Но главное место нашей ребячьей жизни – спортивная площадка здесь же, рядом с милицией. Летом на ней – игра в футбол с мячом, скатанным из лошадиной шерсти, а то и просто из тряпок. Зимой на площадке – каток. Играли в хоккей (тогда еще этого термина не было, говорили – «игра на льду с мячом»). Ключики делали сами, вырезали из березовых «загогуль». Замечательная это игра, особенно вечером под падающими снежинками, освещенными фонарями с угловых столбов катка. Обилие снега способствовало и другим играм.

Например, борьба за верх «сопки» (сугроба). Возникла она у нас после фильма «Волочаевские дни». Там был яркий эпизод: защита партизанами сопки от вражеских самураев. Фильм «Мы из Кронштадта» подсказал такую игру: забирались на крышу сараев и устраивали «расстрел» друг друга – падали, как моряки с обрыва, в снежные сугробы. В «Чапаеве» поразил нас эпизод кавалерийской атаки на каппелевцев. Уходили куда-нибудь на поляну с пригорком, снимали пиджаки, накидывали их на плечи (как бурка у Чапаева), садились верхом на прутик, в руках самодельная сабля, и с победным воплем «вылетали» из-за бугра, беспощадно рубя траву, лопухи.

Воздействие фильмов было сильнейшее, вера в происходящее – полнейшая! Поэтому, когда кто-то, рассказывая о фильме «Арсений», посвятил меня в секреты съемок, что, мол, с моста не человека сбрасывали, а «куклу», для меня это было потрясение. Никак не хотелось разрушать иллюзию «всамделишности» кино. Зрительская непосредственность того времени была не только у нас, детей, но и в такой же степени у взрослых. Особенно у недавно появившихся из деревень.

Следует подробно рассказать о «Центральном» стадионе предвоенной поры – главном месте всей общественно-спортивной жизни поселка. Находился он не очень далеко от нас, в пойме Удерея. После войны стадион перенесли в долину, где многие годы размещались огороды подсобного сельского хозяйства. И как-то на новом месте он захирел, не прижился. Все финальные спортивные состязания проводились на нашем «Центральном» (футбол, волейбол, бег, прыжки, метание диска, гранаты, игра в городки). Увлечение

футболом (особенно после фильма «Вратарь») захватило всю страну, не только нас. Главный герой Антон Кандидов был образцом для подражания подростковым вратарям.

Наша команда неизменно выигрывала. Были общие и личные «любимчики»-спортсмены, особенно футболисты. Нашим кумиром был Михаил Перевозчиков, приезжавший со службы в отпуск в офицерской форме (погиб на фронте, кажется, удостоен звания Героя Советского Союза)! Мы, ребята, ходили за ним, как утята за уткой. Ему неизменно поручали роль центрального нападающего. Играл он стремительно, точно, красиво. Да и сам был красив. Ворота защищал не менее боготворимый нами Ганя Владимиров, рослый, многосторонне развитый. Он в прыжках в высоту всегда ставил рекорды, помню, как он, единственный, преодолевал планку в 1 метр 80 см. Держал он первое место и по лыжам на дальней дистанции, дальше всех бросал копье, диск. Одним словом, талантливый спортсмен, многоборец по нынешней терминологии. Вернулся он с войны с раненой ногой, прихрамывал. Однако спорт не оставил, играл в волейбол.

Трудно сравнивать уровень мастерства футболистов того и нынешнего времени. Но тогда футбол был активным, наступательным, красивым и мужественным. Некоторые проделывали чуть ли не акробатические приемы. Аршинин Иван Гаврилович – учитель физкультуры – играя в защите, брал высокий мяч не головой, а бросался в «стойку» на руки и бил пяткой под бурные аплодисменты восторженных зрителей. Неприятно смотреть сейчас на игроков, забивших мяч в ворота. Они истерично ликуют, словно забили свой первый мяч в жизни, падают на колени, живот, прыгают в туземском восторге. Дешевая игра на публику, самореклама. А тогда!... Тогда сдержанность, мужество, благородство к противнику были нормами спортивного поведения. После забитого мяча футболист вел себя так, как будто ничего особенного не произошло. Спокойно, даже подчеркнуто спокойно, с достоинством возвращался он на свою сторону поля...

Не менее ожидаемое на стадионе появление духового оркестра! Играл он перед началом матча, во время соревнований, в антракте и финале. Мы, ребята, стремились находиться поближе к нему, а некоторым счастливчикам кто-нибудь из музыкантов, оставив себе мундштук, разрешал отнести трубу в клуб. Идешь, несешь трубу, как

царскую корону, и кажется, что все смотрят на тебя, счастливица. Можешь даже позволить себе извлечь из трубы без мундштука какой-нибудь хрюкающий звук. Не мог и думать тогда, что через пяток лет я буду играть в духовом оркестре, причем, на главной трубе.

... Без преувеличения – весь поселок собирался в эти часы на «Центральном» стадионе! Музыка, солнце, веселые лица, скромная нарядная одежда. С лотков продают недорогие лакомства. Никаких пьяных. Праздник! А после взрослых на том же поле – наш футбол. Играем до усталости, пока мяч виден, до полной темноты.

Я – правый крайний или центральный нападающий. Играл успешно. Доказательством тому – мое участие в сборной школы (также и в волейболе). А еще в 6 классе старшеклассники (9-й класс) вызвали нас на «равных» померяться силами.

Спортивный праздник вечером продолжался в клубе, на танцплощадке. Не менее любимые и посещаемые места, чем стадион.

В клубе показывали фильм, либо спектакль художественной самодетельности, возглавляемой профессиональными актерами, супругами Н.М. Сперанской и Д.П. Свидерским.

Тут я сделаю остановку, слишком многое сыграло в моей будущей профессии и жизни творчество этих замечательных людей, и я уделяю им отдельно особое внимание.

Клуб «Красный Октябрь» того времени – средоточие всей духовной самодетельной жизни Южно-Енисейска. Таежной глухоманью был в начале 30-х годов наш Удерецкий район, который благотворно преобразился с появлением на прииске в 1937 году профессиональной актерской пары – Натальи Михайловны Сперанской и Дмитрия Петровича Свидерского.

Я считал их ссыльными, но недавно выяснил, что их пригласили из Волгограда для создания «Рабочего театра». Молодая пара (ей было 23 года, ему немного больше) энергично взялась за дело. Замечательно то, что начали они серьезно, ответственно, с классического репертуара: Островского, Чехова, Шиллера, Гольдони и т. д. Умно, профессионально понимали – воспитать «труппу» можно только на добротной драматургической основе. А откуда «артисты»? Жители поселка: учителя, служащие, рабочие, старшеклассники. В работе не делали скидок ни себе, ни участникам. К художественному оформлению спектаклей, аксессуарам его – реквизиту, парикам, гриму – требования были без снисхождения на самодетельность.

Клуб «Красный Октябрь» забурлил творческой жизнью, достаточно сказать, что в один месяц иногда показывали до 20 спектаклей! Фактически, это режим нормального профессионального театра городского масштаба. Как я сейчас понимаю (посвятив театру четверть века). Сперанская была явно одаренная актриса. Ампула – лирико-драматическая героиня. Обаятельная, отличных внешних да иных данных, интеллигентная, умная, органичная, заразная.

Свидерский, внешне эффектный – высокий, стройный, с крупными, выразительными чертами лица романтического склада, большой, густой шевелюрой, но с определенными актерскими штампами. Этакий социальный герой театра «представления». Тем не менее, его Риварес в «Оводе» потрясал. Я этот спектакль смотрел неоднократно и каждый раз с неизменным волнением. Но и здесь Сперанская была убедительней, человечней, в абсолютном совпадении с образом, сложившимся из прочтения бессмертного романа. Впечатление от спектакля было настолько сильным, что я всю свою творческую жизнь мечтал поставить «Овода», одновременно боясь чего-то. Так и осталось это мечтой.

В роли Кручининой в спектакле «Без вины виноватые» Сперанская (сейчас не верится, что она играла ее в возрасте менее тридцати лет) достигала трагических высот. Было редкое сочетание личностного и профессионального, лиризма и драматизма.

Позже я долго подходил к оценке профессиональных актрис по мерке Натальи Михайловны (знала бы она!).

Помню также спектакли (видел, конечно, не все): «Ванька-ключник», «Чудесный сплав», «Чужой ребенок», «Медвежья свадьба», «Слуга двух господ» и другие. В последнем слугу Труффальдино блистательно играл Проня Мурзин (учился в 9 классе) – яркого, комедийного дарования. Сколько бы я потом не видел разных профессиональных исполнителей этой роли, никто с ним не мог сравниться. Проня хорошего роста, стройный, пластичный, но с лицом «простака», чуть вздернутым носом. Было впечатление, что он, играя «простаков», комедийные роли, в жизни намеренно подчеркивал серьезность, полную свою отстраненность от играемых персонажей.

Все та же примета того времени, этика поведения, сейчас, наоборот, артисты (и не только они), испытав малейший успех, «куют», пока горячо, настойчиво творя имидж и в жизни, всеми силами эксплуатируя удачу, выжимая дивиденды.

Проня Мурзин во время войны, в 1943 году, после 9 класса, вместе с десятиклассниками Виктором Сысоевым, Славой Меркурьевым попали в разные военные училища, мечтая о морских. Виктор и Слава – в Каспийское училище морской береговой обороны, а Проня – в морское авиационное где-то на Волге. В письме Славе Проня писал из училища: «Я по сравнению с вами «большой моряк», если что – погибать придется в море..!» Предугадал свою судьбу – так и погиб...

Как все взаимосвязано: через четыре года, когда в клубе решили восстановить «Слугу двух господ», Сперанская пригласила меня на разговор, предложила порепетировать роль Труффальдино. Приметила она меня в концертах школьной самодеятельности. С большим успехом я читал в концертах сатирико-юмористическую поэму военной темы. И сейчас помню текст (немцы план составляют):

В три пятнадцать – наступление
На советское селение,
Ровно в пять – село занять,
Флаг империи поднять!

Поэма написана от лица российского старика-партизана. Я натянул на себя драную шубенку (подпоясался веревкой), шапку (одно ухо вверх, другое – вниз), залатанные валенки, прицепил из пакли бороду. Чувствовал себя свободно, раскрепощенно, зал смеялся, горячо аплодировал. После концерта в клубе Свиридский подошел ко мне, поблагодарил, похвалил и все-таки заметил: «Только чего-то старик у тебя больно прыткий?» Стоящий рядом Тойво Васильевич Ряннель, учитель рисования, явно довольный успехом своего подопечного, взял меня под защиту: «Есть, есть такие шустрые Щукари!». И верно – я и «работал» под Щукаря.

Лестно было приглашение в серьезную работу драмколлектива, да еще на замену Прони, но шла весна 1948 года, я заканчивал десятый класс, собирался ехать в Ленинград. Отказался!

Актерская одаренность – семейное качество Мурзиных. Младшая сестра Прони, Клава (с ней мы учились вместе в 9, 10 классах), не знала себе равных в художественном чтении. Веза Павлович Анонен, учитель литературы, давал нам задания на чтение стихов в классе. Читал неплохо и я, но лучше всех она, Клава. Причем всегда самое серьезное, драматическое. К примеру, «Ваньку» Чехова. Замечательно читала. С этим она и в концертах выступала. Веза Павлович с гордостью мне рассказывал, какие она ему интересные письма писала из Томска, где она

училась в институте. Там на каком-то престижном конкурсе чтецов получила Клава первую премию, работала некоторое время диктором на радио.

Можно только предположить, в какую крупную творческую личность сформировался бы Проня Мурзин, если бы не его последняя трагическая роль в небе над морем...

Все эти крупницы духовности, мужества сеялись прежде всего школой, клубом с его нравственными наставниками Н.М. Сперанской и Д.П. Свицерским.

Завершая краткий рассказ о замечательной творческой паре, достойной памятника в Южно-Енисейске, добавляю информацию о них, появившуюся в 1987 году (и в газете «Ангарский рабочий», в том числе). В полувековой юбилей своего «рабочего театра» Наталья Михайловна приехала в Красноярск (Свицерский давно умер) к брату П.М. Хахалеву. В тот год ей исполнилось 75 лет! В Красноярске оказалось немало ее бывших воспитанников (из Мотыгино прилетели В.П. Анонен с женой).

Собрались в кафе «Бирюса» (человек 50-60) на юбилей театра, чествование своего художественного руководителя. Тосты, воспоминания, объяснения в любви все такой же энергичной духом Наталии Михайловне. Драмкружковцы совместно со Сперанской импровизационно проигрывают сцены из спектаклей «Без вины виноватые», «Не все коту масленица», «Коварство и любовь». Потом были песни довоенных лет, стихи, танцы, пляска!... Вот что значит тот дух предвоенного поколения, времени.

Собравшиеся на юбилей далекого таежного театра решили эти встречи продолжить. Но вряд ли теперь возможно собраться. А Наталье Михайловне сегодня 82 года.

Чуть выше я упоминал о роли нашей школы в нравственном, духовном воспитании молодого поколения. Кто они, наши учителя, тех, уже далеких, дней? Немало их, начиная от первой учительницы, Качалиной (к стыду, забыл имя, отчество). Всем им – низкий поклон. Упомяну лишь несколько педагогов, четко врезавшихся в память, сыгравших в наших судьбах немалую роль.

Прево Полина Леопольдовна, учительница немецкого языка. Училась у нее не одно поколение южноенисейцев. Личность уникальная. По ее рассказам, она встречалась с Чеховым. И внешне – типичный представитель дореволюционной интеллигенции: седые

волосы, зачесанные назад и собранные в пучок, удлиненное лицо с крупным добродушным носом и живые с лукавинкой глаза, очки на длинном шнурке. Одета либо в длинное платье со стоячим воротником, передней шнуровкой, либо с неизменным кружевным белым воротничком. Занятия она вела в раскованной, вольной форме, начинала урок, едва войдя в класс. Могла прийти с гитарой, спеть под собственный аккомпанемент немецкую песенку «Лорелей».

Я даже помню один концерт в клубе, где она перед занавесом пела: «Орленок, орленок, взлети выше солнца!».

С учениками умышленно разрушала барьер официальности, устанавливая взаимоотношения равных, хотя ни у кого не возникало желания воспользоваться этим. Слишком от нее веяло недостижимой высотой интеллигентности, духовности. Грамматика немецкого языка — довольно скучное занятие. Однажды, заметив зевнувшего ученика, она взмахнула руками, воскликнув: «Леликов, в моей молодости, в деревне, один так зевнул, что выскочила челюсть! А в округе эскулапа не было!...»

Кто она по национальности — не знаю. Фамилия ее мужа — Прево. Слышал я, что появилась Полина Леопольдовна в наших краях с семьей дочери, ссыльным зятем, венгром Матэ. По другой версии она сидела даже в Соловках, едва избежала расстрела, сослали ее вместе с родственниками в Сибирь. На память о ней у меня остались две фотографии: выпускная (1948 г.) и 1952 года, когда я после окончания Военно-морского училища, лейтенантом, побывал на родине. Она сфотографировалась с нами, небольшой группой учеников, выпуска 1947, 1948 годов, по счастливой случайности оказавшихся на приiske в одно и то же время.

В тот приезд помню и такой эпизод. Отмечали в семье мой приезд, когда мне передали, что Полина Леопольдовна приглашает сегодня посетить ее. Жила она тогда недалеко от нас, в малюсеньком отдельном домике (родственники уехали в «центр», кажется, в Москву). Было уже темно, но я пошел. Она приветливо встретила меня. В однокомнатном домике, аскетичном по обстановке — идеальная чистота. По всему было видно, что она ждала меня. Угостила чаем, много говорили о самом разном, больше о театрах Ленинграда. Вдруг мы услышали какой-то звук, вроде свиста. Я вышел — никого! Окликнул и вижу — из-за заборчика у калитки поднимается отец. Спрятался и посвистывает, меня вызывает, стесняясь зайти.

Оказывается, заждался меня и давно сидит у забора, но вот не выдержал, позвал. И такой от него веяло непосредственностью, почти «детскостью», желанием быть рядом со мной! И в то же время родительской гордостью за то, что его сына приглашает в гости всеми уважаемая на приiske учительница! На мое предложение зайти к Полине Леопольдовне в дом испуганно замахал руками. Пришлось проститься с Полиной Леопольдовной, и... навсегда!

Ряннель Тойво Васильевич, учитель рисования, ныне народный художник РСФСР. Попал в Сибирь он в начале 30-х годов вместе с высланными из-под Ленинграда родителями. По национальности финн, точнее (со слов его самого) – ингерманландец.

Видимо, он заметил во мне какие-то способности и пригласил в кружок ИЗО, который вел. На занятиях он давал основы рисунка, просвещал по истории живописи и т. п. Сначала мы с натуры рисовали карандашом, акварелью предметы быта, бюсты, затем выходили на гору Горелую, отвалы – писать пейзажи. Чем отличается обыкновенный человек от художника? Тем, что он смотрит, но не видит.

Тойво Васильевич раскрывал нам красоту окружающего мира. В его композиции, цвете, тонах и полутонах. Учил «видеть». А осенью в нашей тайге (если «видишь») – красота необыкновенная! Через год усложнял задачу, ставил перед нами живую человеческую натуру, большей частью стариков, старух. Молодые лица маловыразительны, да и характер еще не проглядывается. А лицо пожилого человека – летопись, в его морщинах, складках, тенях. Я и сейчас, увидев старое, выразительное лицо, машинально отмечаю про себя: вот это лицо интересно написать. Все оттуда, оттуда... из детства!

Сам он прекрасно владеет карандашом, кистью. Так и вижу его с мольбертом, перед станком, на котором пишет пейзажи, наклоня то и дело голову вправо-влево, щуря глаза, поджимая уголки губ. Кроме дара художника, в нем есть дар пропагандиста искусства и вообще всего прекрасного. Всю жизнь пишет стихи, а в последнее время и прозу (мемуары). Энергии, трудоспособности – феноменальной!

Было ему в ту пору двадцать с небольшим лет. Когда мы встречались с ним в год его 70-летия, он был таким же (несмотря на перенесенный инфаркт), полным всяческих замыслов. Только что вернулся из Югославии, где была организована персональная выставка его картин. Без дела, без карандаша, кисти невозможно его представить. Надо сказать, трудолюбие – основное национальное качество финнов. Но немало у

нас с ними (особенно сибиряков) в характере общего – сдержанность, некоторая даже скрытность, застенчивость, за которыми не показные – доброта, надежность. Наверное, потому, что угро-финны – далекие наши общие предки.

Музеев, естественно, на прииске не было. Живопись мы изучали, рассматривая художественные открытки, приносимые Тойво Васильевичем. Ко мне он относился как-то особенно тепло, считал своей надеждой. Не один раз он приглашал меня домой в маленькую холостяцкую комнату посмотреть открытки, альбомы. Потом он как бы мимоходом говорил: «Не знаю, как ты, а я еще не обедал». Что-то готовил по-холостяцки, ставил на стол: «Давай за компанию, одному в присутствии гостей есть неприлично. Не думай отказываться!» Подкармливал, хорошо зная, что мы, детвора военной поры, ходим полуголодные... Карандаши, бумагу, резинки покупал нам для занятий на свою скромную учительскую зарплату. Разве можно такое забыть!..

Пробовал себя Тойво Васильевич и в других «ипостасях»: участвовал в спектаклях клуба, лыжных гонках. Кажется, и в духовом оркестре играл. На один из новогодних вечеров в школе (там часто проводили конкурс костюмов) появился в живописном, красочно расписанном костюме русского витязя (один шлем слепить из картона, бумаги – огромный труд!) Само собой – получил главный приз.

Еще во время войны Тойво Васильевич Ряннель пытался поступить в Академию художеств в Ленинграде – не приняли по причине ссыльности родителей, войны с Финляндией. Правда, я не пойму, чему он там собирался учиться, так как был уже законченный профессионал, с устоявшимися художественными принципами.

Но все равно, сам факт отказа несправедлив, обиден. По-моему, эта обида осталась у него на сердце навсегда, как и высылка его семьи из родных мест.

Забегая вперед, скажу, что сегодня он с семьей уехал в Финляндию. Но квартиру в Красноярске не сдал, не продал! Думаю, от Сибири ему уже не уехать, слишком многое с ней его связывает, хотя при последней встрече сетовал, что его реалистическая живопись здесь никому не нужна – новые времена!...

А тогда, в 1943 году, от обиды на Академию оставил школу, ушел техником-геодезистом в тайгу, «зализывать раны». Но от себя не уйдешь – продолжал рисовать. В 1946 году перебрался в Красноярск. Преподавал в Суриковской школе (помогла тут его двухгодичная

учеба в Омском художественном училище и опыт занятий с нами в ИЗО). В Красноярске он быстро завоевал признание и получил квартиру, где я бывал в гостях уже лейтенантом ВМФ.

Авторитет его среди художников рос стремительно: в 1947 году приняли в Союз художников СССР, в 1974 году получил почетное звание Заслуженного художника РСФСР, потом и народного художника РСФСР. Как говорится, без всяких «академиев»!

Я не оправдал его надежд в том смысле, что не пошел учиться дальше по рисовальной части, не стал профессиональным художником, но вложенное Тойво Васильевичем даром не пропало. В моей будущей профессии режиссера театра работа с художником спектакля одна из главных. Да и строить в спектакле мизансцены, чувствовать динамику пространства без уроков, данных мне Тойво Васильевичем, вряд ли я бы смог. Поэтому я и считаю его своим первым «крестным» в искусстве.

Не могу не сказать о втором моем «крестном» в искусстве – Веза Павловиче Анонене. Общение с ним, к сожалению, было кратким, но значительным по влиянию на мой духовный мир, выбор профессии.

В начале десятого класса мы затеяли «бузу» (не без моего активного участия). Литературу начала преподавать недавно появившаяся учительница, средних лет женщина. Попала она в школу, по всей видимости, случайно. Приходила в класс, выкладывала на стол учебник и, поглядывая на него, монотонно пересказывала напечатанный текст. А когда она перед тем, как начать урок о Маяковском, заявила, что поэт в общем-то не любит, но по программе пройти надо, мы не выдержали. Инициативной группой пошли к директору и заявили, что нас не устраивает преподаватель, попросили замены. Убежден, что такого в нашей школе не было ни «до», ни «после» нас. Случай был настолько «из ряда вон», что дирекция разумно решила ликвидировать конфликт в зародыше, и новая учительница также незаметно исчезла из школы, как и появилась.

И вот как-то без перерыва в занятиях и без предупреждения на урок литературы пришел молодой, двадцатитрехлетний, небольшого роста, легкий, подвижный, изящный педагог, всего три года назад окончивший нашу же школу. Со странным именем Веза. Веза Павлович Анонен, финн, из семьи ссыльных все тех же злополучных 30-х годов. В школе он появился недавно, преподавал литературу в восьмом классе. Веза Павлович, естественно, знал о причине

«бунта», понимал, что этих «бузотеров» надо взять чем-то иным, и, желательно, с ходу. Он так и начал. Поскольку наша «любовь» с предыдущей учительницей закончилась на нелюбви ее к Маяковскому, то Веза Павлович, представ перед нашими придирчивыми очами, без лишних слов начал читать его стихи. Читал он блестяще! Такого и слышать не приходилось. Безусловно, он обладал яркими актерскими данными и редким чувством зрителя.

Я это могу подтвердить теперь, уже исходя из своего большого творческого опыта. А тогда он дал нам задание выучить любое понравившееся стихотворение Маяковского. Помню, я выучил: «Товарищу Нетте – пароходу и человеку», Клава Мурзина – «Стихи о советском паспорте».

Но прекрасно читать стихи еще не все для педагога. Он оказался глубоким, тонким аналитиком творчества, стилистики изучаемого поэта, писателя. Отвечая как-то на вопрос о Чехове, я повторил слова из учебника о том, что он «певец серого на сером фоне». Веза Павлович не согласился: «А вы читали рассказы (далее перечислил их)? Почитайте, потом еще поговорим». Дома я прочитал рекомендованные рассказы, вдосталь нахохотавшись. С тех пор Чехов стал моим любимым писателем. Вскоре мы с одноклассником Володей Соколовым самостоятельно отрепетировали его скетч «Трагик поневоле», позже я читал с эстрады рассказ Чехова «Пересолил».

К каждому уроку Веза Павлович подходил творчески, проявляя богатую фантазию. Не имея специального педагогического образования, он был педагогом от природы, от Бога! Позже он закончит (заочно) педагогический институт, получит почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР. Во внеклассной работе Веза Павлович репетировал с нами сцены из спектаклей, и сам в то же время участвовал в спектаклях клуба, рассказывал смешные, меткие по наблюдательности «ангарские бывальщины».

Помнится, при чтении одной пьески мне понравилась эффектная роль (один костюм чего стоил!) немецкого офицера. Велико было мое огорчение, когда при распределении ролей я был назначен на роль... предателя-старосты! Заметив мое состояние, Веза Павлович объяснил мне: «Роль офицера, к сожалению, выписана неважно, прямолинейно, и играть там нечего. А вот староста – трагическая роль! Сложная роль – тут надо голову поломать, а это в творчестве интереснее». Роль старосты действительно потребовала от меня сложности

«вхождения в образ», огромной эмоциональной отдачи. Одна сцена ползания на коленях со слезами раскаяния, страха перед партизанами чего стоила!

Это был первый мой театрально-профессиональный урок: работать, играть интереснее не то, что эффектно, а то, что сложно, где есть человеческая судьба.

Наблюдая актерский успех самого Везы Павловича (мечтая уже о театральном институте), я как-то спросил его, почему он не пошел в артисты. Он помолчал немного, потом сказал: «Слишком серьезный вопрос, Вася. Я подумаю, отвечу тебе завтра». При следующей встрече продолжил: «На твой вопрос отвечу вопросом к тебе: как ты думаешь, кто больше принес людям реальной пользы – актриса, сыгравшая роль учительницы в кинофильме «Сельская учительница», или сама учительница в деревне? «Не знаю», – ответил я. Ну вот. Пока и я не знаю. Думаю».

Для себя он давно решил вопрос, а я до сих пор думаю над ним и не нахожу ответа.

Актерство явно увлекло меня, пребывание на сцене в образе кого-либо опьяняло. Мне уже мало было участия в скетчах, художественного чтения, баянного дуэта, духового оркестра. По примеру Везы Павловича, я смело «полез» в конференсье. Вычитывал из журналов (в основном, из «Крокодила») анекдоты, разные «байки», остроты.

Я всерьез начал подумывать об актерской профессии. Этому способствовало и кино того времени. Выход почти каждого фильма являлся событием для всей страны. Один за другим выходили фильмы Г. Александрова: «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» (этот фильм и сегодня я могу смотреть каждый день), «Светлый путь», «Весна» с удивительной музыкой И. Дунаевского.

Во время войны шла серия мужественных, патриотичных фильмов. Имена актеров были в ряду имен национальных героев. Ну как тут было не заболеть актерской профессией? Но вторглась реальность: материальной возможности учиться в вузе не было.

Шла весна 1948 года, и тут произошел неожиданный жизненный поворот: одноклассник уговорил поступать в Высшее Военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинграде – проезд бесплатный, обучение бесплатное. От этого вынужденного варианта повеяло и романтикой дальних заморских путешествий, необыкновенной жизни.

В начале июня мы с приятелем уже тряслись в кузове грузовика, уносящего нас все дальше и дальше от прииска. Хотя и мчалась машина по «горизонтальной оси», в возбужденном воображении вспыхивали кадры киноприема: поднимается камера оператора по вертикали все выше и выше! Пятачок местности с горами Горелой, Зеленой, поселком, кладбищем, извилистой ленточкой Удерея уменьшается, уменьшается и, наконец, исчезает совсем!

Но нет, двигается грузовик по золотоносной таежной земле, унося нас от всего того, что потом будет возникать лишь во сне, как самое дорогое и светлое, что было у тебя за всю жизнь, несмотря на все тяжести там прожитого, от чего при малейшем воспоминании начинает ныть душа своей невозвратностью!

Детство и юность закончились...

Стихи Василия Васильевича Киселева к его картине «Центральный магазин»

Центральный магазин, афиша давних лет,
Всё будоражит память детства.
Оставил здесь заметный след
Мой друг, из дома по соседству.
Покой во всём и тишина,
Чистейший снег всё обрамляет.
Зимой, родная сторона,
Тебя никто не забывает.
Там все начала! До сих пор
Влечет туда неудержимо.
Тоскою рвётся на простор
Душа, где всё до слёз любимо.
Поклон тебе – посёлок мой!
За всё тебе я благодарен.
Не повидаться мне с тобой,
Я этим очень опечален.

*2021 год
г. Мурманск*

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ КИСЕЛЕВ

Леонид Васильевич Киселев – писатель-историк, краевед, доктор наук, член Российского союза писателей, автор более 400 публикаций научных работ и 12 книг об истории Южно-Енисейского горного округа Удере́йского района. Известный красноярский спортсмен, тренер и ученый. Первый мастер спорта СССР по лыжным гонкам среди мужчин в Красноярском крае (1958). Окончил Красноярский техникум физической культуры (1957), факультет физического воспитания Красноярского педагогического института (1964), аспирантуру (сектор истории и теории циклических видов спорта с основами спортивной физиологии) Ленинградского НИИ физической культуры с последующей защитой кандидатской диссертации во Всесоюзном НИИ физической культуры и спорта в г. Москве (1970). В 1978 году окончил политический университет для управленческого персонала.

«Я хорошо знаю удерейские прииски. Родился, провел детство, учился в школе в Южно-Енисейске. Здесь начал свою трудовую жизнь. Работал в геологической партии, на лесозаготовках, в мехмастерских, исходил удерейскую тайгу по всем направлениям. Окончил институт, аспирантуру, докторантуру по специальности «Физиология человека», опубликовал около 100 научных работ, две книги. Вот уже 25 лет занимаюсь научно-идеологической деятельностью, работая в высших учебных заведениях Красноярска. В настоящее время доцент, заведующий кафедрой Красноярского инженерно-строительного института. Горячую любовь к Родине – удерейским приискам я сохранил на всю жизнь. 30 лет собираю материалы о приисках, изучаю их историю в библиотеках и архивах страны, записываю события со слов тех, с кем приходится встречаться в жизни. Мысль написать книгу об удерейских приисках, о людях, живших на них в самые трудные годы, стала моей жизненной потребностью, обязательством перед будущим поколением. Сейчас закончена первая книга под общим названием «Кровавый след». Она повествует о национализации удерейских приисков в период 1921-1923 годов. Продолжаю изучать материалы об Удере́йском, затем

Мотыгинском районе в период с 1930 по 1960 годы. В жизни может случиться всякое. И если не успею опубликовать книгу об удерейских приисках, то рукопись (около 300 страниц) по завещанию оставляю для Южно-Енисейской средней школы. Будущее поколение должно знать историю своего района».

**Из материалов газеты «Ангарский рабочий»
от 29 июня, 1 июля, 6 июля 1989 года**

«В УДЕРЕЙСКОЙ ТАЙГЕ»

Удерейские прииски прошли трудный и сложный исторический путь своего развития. Его начало определялось теми экономическими условиями, в которых находилась Россия.

Интересно было знать, как появилось название реки Удерей и что оно значило. Предания, живущие в памяти народа, и прежде всего тунгусов, исконно населяющих удерейскую тайгу, дали ответ на этот вопрос. Легенда говорит, что давным-давно в таежных крепях, среди горных круч смерть зависла над старым слепым тунгусом – вожаком большого племени. Обреченный тунгус повелевал, чтобы выполнили его последнюю волю - захоронили в долине на берегах золотой речки – Удерей. С тех пор и зовут ее Удереем, а тайгу золотой, удерейской. А вслед за этим в удерейской тайге появились другие тунгусские названия золотых рек: Удоронга, Уромка.

XVII век начался на Руси насильственным освоением огромных территорий Сибири, закончился он народным бунтом. Победить абсолютизм царского режима в Красноярске бунтовщики не смогли. Кто послабее – сдался, а кто посильнее – не покорился, сбежал.

Спасаясь от преследований царских служивых людей, беглецы, отыскивая приволье, попадали в Приангарье, удерейскую тайгу, забиваясь в самую глушь. Выбираясь из таежных крепей, беглецы находили на дне искрящихся от солнца ключей и светловодного Удеря открытые золотые россыпи.

Начало интенсивного развития капитализма в России требовало много денег, эквивалентом им являлось золото. Развитие капитализма совпало с восстанием декабристов. Россия содрогнулась, трон качнулся, но устоял. Российский трон всегда держался на силе

власти и золота. Царское правительство приняло закон о золотых промыслах. Это послужило толчком для освоения больших территорий в Енисейской губернии. В 1834 году открыты месторождения золота в Хакасии. В 1837 году из Красноярска на Удереи были отправлены первые поисковые партии. Фартовым оказался поиск – тунгусы помогли.

Разведка удерейского золота началась с границ Нижнего Приангарья. Сразу же были найдены золотые россыпи на подступах к удерейской тайге на речке Малый Шаарган, притоке Удерея. На следующий год здесь был заложен прииск Петропавловский, один из самых золотоносных в Енисейской губернии. За первые 60 лет на нем было добыто 590 пудов золота.

В 1839 году в удерейской тайге открыты первые крупные золотые россыпи. Заложены прииски Иннокентьевский на вершине Удерея, Успенский на речке Безымянной, Спасский на речке Пескиной. Прииски принадлежали красноярским купцам Мясникову Никите и Рязанову Игнатию. В том же году на Удерее были найдены Сократовские золотые россыпи.

В 1840 году заложен прииск Александровский, самый большой по площади. Он начинался от скал, проходил мимо гор Зеленой и Горелой через нынешний Гремучий ключ и заканчивался неподалеку от прииска Никольского на речке Холмы, в дальнейшем Покровского, на котором родился известный красноярский философ профессор В.Ф. Голосов.

Сразу же при Енисейском горном управлении в Красноярске был выделен Южно-Енисейский горный округ для надзора за добычей золота на Удерее. С этого времени удерейский золотоносный район занимает особое место в экономике Приангарья, Енисейской губернии. «Золотая горячка» разбудила спавшее веками Приангарье, удерейскую глушь. Люди бросили в городе ремесло, хозяйство в деревне и ринулись в Мотыгино, на Удереи за «золотым счастьем». Но скоро оказалось, что это был обман.

«Золотая лихорадка» обнажила жестокую эксплуатацию рабочих и хищническую добычу удерейского золота. Каждый рабочий вскапывал и промывал за день более пяти с половиной тонн горной породы. Среднее содержание золота было 21 грамм на сто пудов песка, а его добыча за сезон на одного рабочего доходила до 1357 граммов. Самому же старателю доставалась малая доля.

Уже в старательские сезоны 1840-1842 гг. на приисках Иннокентьевский, Успенский и Спасский промывку золота вели 2157 рабочих. Они добыли сто двадцать три пуда золота.

В 1850 году на речке Безымянной, притоке Удерья, рядом с Успенским прииском, был открыт Воскресенский. За первые девять лет на нем работали две тысячи старателей и добыли девяносто пять пудов золота. Через первые удерейские прииски золотоискатели проложили путь вглубь тайги и заложили прииски Уромский на речке Уромке, притоке Удерья, Николаевский на Пенченге, Михайловский на Удоронге.

Разведка золота на Удерее послужила толчком для освоения других местностей. На реке Большая Мурожная открываются прииски Свято-Троицкий и Екатерининский, на речке Тюрепино – Иоана-Богословский. Это расширяло экономику Приангарья. Доверенные сановники царя с его согласия пошли в сговор с золотопромышленной верхушкой Красноярска и получили золотосодержащие местности на Удерее. Потребовалась дополнительная рабочая сила. И пошли на удерейские прииски бунтовщики из числа военных и гражданских лиц. Из центра России через Красноярск и Мотыгино до берегов Удерья была проложена каторжная дорога.

Самой зловещей фигурой и организатором получения удерейского золота был граф А. Х. Бенкендорф, шеф жандармов и начальник тайной полиции, тот самый Бенкендорф, который жестоко травил А. С. Пушкина. После смерти он завещал прииск Благовещенский на речке Мамон своим родственникам. С 1852 по 1859 год на прииск было отправлено 2356 опальных солдат и неблагонадежных интеллигентов. Они добыли для родственников Бенкендорфа сто пятьдесят шесть пудов золота.

Графу Орлову и княгине Трубецкой принадлежали прииски Алексеевский и Марининский на речке Пескиной, притоке Удерья. С 1845 по 1858 год на них работали две тысячи восьмьсот солдат и опальных вольнодумцев. Граф и княгиня за это время взяли из удерейской матушки-земли восемьдесят четыре пуда золота.

С удерейских приисков брал золото и барон М. А. Корф - царский министр, учившийся вместе с А. С. Пушкиным в Царскосельском лицее. Он был хозяином приисков Розалиевский на речке Подгалешной.

Хозяевами приисков Елизаветинский и Николаевский на Удерее были княгиня Варшавская и графиня Паскевич-Эриванская. Прииск

Варваринский на речке Малый Шаарган принадлежал княгине Горчаковой.

Со времени открытия удерейских золотых россыпей за первые двадцать лет на восьми приисках на три семьи царских сановников и две семьи красноярских золотопромышленников трудилось около четырнадцати тысяч рабочих. За это время они добыли семьсот сорок три пуда золота.

За каких-то полсотни лет в удерейской тайге заложили добрую сотню приисков, собрали тысячи килограммов золота, Енисейскую губернию сделали золотой вотчиной императорского двора, а царствующую семью озолотили.

Отмена крепостного права и возрастание роли вольнонаемного труда усиливают надзор за добычей удерейского золота. В 1886 году в Красноярске при Южно-Енисейском горном округе учреждается царский надзорный орган – канцелярия. Все удерейские прииски заново проходят регистрацию и попадают под усиленный контроль чиновников канцелярии. Они открывали и закрывали удерейские прииски, проводили отвод золотосодержащих местностей, увеличивая на них подесятинные подати. С этого времени за добычей удерейского золота усиливается не только канцелярский, но и полицейский надзор, в помощь канцелярии выделяется горная полиция.

Вся канцелярская власть над удерейскими приисками была в руках отводчика золотосодержащих местностей Г. Ф. Вербицкого, проживавшего в Красноярске.

С самого начала открытия золота на Удерее его промысел носил кустарный характер. Долго его промывали в деревянных лотках и колодах. Об этом еще в 1947 году поведали остатки деревянных сооружений тех времен на Александро-Невском прииске на Удоронге.

Из-за отсутствия и дороговизны металла медленно внедрялись в старательное дело железные баксы. При добыче золота старателей часто подстерегала гибель. Свидетельством тому является в начале века обвал шахты между Удереем и Пескиной, в которой остались погребенными несколько десятков старателей. Трагедия потрясла все удерейские прииски. А их хозяева, красноярские купчихи А. Рязанова, М. Лизчева и Н. Переплетчикова не занимались поисками новых способов добычи золота. Все это тормозило развитие золотодобычи, и она стала заметно уменьшаться.

В начале XX века в России произошла промышленная революция. Она коснулась и золота. Начинает резко меняться характер его добычи. В 1900 году красноярский купец И. В. Щукин организовал золотопромышленное Акционерное общество «Драга». Однако своих сил в Красноярске не хватило, и чтобы перевести на Удерее старательскую добычу золота на промышленную, Щукин обратился к заграничной помощи. В Лондоне открыл он контору своего Акционерного общества, из Брюсселя пригласил на работу горных инженеров. На удерейские припеки стали проникать иностранцы.

Вскоре на Удерее появились первые одночерпаковые драги и началась промышленная добыча золота. С этого времени в момент перехода капитализма в монополистическую стадию своего развития происходит концентрация удерейского приискового производства. Самостоятельными остаются крупные прииски, такие, как Александровский, Покровский, стоявшие в центре Удерейской долины. Мелкие прииски переходят в акционерные компании.

Накануне первой мировой войны добыча золота в России достигла своего пика. Основным поставщиком «царя металлов» в Енисейской губернии оставались удерейские прииски.

Когда началась концентрация золотого промысла, красноярский купец и золотопромышленник Гадалов закупил переходящие друг в друга прииски Александровский и Александро-Ивановский и соседствующие Лидинский, Прокопьевский, Топкий и Павловский, образовал из них один – головной, и в честь своей фамилии назвал его Гадаловским. За год перед революцией прииск Гадаловский перешел к красноярскому акционерному обществу «Драга».

В 1916 году на прииске Удерейском (на повороте Удерей) работали две драги и 60 старателей. Промыто сорок три миллиона пудов песка. Прииск добыл три пуда 36 фунтов золота. Средний заработок старателей за сезон составил 611 рублей.

За 1916 год весь Южно-Енисейский горный округ добыл пятьдесят пять пудов золота, сорок шесть из них намыто на 17 приисках драгами.

Накануне революции обстановка на удерейских приисках была тревожная. Жизненное положение заметно ухудшалось, добыча золота падала. Золотопромышленная верхушка Красноярска несла убытки, в 1916 году она согласилась рассмотреть положение рабочего класса на приисках. Но ничего полезного для приискателей

сделано не было. Над Россией полыхнуло зарево революции. Ее искры долетели и до удерейских приисков.

Первая мировая война, революция, гражданская война, чехословацкий мятеж, вылазки белогвардейских банд в Енисейской губернии сократили золотодобычу на удерейских приисках в несколько раз, разрушили старательское производство. На приисках Аяхта были сожжены шахты, без работы остались тысячи старателей, они были обречены на голод.

Ликвидация разрухи в золотом промысле легла на плечи рабочих. Нужны были решительные меры, и рабочий класс взял в свои руки управление удерейским приисковым производством. Предстояла жестокая борьба с золотопромышленниками, спрятавшимися в глухой удерейской тайге и ожидавшими, когда падет Советская власть. Коммунисты Еремин и Мадей организовали приискателей на борьбу с земством и его руководителями— эсерами и меньшевиками Баллодой и Ариным. Для борьбы за Советскую власть на удерейских приисках был создан исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Южно-Енисейского горного округа;

Члены комитета встали на защиту Советской власти с оружием в руках. Свидетельством тому являлся наган № 17766, выданный коммунисту Николенко Федосею Марковичу. Активными участниками борьбы были братья Броневицы Алексей и Владимир.

В октябре 1921 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «О золотой и платиновой промышленности». В феврале 1922 года в Красноярске был создан трест «Енисейзолото». Началось восстановление золотодобывающей промышленности, и уже в 1925 году удерейские прииски резко увеличили добычу золота.

Большим общественно-политическим событием на удерейских приисках явилось образование 13 сентября 1928 года Южно-Енисейского райкома партии, в дальнейшем Удерейского, с центром на старом прииске.

На всех этапах развития удерейского золотого промысла и освоения глухих таежных мест головной прииск играл ведущую роль, в зависимости от исторических периодов получал названия Александровский, Александро-Ивановский, Гадаловский, Центральный и наконец, Южно-Енисейский. С первых лет освоения удерейских местностей, окруженный со всех сторон конкурирующими приисками, он служил форпостом всего золотого промысла на Удерее.

В освоении удерейских золотоносных местностей принимало участие и приангарское крестьянство. Его историческое значение заключается в том, что оно обеспечивало рабочих удерейских приисков «харчем». Крестьяне из Мотыгино, других приангарских деревень водили па прииски конные обозы с фуражом, мукой, рыбой и своим посильным трудом способствовали экономическому развитию удерейской золотой округи.

С 1930 по 1940 годы удерейские прииски как поселения приискателей перестраиваются. Накануне Великой Отечественной войны районный центр удерейского приискового производства Южно-Енисейский оформился улицами с названиями Парижская коммуна, Пролетарская, Первомайская, Октябрьская, Советская. Названия улиц - свидетельство больших социальных преобразований на удерейских приисках.

В эти годы весомый вклад в добычу золота вносят прииски Южно-Енисейский и Кировский, Герфедский и Сократовский, Мамонский и Копьевский, Переходный и Шаарганский.

Грянула Великая Отечественная война. Защищать Родину ушли и старатели. Во время войны требовалось много золота для закупки в странах-союзниках военной техники, муки и одежды.

Удерейское приисковое производство легло на плечи тех немногих, кого Родина оставила на трудовом фронте. Это механик дражного флота, бывший красный партизан С.А. Ершенко и драгер В.Н. Перфильев, кузнец Н.К. Гурбатов и строгальщик И.Н. Камкин, лесоруб Р.В. Висицкий и начальник ЦММ Преображенский, шофер Н. Афанасьев и начальник драги № 8 Г.Г. Накрохин. Рядом с ними на трудовую вахту встало молодое поколение приискателей, перенесшее все тяготы войны, голод и холод. Подростки-дражники В. Седушков и Ю. Зайцевский, ученики, рабочие ЦММ А. Лубешко и А. Медведков выполняли дневное задание наравне со взрослыми. Удерейские прииски за годы войны дали хорошую прибавку в общесоюзный «золотой котел».

Многие старатели с фронта не вернулись домой. Память о них на удерейских приисках живет поныне.

В трудные и счастливые, противоречивые и интересные годы жизни большая роль в создании нормальной атмосферы на приисках принадлежала интеллигенции – учителям. Это они сумели воспитать в приисковой молодежи самое главное: веру в жизнь, в будущее.

Поколение, на плечи которого история положила удерейское приискское производство в 50 – 70-е годы, всегда будет в неоплатном долгу перед своими учителями из Южно-Енисейской средней школы А. И. Сбитневой и А. М. Вершининой, З. Н. Лащинской и И. Н. Балякиной, П. А. Прево, М. М. Загибаловой.

Большой вклад в воспитание удерейской, приисковой молодежи 40 – 60-х. годов внес талантливый педагог В. П. Анонен. Его влияние было настолько велико, что оно определило творческую судьбу учеников Южно-Енисейской школы заслуженного художника РСФСР В. А. Зеленова и заслуженного деятеля искусств РСФСР В. В. Киселева. В годы сталинской тирании удерейские прииски стали свидетелями того беззакония, которое история определила, как период жестоких репрессий. Уже в 30-е годы на прииски стали ссылать «врагов народа».

В истории удерейских приисков есть какое-то зловещее повторение. В те годы, когда на Удерее открывались первые прииски, золотой промысел в России находился в подчинении Министерства внутренних дел. Оно осуществляло насильственную отправку ссыльных каторжных на прииски по прямому указанию Бенкендорфа, которого история заклемила как проводника репрессивно-полицейской политики. В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные золотодобывающая промышленность тоже была подчинена НКВД – МВД. Путем репрессивных мер зловещего Берия на прииске Кировский и под Южно-Енисейском на речках Уромке и Холмы были созданы лагеря заключённых. Словом, Берия использовал для организации рабочей силы и надзора за добычей золота репрессивные методы царской охраны.

...Пришло другое время, и оно изменило политическую обстановку в стране, географию и характер добычи золота. Появились электрические драги, гидравлика, наступил новый исторический период золотодобычи в Нижнем Приангарье.

Но началом освоения большого района в Нижнем Приангарье история всегда будет считать то время, когда были открыты удерейские прииски.

Удерейским приискам в освоении сибирских территорий принадлежит большое историческое значение. Они сыграли заметную роль в экономическом развитии Красноярского края, Приангарья.

Из материалов газеты «Ангарский рабочий» от 28 сентября, 30 сентября, 3 октября, 5 октября 1989 года:

ВОЛЬНАЯ КАТОРГА

«Вскоре после опубликования в газете «Ангарский рабочий» моего очерка «В Удере́йской тайге», я побывал на приисках в Мотыгинском районе, встретился с замечательными людьми— земляками. Состоялась теплая встреча с ветеранами приискового производства в Южно-Енисейске Ю. Ф. Зайцевским, Н. А. Кузнецовым, Ф. В. Мутовиной, М. А. Эскеровой, В. И. Сакутиным, учителями В. П. Аноненом, В. С. Ершенко, Е. А. Брюхановой, Г. К. Зайцевской, общественным активом на прииске Партизанском, в райкоме партии, редакции газеты «Ангарский рабочий», музее Мотыгинской школы № 1. Теплая встреча с родным краем, земляками послужила хорошим толчком для дальнейшей творческой работы. В связи с тем, что в этом году исполнилось 150 лет золотодобычи в Нижнем Приангарье, мной подготовлен новый материал об удерейских золотоискателях».

Недалеко от Мотыгино среди таежного нагорья берет начало речка Удере́й. Как немой свидетель, седой Удере́й хранит тайны о «царе металлов» — золоте и может многое поведать о судьбах людей, которые его добывали.

Об Удере́е известно давно, с тех пор, когда на его берегах нашли золото и заложили первые прииски. В связи с тем, что вот уже 50 лет ведутся споры о том, каким годом считать начало золотодобычи в Нижнем Приангарье, хотелось бы высказать принципиальное мнение, основанное на изучении объективных источников.

Первым в Нижнем Приангарье появился Петропавловский отвод площадью в 250 тысяч квадратных саже ней, на 104 рубля ежегодной подесятинной платы на речке Малый Шаарган, притоке Удере́я.

Компания купцов Рязановых на основе разведки Машарова подала заявку 7 июля 1837 года, 15 октября 1838 года участок был отведен, а 17 января 1839 года утвержден. Это подтверждается материалами, хранящимися в Государственном архиве Красноярского края, в 293 фонде, а также Атласом приисков Южно-Енисейского округа, изданном в 1898 г.

В первый старательский сезон 1839 года на Петропавловском прииске работало 379 рабочих, они добыли 21 пуд 2 фунта золота. Таким образом, история распорядилась так, что началом разведки

золота в Нижнем Приангарье считается 1837 год, а золотодобычи – 1839 год.

В 1839 году оформляется так называемая Удерейская золотоносная система, которая включала в себя ключи и речки Удереи, Шаарган, Мамон, Шалокит, Шаулкон, Пескину и Уромок, а также такие крупные прииски, как Спасский, Успенский, Иннокентьевский, Сокрыатовский, Воскресенский, Прокопьевский, Андреевский и другие. Всего в 1839 году было оформлено или заложено 39 отводов и приисков. К концу XIX века за удерейской золотоносной системой числилось 310 отводов.

В этом же году подаются заявки на открытие золота по речкам Большая Мурожная, Татарка, Рыбная, Пенченга.

При встрече с активом в поселке Партизанском мы не могли определить, когда и как он появился. Но в газете «Ангарский рабочий» (1 апреля 1989 года) появилось утверждение, что это в прошлом прииск Крестовоздвиженский. Хотя в народе сохранилась память, что Партизанск возник на месте Герасимо-Федоровского (Герфед) прииска. Такая разноголосица возникла вследствие незнания исходных документов.

Опираясь на официальные документы и карту золотых отводов прошлого века, можно заключить, что нынешний Партизанск находится на территории приисков Крестовоздвиженского, Гаврило-Архангельского и Герфедского.

Действительно, Крестовоздвиженская золотая россыпь на участке в 250 тысяч квадратных саженей была заявлена 8 августа 1839 года, отведена 13 июля 1840 года и утверждена 24 июля 1840 года. Первое золото добыто в 1840 году. За период с 1840 по 1896 годы на Крестовоздвиженском прииске добыто 565 пудов 36 фунтов золота. Всего за этот период на трех приисках его было добыто 705 пудов.

По оценке прошлого века особенностью герфедского золота является то, то оно рудное – единственное в этой золотоносной системе.

Что касается названия нынешнего поселка Партизанск, то оно появилось потому, что в период белогвардейского мятежа в Красноярске в 1918-1920 годы в этом месте для борьбы с карателями возникли рабочие партизанские отряды.

Открытие золота в Нижнем Приангарье, в удерейской тайге сразу же привлекло внимание широкой общественности. Вскоре после

открытия золота удерейскую тайгу посетили геолог Э. Гофман, путешественник, генерал Э. Зедделер, журналист А. Шмаков. Они оставили потомкам первые геологические и натуралистические описания удерейской тайги и ее золота.

Но знаменит Удерей не золотом, а простыми рабочими людьми.

Удерейский пролетариат начал складываться сразу же, как только на Удерее появились рабочие для добычи золота. Путь удерейских рабочих к победе над эксплуататорами-золотопромышленниками в революции был трудный и отражал развитие борьбы против капитализма в России.

Уже с 1840 по 1844 год на удерейских приисках Спасском, Успенском и Иннокентьевском добывали золота ежегодно полторы тысячи рабочих.

С самого начала добычи золота на удерейских приисках невыносимый старательский режим (или «вольная каторга») порождали постоянный протест и борьбу рабочих. Вскоре после открытия удерейских приисков, в 1841 году, произошли волнения, принявшие форму стачки. Массовые выступления удерейских приисковых рабочих сильно встревожили губернатора Восточной Сибири Рупперта, который составил специальный отчет царскому правительству.

Выступления удерейских рабочих послужили толчком к массовым волнениям. В 1842 году они прокатились по соседним приискам на речках Тактагайке и Калами.

Изнурительный труд и невыносимые условия жизни удерейских рабочих особенно характерны для того периода, когда прииски принадлежали царской великосветской знати. Царские сановники и красноярские купцы-золотопромышленники нещадно эксплуатировали удерейских рабочих, обогащаясь за счет их тяжелого труда.

Если удавался свободный день, уставших от непосильного труда гнали в церковь. Служители церкви вели проповеди в пользу хозяев-золотопромышленников. В середине XIX века на Спасском прииске, на берегу речки Пескиной, притоке Удерей, стояла церковь.

Со времени открытия удерейского золота за первые двадцать лет три семьи царских сановников и двое красноярских золотопромышленников эксплуатировали на 8 приисках около 14 тысяч рабочих. За этот период царская казна получила с этих приисков подати 1 млн. 275 тысяч рублей серебром, а хозяева — доходы 4 млн. 900 тыс. рублей. По тем временам это были баснословные суммы. Купцы—

золотопромышленники отдавали в царскую казну большие суммы, чтобы получить как можно больше золотоносных отводов на Удерее. Купец Мясников имел 18 приисков, Переpletчиков и Асташев по 27, Бенардаки – 39. Тринадцати золотопромышленникам принадлежало 224 удерейских прииска.

Откуда брались рабочие для добычи удерейского золота?

В первый, наиболее интенсивный период добычи золота на приисках работали бунтовщики из числа военных и гражданских лиц. Потом источником рабочей силы для золотых приисков служило разорившееся вольнонаемное крестьянство.

Для добычи золота на удерейских приисках золотопромышленники нанимали крестьян из Енисейской, Томской, Иркутской, Вологодской, Пермской, Вятской, Нижегородской и Казанской губерний.

Набор наемных рабочих начинался с февраля. Каждому выдавался задаток от 30 до 55 рублей. Отправка рабочих на прииски производилась на подводах партиями по 50-150 человек. По 25-50 старателей поселяли в казармы, лишённые элементарных удобств. Из прибывших создавали артели старательских рабочих по 60 человек. Старательский сезон наемных рабочих продолжался 6 месяцев.

Однако дельцы-золотопромышленники не поощряли вольнонаемный труд. Они старались получить как можно больше ссыльнопоселенцев. В XIX веке на удерейских приисках на одного приискового рабочего приходилось два ссыльнопоселенца.

Каторжный труд и беспросветная жизнь удерейских рабочих отражали эксплуататорскую суть капитализма, который интенсивно развивался в России. Н. В. Латкин, большой знаток золотых промыслов, побывав в 60-е годы прошлого века на удерейских приисках, писал, что рабочий день старателя длился до 20 часов. Часто рабочие на ночлег оставались прямо в мокром забое.

У старателя-бедняка кроме развалившейся избышки, большой полуголодной семьи да изодранной одежды не было ничего за душой. Добытого им золота кое-как хватало в обмен на продукты да старательский инвентарь. И жил старатель, влача жалкое существование.

Рабочие золотых удерейских приисков не хотели мириться с тяжёлым трудом и часто выражали свой протест побегами или неявками на прииски. Например, в 1863 году с удерейских приисков сбежало 700 рабочих, хозяева понесли убытки в 30 тысяч рублей серебром. Большой побег повторился в 1896 году, когда с приисков в один сезон сбежало 369 рабочих.

В течение почти 80 лет сезонный заработок удерейских старателей был неизменный, в среднем 163-207 рублей серебром. С каждого рабочего хозяин прииска получал ежегодно прибыль в среднем 650 рублей (так называемый прибавочный продукт, который К. Маркс называл наживой или абсолютным законом капитализма).

При неизменной заработной плате были высокие цены на продукты питания и основные орудия старательского труда. Пуд ржаной муки стоил 1 рубль 20 копеек, пуд мяса 3 рубля 20 копеек. Лопата стоила 49 копеек, кайло – 67, лом – 3 рубля 46 копеек, веревка – 4 рубля 50 копеек. На старательский инвентарь и продукты уходил весь заработок.

На удерейских приисках за уклонение от работы хозяева вместе с горными полицейскими подвергали рабочих наказанию. В меру наказаний входило 30 ударов розгами или 5 суток ареста, штраф или высылка с прииска, т. е. насильственное лишение работы.

Хищнически добывая удерейское золото, владельцы приисков старались всякими способами отобрать у рабочих деньги, заработанные тяжелым трудом. Хозяева открывали пивные лавки, где сбывали большое количество вина. Особенно много таких лавок было на дорогах, которые вели к золотым приискам. В середине прошлого века в деревне Мотыгино, через которую проходила дорога на Удерей, на 25 дворов было 12 пивных лавок.

Тяжелый труд удерейских рабочих и плохие жизненные условия были причиной многих заболеваний. Кровавый понос, воспаление легких, малярия, брюшной тиф, болезни сердца и мышечный ревматизм постоянно сопровождали рабочих.

В конце XIX века противоречия между рабочими и хозяевами удерейских приисков вспыхивают с новой силой. Причина тому – снижение стоимости труда рабочих. Если в 1844 году один грамм добытого золота стоил 71 коп., в 1860 – 65 коп., то в 1898 – 45 коп. За период с 1839 по 1897 год в Южно-Енисейском горном округе было добыто 9 924 пуда золота; 5 523 пуда, или 56 процентов, намыто рабочими удерейских приисков.

В девяностых годах прошлого века положение приисковых рабочих ухудшается еще и потому, что резко падает выработка золота. В связи с этим число рабочих на приисках Южно-Енисейского горного округа сокращается в три раза. Но контроль за его добычей усиливается. Для этого образуется совет золотопромышленников

Южно-Енисейского горного округа, за которым окончательно закрепляются золотосодержащие местности по речкам Большая Мурожная, Рыбная, Удере́й, Мамон, Ишимба, Пенченга, Аяхта. Кроме Совета, вскоре появляется целая группа золотопромышленных акционерных компаний, такие, как Дорога, Федоровская, Боровинская, Александровская, Аяхтинская, Путиловская, которые объединили 950 золотопромышленников.

В начале старательского сезона 1896 года вспыхнула забастовка рабочих Сократовского прииска красноярского золотопромышленника Н. В. Асташева. Через год эстафету забастовки подхватили старатели Иннокентьевского прииска на речке Мамон, принадлежащего красноярской купчихе А. С. Мелкозеровой.

Забастовки на этих приисках носили стихийный характер. Рабочие на данном этапе революционной борьбы требовали улучшения экономических условий. В 1902 году вспыхнула забастовка на Успенском прииске Северо-Енисейского горного округа.

Беспощадная эксплуатация приисковых рабочих золотопромышленниками усиливается. Рабочие все чаще попадают в кабальные условия. Старый старатель К. С. Титов вспоминал, как в 1901 году пришел вместе с партией рабочих на удерейские прииски и был удивлен тем, что женщины работали наравне с мужчинами. Если женщина по какой-то причине не выходила на работу, то чиновник приисковой конторы списывал ее паек, обрекая семью на голод.

До XX века на удерейских приисках процветал кустарный способ добычи золота. Начавшийся технический переворот и экономический кризис в России заставили хозяев приисков развивать добычу золота машинным способом – драгами.

Первая драга, купленная в Англии за 90 тысяч рублей, начала добывать золото на удерейских приисках 11 июня 1900 года на речке Большой Шаулкон. Об этом глава золотопромышленной компании «Драга» И. Б. Щукин уведомил Росса Берта, члена Английского общества инженеров-механиков золотопромывальных машин, офис-холл которого находился в Лондоне.

22 октября 1900 года Росс Берт уведомляет И. В. Щукина, что в Лондоне открыта контора красноярской компании «Драга» для постройки драг для приисков Южной тайги. 24 октября этого же года из Лондона в Брюссель к Н. В. Асташеву, одному из распорядителей

компании «Драга», поступило подтверждение о регулярной постройке драг для Южно-Енисейских приисков.

В 1906 году на приисках Южной тайги работало 22 драги, 13 из них добывали золото на Удерее, 9 – на Большой Мурожной. Собрав за короткий период времени такое количество драг, приисковые рабочие воистину совершили человеческий подвиг.

К лету 1905 года на удерейские прииски прибыли из центральных городов России и Красноярска рабочие для сборки драг. Политически осведомленные, эти рабочие принесли на таежные золотые прииски весть о революционной борьбе российского пролетариата против царизма.

С развитием дражного способа добычи золота на крупных приисках для ремонта открывается новое производство – приисковые механические мастерские. С этого времени на золотых приисках появляется новый тип рабочего – металлист.

На прииске Гадаловском (ныне Южно-Енисейск) механическая мастерская открылась в начале XX века. В ее составе были кузнечный, станочный, слесарный, литейный цехи и котельная. В мастерской работало до 35 рабочих. Рабочий Н. Я. Абакин появился в этой мастерской в 1905 году, получил в ней хорошую революционную закалку, научился токарному делу, всегда был в числе тех, кто боролся против угнетателей, стал членом первого удерейского Совдепа.

В приисковых мастерских группируются заводские рабочие из центральных городов России и Красноярска. Накануне первой русской революции на удерейских приисках уже насчитывалось около 200 металлистов и 214 дражников. С появлением на удерейских приисках этих рабочих активизируется революционная борьба с золотопромышленниками.

На Гадаловском прииске сложилось тяжелое положение среди рабочих, и они в знак протеста избili горного полицейского, а приисковую контору разграбили. В. И. Ленин указывал, что сами условия жизни рабочих толкают их на борьбу.

Зарево первой русской революции полыхнуло и над удерейской золотопромышленной тайгой. Вслед за московским и красноярским вооруженным восстанием волна революционной борьбы перекинулась и на удерейские прииски, на которых рабочие по-прежнему жестоко эксплуатировались.

В конце декабря 1905 года забастовали мастеровые рабочие Воскресенского прииска Боровинской компании в верховьях Удерея. 2 января 1906 г. забастовка перекинулась на соседний, Андреевский прииск. Уже 9 января забастовали старатели Николаевского прииска компании Яковлевых. 10 января забастовка вспыхнула на дражных приисках, принадлежащих красноярской золотопромышленнице А. К. Усковой.

Полицейские и золотопромышленники принимают отчаянные меры, чтобы остановить забастовку, обращаются за помощью к губернатору Красноярска. Они требуют отправить на прииски для подавления забастовки вооруженных казаков.

Но забастовку остановить было нельзя, она перекинулась на прииски Вениаминовский на речке Туктулаевке, Александровский на речке Боровой, на участки по речке Пескиной. К 20 января 1906 года забастовка охватила 14 приисков.

Удерейский приисковый пролетариат в борьбе против капиталистов-золотопромышленников проявил высокую организованность и создал «Южно-Енисейскую рабочую партию», в рамках которой был организован «Общий рабочий союз».

Созданный орган ставил целью коренным образом изменить социально-экономическое положение приисковых рабочих, добивался права управлять приисковым производством. От каждой рабочей артели были избраны депутаты, которые именовались делегатами. Всего в забастовке участвовало более пяти тысяч рабочих.

Председателем «Общего рабочего союза» был избран передовой рабочий, выходец из Виленской губернии Буковский Игнатий Фаддеевич. Активными руководителями забастовки были рабочие Шапошников Никифор Анатольевич, Усов Захар Алексеевич, Эрлих Эдуард, Петухов Василий.

Исправник Южно-Енисейского горного округа Покрассо, резиденция которого находилась на Степановском прииске, на речке Шаулкон, рядом с нынешним Партизанским карьером, в рапорте красноярскому губернатору доносил, что забастовка не носит политический характер, а является лишь выражением экономического требования. Однако царский полицейский заблуждался.

Забастовка на удерейских приисках была хорошо организована и носила прежде всего политический характер. Об этом можно судить по тому, что для осуществления массовой забастовки все рабочие были объединены в общественно-политический орган, который

имел четкую программу действий. Программа включала 21 обоснованное требование. Забастовочной борьбой руководили передовые, политические грамотные, осведомленные рабочие.

По оценке историков, забастовка на удерейских прииска была самым крупным выступлением золотопромышленного пролетариата России в революции 1905-1907 годов.

С 17 по 19 января 1906 года на удерейских приисках состоялось совещание, в котором приняли участие представители совета золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа И. А. Монастыршин, Н. А. Саввиных; И. А. Хейн и делегаты от рабочих И. Ф. Буковский, Н. А. Шапошников, З. А. Усов и Э. Эрлих. Были рассмотрены социально-экономические требования рабочих, и часть из них принята.

Забастовочная борьба удерейских приискателей стала хорошей революционной школой и для других приисков. 10 апреля 1906 года забастовало 120 рабочих Соборного и Рождественского приисков на речке Большая Пенченга, принадлежавших енисейскому купцу А. А. Неробелову. Причиной забастовки послужило резкое снижение месячной зарплаты рабочих. Забастовщики руководствовались резолюцией «Общего рабочего союза» о требованиях улучшить положение старателей, принятых на удерейских приисках.

После забастовки горный исправник Покрассо проводил частые допросы руководителей рабочих, добивался от красноярского губернатора их изоляции. Удерейский пролетариат в забастовочной борьбе закалился, но его положение после этого резко ухудшилось.

Удерейский старатель М. К. Тычкин, впоследствии коммунист, вспоминал, что произволу хозяев-золотопромышленников в это время не было границ. Они заставляли рабочих работать по 15-18 часов в сутки, а платили в месяц столько, что заработанного хватало только на воду и хлеб. После поражения первой русской революции царская охранка выслала в Нижнее Приангарье и удерейскую тайгу 2025 человек. Среди них были и члены РСДРП.

Огромное влияние на дальнейшее объединение удерейских рабочих в борьбе против красноярских золотопромышленников оказало кратковременное пребывание в ангарской ссылке в 1909 году революционера-большевика ленинской школы Г. К. Орджоникидзе.

При низком заработке старателя, который не превышал 250 рублей в год, золотопромышленники тратили огромные суммы на содержание чиновников контор.

Из отчета совета золотопромышленников Южно-Енисейского горного округа за 1912 год видно, что на содержание врача удерейских приисков израсходовано 4400 рублей, полицейских стражников 2176 и горного исправника 2750 рублей. А ремонт мотыгинской дороги обошелся всего в 220 рублей. На содержание телефонной станции и удерейской почты уплачено 1238 рублей.

Управляющие приисками получали годовой оклад в 1500 рублей и надбавку до 10 процентов за каждый добытый фунт золота. Бухгалтер канцелярии совета золотодобытчиков Южно-Енисейского горного округа имел годовой оклад 3500 рублей. Один пуд добытого золота оценивался до 19 тысяч рублей.

Накануне революции 1917 года в золотодобывающей промышленности Енисейской губернии возник глубокий кризис. Он был вызван самим капиталистическим способом производства, проникновением иностранного капитала в русскую золотопромышленность, которому принадлежало около 70 процентов всех золотых разработок, а также затянувшейся империалистической войной. Наступил предел терпению русского пролетариата.

Дух революционной борьбы все сильнее охватывал и удерейские прииски. Удерейский пролетариат стал всю использовать форму политической борьбы – маевки. Участник маевки 1917 года, рабочий С. А. Ершенко (в советское время был награжден орденом Ленина) рассказывал, как старатели Александро-Ивановского и Гадаловского приисков собрались на митинг под руководством большевика Ф. М. Николенко. Митинг проходил в трех километрах от Гадаловского прииска, на Прокопьевской площади, у речки Пескиной. Были установлены кордоны полицейских и барьеры золотопромышленников. Рабочие требовали передачи драг и приисков в собственность народа. В ответ на требования рабочих золотопромышленники при поддержке вооруженных стражников уволили и выслали с приисков активистов маевки.

До того момента, к которому долгие годы шел удерейский пролетариат, оставалось совсем немного. Искра заполыхавшего над Россией зарева революции охватила и золотые удерейские прииски, всколыхнула спавшую веками таежную глушь. К осени 1917 года удерейские золотопромышленники шарахались из стороны в сторону, идя на преступления против рабочих. Сжигали шахты, затапливали драги, разрушали приисковое производство.

Удере́йский прииско́вый пролетариат вступил в смертельную схватку с капиталистами-золотопромышленниками и опрокинул их навсегда.

Революция выдвинула своих вожakov. На удере́йских приисках таким был Ф. М. Николенко. Он оставил заметный след не только в организации золотодобычи на удере́йских приисках, но и оказал огромное влияние на формирование первых партийно-государственных органов управления.

Родился Ф. М. Николенко в 1886 году под Харьковом в семье рабочего. Его отца за участие в забастовках выслали в 1902 году в Сибирь. В Красноярске началась необычная жизнь Ф. М. Николенко, которую он всю, без остатка, отдал борьбе за простого рабочего человека.

Ф. М. Николенко молодым пареньком пришел работать слесарем в красноярские механические мастерские и сразу же включился в революционную борьбу, вступив в 1906 году в члены РСДРП.

В 1908 году судьба забрасывает его на Северо-Енисейские золотые прииски, где он объединяет рабочих для борьбы с владельцами-золотопромышленниками.

После февральской революции в 1917 году Ф. М. Николенко становится председателем рудничного комитета Южно-Енисейского горного округа и организует на удере́йских приисках маевки.

Как только революция смела с удере́йских приисков их хозяев, сразу же, в начале января 1918 г., был создан исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Южно-Енисейского горного округа. Из числа депутатов рабочие выбрали двух комиссаров – Ф. Еремина и А. Мадея, ставших вскоре коммунистами.

Ф. М. Николенко и А. Мадей включаются в большую работу по национализации приисков и драг и передаче их в собственность рабочих, ведут непримиримую борьбу с местным земством и его руководителями – эссерами Баллодой и Ариным.

Наступила весна 1918 года, а с ней и новый сезон золотодобычи. В апреле от имени Южно-Енисейского Совдепа Ф. М. Николенко и А. Мадей телеграфируют в Енгу́бсовнархоз о готовности драг добывать золото. Однако начать золотопромысловый сезон не удалось. Красноярск заняли белочехи и белогвардейцы. Карательный отряд был направлен и на прииски, в Южную тайгу.

Найденные в архиве короткие телеграммы говорят о нависшей смертельной опасности над приисками.

Ф. М. Николенко и А. Мадей срочно сообщают в Красноярск, что у рабочих нет оружия, а белогвардейцы уже на подступах к Южно-Енисейской тайге. Члены исполкома с передовыми рабочими встали на защиту молодой Советской власти, вступили в смертельную схватку с врагом.

В период с середины 1918 года Ф. М. Николенко принимает участие в партизанском отряде Щетинкина в разгроме колчаковцев. После ликвидации колчаковцев Ф. М. Николенко назначается политкомом на удерейские прииски. В мае 1920 года он получает задание Енисейского окружкома партии большевиков создать на удерейских приисках производственные, партийные и советские органы. Прибыв на удерейские прииски, Ф. М. Николенко создает первую партийную организацию, в состав которой вошли 18 передовых рабочих.

1 июня 1920 года на Гадаловском прииске состоялся съезд горнорабочих, на котором было избрано бюро и председатель Ф. М. Николенко. В июле 1920 года Ф. М. Николенко организует на Удерее съезд приисковых депутатов. Съезд избирает Южно-Енисейский районный Совет депутатов трудящихся и его председателя – Ф. М. Николенко.

Создав на удерейских приисках производственные, партийные и советские органы, Ф. М. Николенко временно покидает Удерею, получив новое задание. А вскоре снова возвращается и включается в активную работу по обновлению жизни на удерейских приисках. До конца своей жизни Ф. М. Николенко был связан с приисками, удерейской партийной организацией. В феврале 1945 года в последний раз Ф. М. Николенко был избран в состав Удереянского РК ВКП(б).

Мне посчастливилось в жизни много раз видеть своими глазами этого легендарного человека, которого на удерейских приисках все звали «Батей». В детстве я жил на прииске Центральном и часто видел Ф. М. Николенко. Как и все мальчишки, я посещал механическую мастерскую. Интересно было смотреть, как в кузнице работают мой отец Киселев Василий Фокеевич и другие мастеровые рабочие. В этом была какая-то мальчишеская потребность.

В один из летних дней 1944 года я снова, уже в который раз, увидел на территории мехмастерской Ф. М. Николенко, и он запомнился мне на всю жизнь. Высокий, грузный, лобастый, с длинными сильными руками, с виду суровый и мощный, но очень простой и доступный. Он действительно был для рабочих отцом родным – батей. От него

исходило что-то такое, что заставляло меня смотреть на него со скрытым мальчишеским любопытством. Я видел в нем какого-то исполина, наделенного большой внутренней силой. Не зря писатель А. Югов, живший в тридцатых годах на удерейских приисках, в своей книге «Бессмертие» назвал Ф. М. Николенко «Енисейским Калитой». Ф. М. Николенко на всю жизнь, оставил мне чувство огромного восхищения им. И я счастлив, что могу через печать сказать о нем теплые слова.

Отпыхала революция, отремела гражданская война, и на плечи удерейских рабочих легло разрушенное приисковое хозяйство. Из 22 драг 20 были сожжены и потоплены убежавшими с приисков хозяевами-золотопромышленниками. Началось восстановление золотодобывающего производства, и вскоре удерейский «царь металлов» снова стал властвовать повсю.

На удерейских приисках вырастает новый отряд золотодобытчиков, и они выводят свой район в число передовых в стране. Это рабочие-дражники Д. А. Бурханов и К.В. Лыхин, рабочие-металлисты Г. М. Абакумов и Н. Ф. Голосов.

Огромную роль в развитии удерейского приискового производства сыграло образование 3 сентября 1928 года Южно-Енисейского райкома партии, вскоре Удерейского, с центром на прииске, которого история определила головным.

Интересна история и судьба головного удерейского прииска, ставшего в советское время центром Удерейского района (ныне Южно-Енисейск).

В 1840 году наследники красноярского купца Логинова и поручик Жулябин заложили по руслу Удеря два больших, по 250 тысяч квадратных саженей, переходящих друг в друга, прииска Александровский и Елизаветинский. Позднее по левой и правой сторонам появились сначала прииски Павловский и Петровский, потом Лидинский и Топкий.

В 1861 году прииск Елизаветинский был перекуплен наследником красноярского купца Переплетчикова и получил название Александро-Ивановский. В начале XX века, в связи с переводом добычи золота на дражный способ, красноярский купец Н. Н. Гадалов закупил прииски Александровский, Александро-Ивановский, Павловский, Петровский, Лидинский и Топкий и образовал из них головной прииск на Удерее, а в честь своей особы назвал его Гадаловским.

Гадаловский прииск стал базовым Александровской золотопромышленной акционерной компании, директором которой был Н.Н. Гадалов. Компания в своем активе имела 80 паев по тысяче рублей каждый. Н. Н. Гадалову принадлежало больше всех – 18 паев. За период с 1841 по 1897 гг. на этом участке добыто золота 177 пудов 3 фунта 70 золотников.

Революционное переустройство выдвинуло из передовых рабочих отличных командиров приискового производства. Кочегар драги Ф. А. Пьянков становится директором удерейского золотоприискового управления, рабочий С. А. Ершенко – начальником центральных мехмастерских.

Не отстают от рабочих ветеранов и молодежь. А. Разумкова едет учиться в Свердловский горный институт и после его окончания, в 1934 году, получает диплом инженера и назначается начальником драги на прииске Тюрепино. Молодой рабочий К. Г. Хайдуков сначала был комсомольским вожаком, а потом становится секретарем Удерейского райкома партии.

Более десяти лет на удерейских приисках был необычный для того времени, массовый, захватывающий энтузиазм. Он подкреплялся тем трудовым подъемом, который царил на приисках, и был вызван строительством новых драг. В 1928 году было начато строительство 7 паровых драг, в 1931 году впервые в Сибири, в Удерейском районе, на Кировском прииске, строится первая электрическая драга. Открываются новые школы, больницы, клубы и столовые.

За каких-то двадцать лет жизнь удерейских рабочих коренным образом изменилась и стала интересной. Но ее вдруг омрачила коричневая чума фашизма. Удерейские золотодобытчики ушли защищать Родину.

Удерей был щедр и на таланты. На удерейских приисках родился известный красноярский философ профессор В. Ф. Голосов. Здесь жил и работал писатель А. Югов, написавший про удерейские прииски книгу «Бессмертие». В школах удерейских приисков оттачивал свое мастерство талантливым педагог, заслуженный учитель школы РСФСР В. П. Анонен, накапливали силы для будущей творческой работы заслуженные художники РСФСР Т. В. Ряннель и В. А. Зеленков, заслуженный деятель искусств РСФСР В. В. Киселев.

В 50-е годы Удерейский район, как центр золотого прииска, перестал существовать. Из-за непродуманных решений и слабой

геологической разведки он переместился ближе к Нижнему Приангарью и стал называться Мотыгинским. Некогда богатые золотым промыслом удерейские прииски, о которых было известно даже в Европе, забыли, их жизненное пространство сильно сократилось.

Время, конечно, изменило многое. Когда-то путь от Красноярска до удерейских приисков был долгим, несколько недель. Теперь появилась авиация, и добраться до Удерей можно за 2 часа. Работает телеграф и телевидение. Ходит автобус по трассе Мотыгино – Кировск. Прииски теперь называют карьерами.

На базе старых приисков возник карьер Партизанский. Промывка золота на нем ведется несколькими драгами. Старатели из артели «Ангара» в этом году уже выполнили план добычи «царя металлов». За последние годы поселок заметно расстроился, окреп квалифицированными кадрами.

Но время сделало и другое. Об удерейских приисках не проявляется забота. В поселке Южно-Енисейске, который был когда-то центром Удерейского золотоносного района, не могут пустить в работу столовую, развалились аптека и больница, плохо со снабжением продуктами питания и товарами первой необходимости. Заглох клуб как очаг культурной жизни, опустели и заросли сорняками некогда дававшие хороший удерейский картофель огороды. Словом, забыта родина удерейского «царя металлов», золотая «изюмина» Красноярского края.

Еще в те далекие времена, когда об удерейском золоте знали одиночки, его находили визуально в песке и воде. Потом в дело включили деревянный лоток и промывальную колоду. Однако потребности в золоте росли, и его стали добывать ортовым и баксовым способами. Удерейское золото добывали и деревянными промывальными машинами с барабаном (американский способ). Добыча золота на Удерее прошла путь от использования в конце века гидравлического способа на базе маленьких локомотивов до современных мощных гидравлических устройств. За 89 лет на добыче золота применено драгирование – от использования в прошлом одночерпаковых паровых до сегодняшних электрических драг.

Мотыгинский район сейчас переживает этап своего развития, осваивая лесные территории Нижнего Приангарья. Начало освоения большого золотоносного района за Ангарой уже давно ушло в историю. Однако в ней навсегда остался памятный след, того, как

удерейское золото сыграло ошеломляющую, исключительную роль в освоении больших сибирских территорий, экономическом развитии Красноярского края, в революционном переустройстве района, некогда глухой тайги. Со дня открытия удерейского золота прошло много исторических эпох, и они вместили в себя несколько поколений золотодобытчиков. На приисках живут и поныне старатели – ветераны, и по памяти, из уст в уста, передают историю об удерейцах новому поколению рабочих. Она напоминает о прошлом, помогает жить сегодня и выбрать путь завтра. Удерейский «царь металлов» до сих пор служит людям.

**Из материалов газеты «Ангарский рабочий»
от 14 ноября, 21 ноября 1989 года**

УДЕРЕЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В прошлых очерках, опубликованных в «Ангарском рабочем», я стремился по архивным материалам показать историческую картину открытия золотых удерейских приисков, их судьбу. Изученный материал был положен в основу повести «Кровавый след», в которой в художественной форме рассказывается о событиях на удерейских приисках в период их национализации. В публикуемом сегодня очерке, который является одной из глав повести, описываются события, происходящие на бывшем Гадаловском прииске (ныне Южно-Енисейск) в период революционного переустройства России. Особое обязательство при подготовке этого материала я принял на себя еще и потому, что хотелось опубликовать его в связи с 150-летием начала золотодобычи в Нижнем Приангарье.

А. КИСЕЛЕВ.

Вторую неделю в удерейской долине шумели февральские метели. Ночью на вершинах Горелой и Зеленой гор рождались снежные вихри. Под утро они спускались вниз, и золотую долину, где раскинулся прииск, заносили снегом. Днем на сверкающей белизне его появлялись разбегающиеся в разные стороны тропы, но налетевшая порывами метель снова ровняла их. Казалось, снежные выюги были предвестниками тех бурь, которые вскоре разыгрались в Удерейской долине. Гадаловский прииск, занесенный глубоким снегом, притих.

Но как бы природа ни буйствовала, на смену февральским метелям пришло мартовское безмолвие. Однако оно было недолгим. Из

Красноярска долетела весть о революции, об отречении царя Николая II от престола. Как только это стало известно, слесарь гадаловской мехмастерской, Василий Бокин собрал старателей, входивших в боевую дружину. Собрание было коротким и бурным. Решили тут же организовать Удере́йский рудничный комитет по защите интересов приискателей, председателем которого единодушно избрали Бокнна.

Василий Петрович Бокин вступил в РСДРП в 1904 году. Прошел нелегкую школу подполья, был участником московского вооруженного восстания, затем ссылка на Ангару. Кем только не работал Бокин, скитаясь по удере́йским приискам, – кузнецом, угольщиком, кочегаром, слесарем... За долгие годы он хорошо узнал и прииски, и людей, живущих на них. Плотный и коренастый, с большими длинными руками, на первый взгляд, он казался неуклюжим. Но стоило заговорить с ним, взглянуть в его удивительно живые серые глаза, и впечатление менялось. Разговаривая, он, словно подбадривая собеседника, слегка кивал головой, увенчанной блестящей лысиной, при этом взгляд его был удивительно мягким и внимательным. Бокин был непримирим к произволу, и старатели видели в нем своего защитника.

Вновь созданный рудком принял решение направить Бокина в Красноярский комитет РСДРП – пусть выяснит, как действовать дальше. До начала весенней распутицы оставалось не так уж много времени, но Бокин успел по ангарскому и енисейскому зимникам добраться до Красноярска. Вернуться сразу в Гадаловск ему не удалось. Он получил задание Красноярского комитета РСДРП провести среди контрактованных сезонных рабочих, отправляющихся на удере́йские прииски, агитацию за революционную борьбу с золото-промышленниками.

После отъезда Бокина Василий Бурмакин, драгер гадаловской драги, и члены рудкома вручили управляющему прииском Гончарову требования о сокращении рабочего дня и повышении заработной платы. Гончаров их не принял и пригрозил, что если рудком не будет распушен, его активисты лишатся сезонной работы. Заявление Гончарова озадачило членов рудкома, они почувствовали, как им не хватает решительного и умного Бокина, но от своего не отступили и стали готовиться к маевке, до которой оставался один месяц.

День первого мая 1917 года выдался солнечным. С раннего утра в избушках приискателей чувствовалось оживление. И как только майское солнце поднялось над долиной и растопило подмерзшую

за ночь землю, рабочие и их взрослые дети по сырым еще тропкам потянулись цепочкой через Удерею к мехмастерским, где было назначено место сбора участников маевки. Сюда же пришли старатели Калифорнийского и Покровского приисков. Спустились рабочие, жившие на Павловском и Петровском косогорах. Подходили рабочие Назойливого, Прокопьевского и Спасского приисков.

Из кузнечного цеха мехмастерской вышел Бурмакин Василий и пошел к ребятам из дружины. У каждого через плечо висел дробовик.

— Ребята, возьмите и наденьте на древко! — сказал, улыбаясь, Бурмакин и вытащил из-под фуфайки красное полотнище. Когда собралось более двухсот рабочих, Бурмакин сгруппировал всех в колонну, и они двинулись с большим красным флагом по песчаным отвалам на Прокопьевскую площадь, к речке Пескиной.

Бурмакин разделил ребят с дробовиками на две группы и поставил их впереди и сзади колонны. При подходе к Прокопьевской площади увидели, что в густых зарослях тальника по берегам Удерея и Пескиной засели вооруженные стражники.

Бурмакин, следуя с колонной к месту митинга, заранее знал о вооруженной засаде. Он боялся, как бы старатели не дрогнули и не остановились у этой роковой черты. Но люди, ведомые молодым драгером, не растерялись. И когда вооруженные старатели, шедшие впереди и сзади колонны, вскинули дробовики, Бурмакин почувствовал, что боязнь осталась позади. Преодолев три версты по песчаным отвалам, колонна подошла к площади.

Прокопьевская площадь — огромная поляна под большим косогором, поросшим густым сосновым лесом, окаймленная с одной стороны Удереем, с другой — речкой Пескиной. На противоположном берегу Удерея возвышалась серая свалка — немой свидетель всего, что происходило в золотой долине. Когда-то к этой площади примыкали самые золотоносные отводы. Золото Прокопьевского отвода не давало покоя красноярским промышленникам, и они цепко держали его в своих руках.

По берегам Удерея и Пескиной еще лежал спрессованный зимними метелями и морозами белый снег, и из распада тянуло прохладой. Майское солнце, слитое со свежестью снега, по-особому будоражило людей, придавало им бодрость духа, звало на борьбу. Колонна приискателей остановилась на песчаной площади. Здесь было солнечно и сухо.

– Товарищи, – крикнул Бурмакин, – мы собрались на сегодняшнюю маевку, чтобы обсудить наши требования к золотопромышленной компании и Гончарову.

– Давай, Василий, – подбадривая его, кричали старатели.

– Мы должны добиться, – продолжал он, – признания рудничного комитета, подчинения ему руководства приискового производства, сокращения рабочего дня и повышения заработка.

– Разойдись! – закричал исправник Брингольд, выскочивший из густого тальника на вздыбившемся сером жеребце, за ним встали стражники.

Удерецкий исправник – немец, которого старатели считали самодуром и только ждали удобного момента, чтобы с ним расправиться. Брингольд хорошо знал настроение приискателей и с откровенной немецкой педантичностью преследовал рабочих. И хотя после февральской революции царская полиция была ликвидирована, с согласия канцелярии Южно-Енисейского горного округа и дирекции Александровской золотопромышленной компании, при ее финансовой поддержке, исправник Брингольд и становой Бурнашев остались на Гадаловском прииске в подчинении управляющего. От резкого окрика исправника и его внезапного появления приискатели на мгновение оторопели. Встреча с вооруженными полицейскими бывает не каждый день. Возникло то напряженное противостояние, когда две враждующие силы должны ринуться друг на друга. Каждая сторона знала: еще момент, какая-нибудь оплошность, и прольется человеческая кровь. Сейчас все зависело от решительности, которая определит исход сложившейся обстановки.

Приискатели плотной толпой стояли вокруг Бурмакина. И Брингольд не выдержал.

– Опустить оружие, – крикнул он своему отряду и подал команду к отходу.

Бурмакин снова вскочил на пень, достал из кармана фуфайки сложенный листок, развернул его и начал читать требования:

– Директору Александровской золотопромышленной компании Гадалову: «Мы – удерейские приисковые рабочие – требуем от дирекции компании:

- сократить рабочий день с 17 до 8 часов;
- повысить заработок на одну треть;
- уменьшить наполовину вычеты из заработка;

– передать прииски, драги и мехмастерские в руки приискателей.

Требование принято единогласно на митинге 1 мая 1917 года и вручается дирекции компании через управляющего Гадаловским прииском Гончарова».

Рабочие единогласно приняли эти требования. Обратно на прииск возвращались с песнями, которые знал каждый старатель, и звучали в них грусть, чаяния и надежды на лучшее будущее. Но на следующий после маевки день Гончаров лишил работы всех членов рудкома. Он был представителем администрации золотопромышленной компании, и, как выразился, не хотел потакать рабочим, особенно сейчас, когда идет борьба за государственное переустройство.

Бурмакин, узнав о решении Гончарова, пришел к нему и потребовал восстановления уволенных. Иначе ни один дражник не выйдет на вахту. А управляющий хорошо понимал, что будет с ним, если драги не будут мыть золото. Выбора не было, и уволенные были восстановлены и допущены к работе. Это решение взбесило Брингольда, и он пишет рапорт Енисейскому комиссару временного правительства.

После маевки, как после ливневой грозы, в Удере́йской долине установилось затишье. Все лето Гадаловский прииск находился словно в дремотном состоянии. Рабочие по утрам ходили в забои, на драги, в мехмастерские, а к вечеру, усталые и безразличные, возвращались домой. И все же жизнь на прииске стала иной, чем раньше.

Гончаров на требования рудкома повысить зарплату и сократить рабочий день отвечал... молчанием. Каждый старатель думал о том, что маевка прошла даром, но никто не хотел об этом сказать открыто. Во взаимоотношениях людей появилась какая-то неопределенность.

Брингольд старался не пропускать на Гадаловский прииск никакие вести о положении в Красноярске и в целом России. Всех, кто появлялся на прииске, горные полицейские обыскивали и допрашивали.

Между собой старатели вели обычные житейские разговоры, редко вспоминая о прошедшей маевке. Жизнь катилась в прежнем русле, и словно не было обновления. Такие искры много раз вспыхивали над удере́йской долиной, но всегда лишь на короткий миг. Не хватало заряда, чтобы вспыхнуло пламя революции.

Но пришло время, и зарево начавшаяся в Петрограде революция осветило удере́йскую тайгу. Когда мороз оковал Енисей и Ангару, по зимнику прибыл представитель Красноярского комитета РСДРП

Бокин. Задание отправиться на Гадаловский прииск он получил на второй день установления советской власти в Красноярске, то есть 11 ноября 1917 г. Путь на прииск по енисейскому тракту, старой климовской дороге, был нелегким. А тут еще полицейские кордоны, барьеры золотопромышленников.

На исходе ноября Гадаловский прииск и вся удерейская долина были окутаны густым снегопадом. Снег завалил все дороги и тропы, утопил отвалы отработанной породы, покрыл толстой шапкой крыши домов.

К утру на Федорин день снегопад прекратился. Днем искрящиеся на солнце еще падали снежные блестки, а к вечеру начал крепчать мороз. И, погрузившись в морозное, снежное безмолвие, прииск, казалось, заснул, как обычно в такое время. Но появление Бокина сломало распорядок жизни старателей.

На второй день после прибытия он назначил общий сход приискателей. На него пришли рабочие Калифорнийского, Покровского, Агрипинского, Спасенского, Павловского, Теремеевского, Прокопьевского и других близлежащих приисков.

Около приисковой конторы, стоявшей на старой границе между Александровским и Елизаветинским приисками, собралось много народу. Появление Бокина приискатели связывали с изменениями к лучшему. Но никто даже не предполагал того, о чем он сообщал. Весть о победе пролетарской революции и об установлении повсюду народной власти буквально ошеломила людей. Они просто не знали, что нужно делать, как дальше жить, какой стороны придерживаться, от кого зависит дальнейшая судьба Гадаловска и других удерейских приисков. Мнения приискателей разделились надвое. Одни поверили Бовину и решительно высказывались за ломку старого, другие не понимали перемен и держались за привычный уклад, потому остались на стороне Гончарова и его подручных. Вторых было меньше, но они были...

Бокин предложил избрать приисковый Совет рабочих депутатов и объяснил необходимость его существования. На это приискатели ответили молчанием, они просто не понимали, что это такое. Люди нерешительно топтались на месте, переговариваясь между собой.

— Золотнички, не молчите! — крикнул Бокин. — Вы должны сказать, нужен нам Совет или нет. Ведь у вас есть опыт совместной борьбы. Еще недавно на приiske были народная дружина, рудничный комитет.

Весной вы провели маевку, не испугавшись вооруженных стражников, это была ваша победа. Почему же сейчас вы молчите и боитесь организовать Совет? Это новая форма государственного управления Россией. Самый главный Совет России возглавляет Ленин.

— А кто будет начальствовать на приiske? — крикнул кто-то из толпы.

— Сами приискатели, которые войдут в приисковый Совет рабочих депутатов.

— Где возьмем харч, если Гончаров завтра откажется его выдавать? — не унимались люди.

— И это будет заботой избранного Совета, — отвечал Бовин.

— Почему здесь нет Гончарова?

— Как жили по-старому, так и будем жить! — кричали одни.

— Не хотим старого, будем жить по-новому, — отвечали им другие.

— Дайте сказать мне, — раздался голос из толпы. И к Бокину, стоявшему на высоком крыльце гончаровской конторы, пробрался Николай Ермаков, высокий парень, работавший кузнецом в мехмастерской. Он обвел толпу светлым улыбчивым взглядом.

— Уснули мы и не видим, что творится вокруг, — голос его затвердел, и лицо стало строгим и серьезным. — Проснуться надо. Всем уже надоело спину гнуть на Гадалова, Гончарова и прочую братию из Александровской компании. Вот и сегодня ни Гончаров, ни его помощники на сход не пришли, словно это их и не касается. А может, они нас просто боятся, потому что их время уходит, наступает новое, и мы должны быть хозяевами приисков и драг!

— Верно говоришь, Никола, — раздались выкрики из толпы. На крыльцо выскочил Бурмакин. Увидев его, приискатели заговорили между собой, одобрительно поглядывая на драгера, — в памяти всех еще жила маевка, организованная Бурмакиным.

— Баста, — сказал он, поправляя выбившиеся из-под шапки густые темные волосы, — хватит мантулить на золотопромышленников. Мне на днях попала газета «Енисейские губернские ведомости», в которой напечатан отчет Александровской золотопромышленной компании о выработке золота на нашем приiske. Там написано, что гадаловские прииски за прошлый год принесли сто тридцать тысяч рублей чистого дохода краснойярским золотопромышленникам. Каждый чиновник компании получил вознаграждение, равное двухгодичному заработку старателя. Вот куда уходят наши денежки.

Гончаров не признает решения рудничного комитета. С этим надо кончать. Мы должны быть хозяевами приискового производства.

– Приисками и драгами будем командовать сами. Долой Гончарова! – кричали старатели.

– Золотнички, надо поддержать предложение Бокина и избрать рабочих депутатов, создать совет, – ещё раз предложил Бурмакин, – если не возражаете, я согласен войти в состав совета.

– Кого еще предлагаешь туда избрать? – закричали старатели.

– Бокина Василия Петровича, и как посланца краснойрского комитета РСДРП, и как председателя рудкома. Обязательно в совет надо избрать рабочих мехмастерской Ефремова и Абачина, – сказал Бурмакин и соскочил с крыльца.

– Абакумова от старателей, – предложил кто-то из толпы. Сход избрал в приисковый совет рабочих депутатов Бокина, Ефремова, Абачина, Бурмакина и Абакумова. Тут же было предложено именовать его Удерейским совдепом.

На следующий день на прииске произошло то, чего все боялись: Гончаров распорядился закрыть магазин и хлебную лавку и никому не продавать продукты. Касса, где можно было взять купоны, тоже была на замке.

Исправник Брингольд и становой Бурнашев тоже не сидели, сложа руки: они организовали из зажиточных приискателей группу и вооружили их дробовиками. Это была вооруженная охрана основных объектов гадаловского хозяйства. А вечером того же дня помощник управляющего Рычков и Бурнашев появились в избушке, где остановился Бокин.

– Ты чего воду мутишь, – зло спросил Рычков, – мало тебя еще по этапам гоняли? Собирайся и уезжай отсюда подобру-поздорову.

Бокин молчал. Он хорошо знал гончаровского помощника.

– Если не распустишь свои совдепы и не уберешься отсюда сам, пеняй на себя. С этими словами Рычков угрожающе положил руку на револьвер, висевший на поясе под полущубком.

Бокин встал с лавки, сунул руку в карман брюк и, крепко сжав рукоять нагана, распахнул дверь.

– Шутки в сторону, – сказал он, – иначе кончится плохо. Убирайтесь-ка отсюда...

Рычков глубоко вздохнул впалой грудью, судорожно скособочившись, шагнул к порогу, его темное скуластое лицо с ястребиным носом передернула гримаса злобы, он выскочил из избушки, за ним становой.

А ночью, когда над прииском нависла тишина и купающаяся в звездном студеном небе луна ярко освещала долину, на конном дворе ударил колокол: горела хлебная лавка.

На пожар мигом собрался весь приисковый люд. Старая смолистая лавка пылала как факел, горящие головни с треском разлетались по сторонам. Зарево пожара освещало весь прииск. Тушить его было нечем, потому, подождав, пока огонь начал утихать, народ разошелся...

Утром все узнали: пожар дело рук Мошкина, гуляки и пьяницы. Приискатели поймали его и хотели устроить самосуд, но заступился Рычков. Он отобрал у разъяренной толпы поджигателя и спрятал его. Всем стало ясно: лавку сожгли, чтобы среди приискателей пошел раздор. Всю зиму старатели готовились к новому золотопромывочному сезону. Совдепу часто приходилось вникать в приисковые дела, решать вопросы снабжения людей продуктами питания.

Весна 1918 года была теплая, и в конце апреля драги поставили под пары, все было готово к добыче золота. Мало что изменилось в Гадаловске с приходом новой власти.

...Бокин перед сном достал из кармана блокнот и записал, что надо сделать на завтра – 20 июня. Он хотел уже лечь спать, когда кто-то осторожно постучал в окно.

– Кто там? – спросил Бокин. – Открой, Петрович, это я, Бурмакин, – последовал ответ. И в избушку ввалился красный, запыхавшийся дражник.

– Ты чего это на ночь глядя, Вася? Заходи.

– Плохи дела, Петрович, еле переводя дух, ответил поздний гость, – бежал от самого Уромка, даже смену не дотянул. На драгу прибежала моя сестренка и сказала, что по телеграфу передали: 18 июня белочехи и белогвардейцы захватили Красноярск. Там есть предписание исправнику арестовать тебя и всех членов совдепа. А по климовской дороге, через Усть-Тунгуску, к нам на прииски движется карательный отряд.

– Как сестренке-то удалось узнать об этом?

– На почте работает уборщицей ее подружка... Что будем делать?

– Надо срочно оповестить всех совдеповцев, – сказал Бокин, на ходу одеваясь.

– Тебе, Петрович, тоже надо уходить.

– Договоримся так: ты, Вася, уходи на Михайловский прииск, на речку Пенченгу, там глухо, не найдут. Ефремову, Абачину и Абакумову передай, чтоб шли на прииск Великий. Пусть останутся на речке Арламкуль, на охотничьих займках. А мне уходить нельзя, – Бокин посмотрел прямо в глаза товарищу, – я должен остаться на прииске, чтоб люди не потеряли веру в совдеп.

– Но тебя же расстреляют!

– Наверняка, – согласился Бокин. – Ну да, может, как-нибудь выкручусь. Посмотрим, чья возьмет, но от старателей сбежать я не имею права, это я твердо знаю.

Рано утром Бокина арестовали. Его посадили в приисковую каталажку – деревянный дом с решеткой на единственном окне, который стоял на крутом обрыве под Горелой горой, рядом с усадьбой станового.

Ночью Бокин бежал. Побег устроили старатели, прорыв под каталажку лаз. Хорошо зная окрестности, Бокин по логу поднялся на хребет, соединяющий Горелую с Зеленой горой. В это время над тайгой занимался рассвет. Солнце вынырнуло со стороны островерхих холмов, под которыми приютился Покровский прииск, бросило первые лучи на золотую долину и осветило все вокруг. Утренний ветерок, приветствуя солнце, прошелестел молодой листвой березок и осин. Безбрежная удерейская тайга простиралась на многие километры. Бокин залюбовался ею, несмотря на тревогу, вдохнул полной грудью сочный, утренний воздух и невольно улыбнулся: «А жизнь прекрасна!». Он сам выбрал эту полную опасностей долину еще тогда, в девятьсот пятом, на баррикадах в Москве. А сейчас накрепко связал свою судьбу с дивными этими местами и с людьми, живущими здесь. Еще раз, теперь уже внимательно оглядев окрестности – косогор, спускающийся прямо в Удерей, старый Павловский прииск, с которого когда-то начинал свою жизнь в Удерейской тайге, – Бокин спустился вниз на каменскую дорогу и направился к займке Кирилла Безруких, с которым его связывала давняя дружба.

Вскоре из Красноярска на Гадаловский прииск прибыли чиновники канцелярии Южно-Енисейского горного округа и Александровской золотопромышленной компании, а с ними вооруженные

казаки. Брингольд и Бурнашев еще усердней взялись за дело, искали любой случай, чтобы свести счеты с приискателями за былые поражения. Несколько человек арестовали, некоторых уволили, а тем, кто служил верно, дали лучшие золотоносные забои. На прииске появились представители ангарского земства — меньшевики и эсеры.

Более полутора лет Гадаловский прииск лихорадило. Золотодобыча резко упала. Замерли драги, опустели старательские забои, не работала мехмастерская, не курились в лесу на делянах угольные ямы.

Золотопромышленники несли большие убытки. Гончаров не скупился на обещания улучшить жизнь старателей, но, почувствовав жизненную силу советской власти, люди не верили в эти обещания. Возникло противостояние между старателями и хозяевами-золотопромышленниками, и пока трудно было определить, кто в нем победит.

Наступил 1920 год, он принес на Гадаловский прииск телеграфное сообщение об освобождении Красноярска от белогвардейцев и установлении советской власти. А в начале лета на Гадаловский прииск прибыл новый управляющий и с ним трое оперативников из штаба ЧОН для охраны удерейского золота.

Старатели с опаской ждали, как поведет себя новый управляющий. К вечеру на приисковой конторе появилась вывеска «Удерейское золотоприискское управление». Управляющий Николенко принимает старателей по всем вопросам в любое время дня».

Рассудив, старатели пришли к выводу, что вывеска так и не разъяснила, кого прислали им в управляющие и как жить дальше. И только после того, как в мехмастерской состоялся сход, на котором был восстановлен удерейский совдеп, решены вопросы, определившие право на власть на прииске, старатели успокоились. Удерейскому противостоянию наступил конец. Одна сила победила другую. Искра, вспыхнувшая над Удереем в семнадцатом, разгорелась в двадцатом, осветив старателям путь к жизненному переустройству.

По правилу, определенному природой, летнее утро в Удерейской долине начинается рано. Еще не успеет золотая долина отряхнуться от ночи, а над вершинами сопков торопливо плывет бирюзовый туман, словно убегая от всходящего из-за хребтов солнца. И вот уже заискрились на солнце горные ключи, заиграли желтые отблески на волнах Удеря.

Ранним утром по тропам среди густых тальников на берегах Удеря один за другим уходят старатели в забои. У Александровского

моста, протяжно свистнув, заскрежетала драга. В мехмастерской стукнул молот кузнеца о наковальню – труженик-прииск проснулся и заработал.

С восхода и до заката ползает по Удерею драга, оставляя после себя отвалы отработанной серой каменной породы. В забоях старателей целый день слышен лязг кайл и скрежет лопат о каменистую породу. Подхваченная ключевой, чистой, как горный хрусталь, водой, она с шумом скатывается по наклонным железным желобам, образуя внизу из промытого песка, гальки и щебня отвальные насыпи.

День расходился, солнце всю властвует над удерейской долиной. В этом вечном круговороте природы с восходом солнца зарождается новая жизнь и новые люди. Жизнь, рожденная полыхающей зарей, рождает надежду на лучшее будущее.

Южно-Енисейск – Красноярск

ЧЕРЁМУХОВАЯ ИСТОРИЯ НА УДЕРЕЙСКОЙ РОДИНЕ

Из цикла «Удерейские записи»

Удерейская Родина понятие не абстрактное, конкретное, она включает в себя всю территорию бывшего Удерейского золотодобывающего района, а также его центра, приискового поселка Южно-Енисейска. Всю человеческую жизнь разложить по периодам невозможно, не хватит сил. Но о некоторых ее периодах говорить надо, в этом и заключается сама жизнь. Детство, например, не проходит бесследно. Какие-то эпизоды из него запоминаются на всю жизнь. В этом и кроется любовь к Родине. Мне, автору этих строк, хочется рассказать о черемуховой истории, случившейся на моей удерейской Родине, вернее, о черемуховой ассоциации. А вообще, росла ли черемуха на берегах Удерея? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться в глубину времени. Помогла имеющиеся в моем личном архиве записи. Берега Удерея не были безлесными, на них росли сосна, ель, тальник, рябина. Росла по берегам речки и черемуха. Просматривая свой писательский архив, я обнаружил интересную запись, из которой явствовало, что русский писатель и путешественник Николай Васильевич Латкин еще в 1860-х годах побывал на Удерее и восхищенно писал, что в начале лета «берега речки

утопали в зелени рябины и белой черемухи». В жизни приходилось бывать и весной, и осенью в разных местах, где растет черемуха. Весной черемуха буйно расцветает, наделяя местность своим удивительным медово-яблочным запахом. С весенним буйством черемухи приходилось встречаться во многих местах Красноярского края: на берегах рек Собакиной, Бузуме. Гроздья поспевшей черемухи встречались на огромных кустах речки Чулым под Ачинском.

Но и это не все. Ощущать буйство черемухового белоцвета, его медово-яблочного запаха приходилось и в других местах. В приискском поселке Южно-Енисейске имелась улица под названием Пролетарская. Улица была знаменита не пролетарским названием, а другими признаками. Она начиналась из центра поселка и простиралась вниз в северном направлении, заканчиваясь у Гремучего ключа на моргуновском косогоре. На нечетной стороне улицы широкой полосой тянулся деревянный тротуар, ходить по которому было очень удобно, особенно в дождливую погоду.

На второй половине улицы Пролетарской в те давние времена в маленьком деревянном домике проживал некто Токман, мужчина лет сорока пяти от рода, невысокого роста, коренастый, всегда ходивший в скромной рабочей одежде, работавший токарем в Центральных мехмастерских. Мастерские — рабочие ЦММ были людьми особо уважаемыми в Южно-Енисейске, к числу их относился и Токман. При встрече с людьми он вежливо их приветствовал. Кто он был, немец или еврей, никто не знал. В те времена национальностью не очень интересовались, главное, каким был человек, хорошим или плохим. Домик со временем обветрился, покраснел от солнечных лучей, посерел от ветров, дождей и снега. И казалось, в домике ничего не было привлекательного. Но привлекал его наружный вид. Домик Токмана был обнесен деревянным штакетником. Между окнами домика и штакетником, на солнечной стороне, росли два огромных, пушистых куста черемухи, которые оберегались пуще, чем штакетник.

Наступала весна, первая половина июня. Домик Токмана становился самым привлекательным в поселке. Распустившаяся черемуха своим медово-яблочным запахом заполняла всю ближайшую округу. В эти дни каждый, кто проходил мимо, старался обязательно остановиться и подышать этим необыкновенным запахом. Порою казалось, что черемуховый запах, будораживший приискателей, был

на одной ступеньке с царем металлов, золотом. Так черемуховые ассоциации, возникающие около домика Токмана, ворвались в жизнь южноенисейцев и навсегда остались в их памяти.

Неумолимо, не останавливаясь, бежало время. Порою оно было тяжелым и невыносимо трудным. И, несмотря на трудности, вместе с ними существовали и домик Токмана, и палисадник под окном, и кусты черемухи, благоухающие медово-яблочным запахом, радуя приискателей. Но социальные процессы как в стране, так и в золотодобывающем районе, протекали по-разному. Иногда незаметно, а порою сильно влиявшие на жизнь приискателей. Нагрянуло то, чего не ожидали приискатели. Бездумная, рабски услужливая власть объявила о закрытии золотодобывающего района и его центра, приискового поселка Южно-Енисейска. Вмиг началось их стирание с лица земли. Попали в эту социальную мясорубку домик Токмана, палисадник с черемуховыми деревьями, радовавшими приискателей своим медово-яблочным запахом. А вместе с ними была уничтожена и святая память о Родине. И только одни воспоминания остались в жизни о тех далеких годах. Но о них молчать нельзя, надо обязательно об этом рассказывать, напоминать о том, где росли кусты черемухи, там была и твоя любимая Родина. Что собою представляла удерейская Родина, можно судить хотя бы кратко по одному из дней ее жизни, приискового поселка Южно-Енисейска, который являлся его центром.

В центре Удерейского золотодобывающего района, в приисковом поселке Южно-Енисейске начался новый летний день. Он ничем не отличался от предыдущих. Утреннее солнце, взошедшее на Востоке, бойко разбрасывало свои горячие лучи по удерейской долине, обещая приятную погоду. За восходом солнца в шесть часов утра в котельной мехмастерских гудел первый гудок, оповещая приискателей, что наступил новый день жизни на удерейской Родине. В жизни поселка не было праздности, она была обычной, трудовой. Об этом говорило производство, звучащее в пространстве своими звуками. От центра на севере, в междуречье Мамона и Удерея, по-свистывала драга, выпуская из котла накопившийся пар, громыхая своими мощными железными черпаками, добывая золото. За Удереем, рядом с большим деревянным мостом, в кузнечном цеху Центральных мехмастерских, звенели кузнечные наковальни и громыхали паровые молота. Кузнецы ковали из железа замысловатые

детали для золотопромывальных драг. Черемуховые ассоциации, возникающие около домика Токмана, были не единственными в приисковом поселке Южно-Енисейске, они имели свое существование в других удерейских местах. Об одном из них и будет продолжение этой истории. Середина августа, летний день. Участниками истории являются двое подростков. Одному пятнадцатый год, другому десятый. Они родные братья. Старшему Василию пятнадцатый год, младшему Алексею – десятый. Они были подростками любопытными и могли бы этот день провести в центре приискового поселка, окунуться в какие-нибудь события, происходившие в нем. Например, побывать на Удерее и посмотреть, как драга добывает золото. Могли бы побывать в приисковой библиотеке и там разглядеть в журналах и книгах какие-то интересные снимки, почитать заманчивые опубликованные сообщения. Зная, что в центре приискового поселка всегда можно наблюдать что-то интересное, однако подростки не пошли туда, а отправились на его южную окраину.

Подростки вышли из деревянного, небольшого домика, приютившегося у входа в лог, на опушке горы Зеленой, и направились на южную окраину приискового поселка Южно-Енисейска. В середине августа приисковый поселок традиционно купается в тепле. Все дни над удерейской долиной висит безоблачное, синее небо. Горячее солнце дружно разбрасывает свои жаркие лучи по всему приисковому раздолью. В такие дни лучше всего побывать около висячих скал или полазить по берегам Удерей. Лето было ведренное, значит, в затаенных местах уродилась любая ягода и ей можно вдоль полакомиться.

Братья быстро проскочили вдоль подножия горы Зеленой, преодолели небольшой участок по мелколесью и спустились с увала на берег Удерей. Оказаться в этом месте и не посмотреть на разлив Удерей нельзя. На удерейской Родине много красивых мест, рожденных природой, как это, например. И хочется, чтобы оно появилось хотя бы в литературной записи. Но вряд ли кто-нибудь займется его описанием. Ведь чтобы об этом написать, надо около него побывать и увидеть его воочию. Речка в этом месте сильно привлекает к себе внимание своим разливом. Перед спуском с увала Удерей делает крутой поворот, унося свои ледяные, желтые воды от промывки драгами горной породы, дальше, на север. При выходе из поворота вода широко разливается на перекае, звонко бурлит. Приисковые мальчишки всегда пользовались

перекатом при переходе на противоположный берег. За левым берегом Удерея, на дне долины, лежит большая, удивительно ровная как ладонь поляна, уходившая далеко наверх речки, до ключа, струившегося из ко-согора родником прохладной, минерализованной воды. Поляна привлекала своим ландшафтным видом и представляла собою зеленый ковер, который был разрисован природой яркими красками сибирского разнотравья. Зелень ковра была покрыта белым, серым и розовым клевером. На нем красовались голубые незабудки, местами маячил ярко красный коневник. Поляна находилась в окружении хребтов. С одной стороны – огромный правобережный хребет, с крутыми склонами, поросшими густым хвойным лесом, с другой – левобережный, уходивший в необозримое таежное раздолье. А между ними течет золотиносный Удерея.

Посредине поляны лежали остатки развалившейся деревянной избушки, а в ней кирпичи разобранной печки. Они и привлекали внимание приисковых мальчишек. Преодолев по широкому перекату ледяной Удерея, они сразу устремлялись к развалившейся избушке. От перехода по ледяному Удерею у них зуб на зуб не сходился, и чтобы избавиться от холодрыги, они быстро собирали сухой хворост и на месте развалившейся избушки разводили огонь, обогреваясь им при выходе из ледяной воды. У мальчишек всегда возникал вопрос, зачем была поставлена избушка далеко от приискового поселка на его окраине, на поляне, которую весной заливают таяющая вода. Прошло много лет с тех пор, как произошло изменение в собственности удерейских приисков. Но прошлая история и судьба приисков постоянно интересовали учеников местной школы, особенно старших классов, которых обойти молчанием было нельзя. К тому же в приисковом поселке Южно-Енисейске ходили слухи, что в поляне и в избушке, стоявшей на ней, скрывалась какая-то тайна. Оказалось, что эта тайна связана с золотом. А более подробно оказалось следующее.

В прошлые годы, перед революцией, поляна, о которой идет речь, примыкала к границе, где соединялись два прииска, Прокопьевский и Александровский, на которых Гадаловская драга добывала золото. За левой границей поляны была намыта гряда песчано-галечной горной породы. Это место приисков было очень богато россыпным золотом. И чтобы на нее не проникали шатающиеся старатели, на поляне была построена избушка, а в ней поселен сторож, который знал золотую тайну горной породы. Словом, золотиносная территория охранялась.

Через много лет из архивных источников удалось узнать, что в том месте, где прииски Прокопьевский и Александровский соприкасались, за летние промывальные сезоны драгой было добыто несколько десятков пудов золота. Рядом, в вырытом большом прямоугольном котловане, на зимовку была установлена драга, завезенная из далекой Зеландии, которая как сложное техническое сооружение тоже тщательно охранялась. Котлован соединялся с канавой, вроде рукава, по которой весной из Удерей вливалась вода, и это давало возможность уже с самой весны эффективно добывать золото. Котлован за его необыкновенную, прямоугольную конфигурацию с канавой в виде ручки, был назван «Флажком». Больше всего он походил на плавательный бассейн. В летние, жаркие дни южненисейские отчаянные мальчишки не вылазили из воды «Флажка», купаясь в нем и добиваясь умения плавать. Вот о таких неизвестностях Удерей, находясь на его широком перекате, можно было узнать, с интересом рассматривая его с противоположного берега.

Братья, окинув еще раз взглядом глаз большую поляну, раскинувшуюся за левым берегом Удерей, пошли по тропе дальше. Было еще раннее утро, и солнце слабо пригревало. Сверху высоченного хребта, на котором крепко держалась стена, представлявшая собою каменный монолит, тихо, еле движимой струйкой, проникала теплая прохлада. Тропа, на которую они сейчас вышли, не была легкой, наоборот, считалась тяжелой, трудной. С правой стороны страшила висевшая над Удереем скальная стена. Берег поджимал бурливший Удерей. Тропа от подножия скалы скатывалась в речку покато. Она была усеяна плоским, серым, скользким плитняком. Плитняк был острым, то и гляди, что поскользнешься, упадешь и проколешь ногу острой плитой. Братья, преодолев сотню метров по тропе, остановились. Они поглядели за Удерей, где на его берегу находился большой, развесистый куст черемухи, к которому они наметили пробраться, когда еще вышли с приискового поселка. Но глядя на скалу, передумали. На высоте метров двадцати вдоль скалы тянулись короткие террасы, больше похожие на уступы. Одна из них привлекла внимание братьев. Была плоской, похожей на ступеньку крыльца, вся заросшая густым шиповником. Подростки знали из наставлений школьного фельдшера, что осенью надо употреблять шиповник против авитаминоза. Шиповник в середине августа созревает и его можно всю поедать. Братья с большой осторожностью залезли по откосу скалы вверх и вошли на ступеньку.

Окунувшись в гущу шиповника, они удивились его рясностью и спелостью. Шаровидные, буровато-коричневые плоды густо висели на колючих кустах шиповника. Поедание августовского шиповника известно давно. Плоды шиповника надо сорвать с кустов и уложить в горсть. Когда горсть будет наполнена плодами шиповника, их скатывают в большой колобок и разминают до состояния мягкости. Шиповник в колобке становится мягким и сладким. После этого его можно поесть. Собирая и поедая шиповник, братья глядели со скальной высоты на Удерею, журчащий на перекае, в то место, где находится большой куст черемухи.

Покинув террасную ступеньку на скале, братья отправились на другой берег Удерея, хотелось убедиться, уродилась ли нынче черемуха. Переходить через Удерею в том месте, где они слезли со скалы, не стали. В этом месте дно речки глубокое, в виде длинного улова, вода в котором достигает горла, если войти в нее. И хотя Алексей был из братьев младшим, но благодаря своему любопытству уже давно проверил глубину этого улова. Пройдя по тропе метров двести, братья вышли к мелкому перекату, бурлившая вода в котором еле касалась колен. Выскочив из ледяной воды и попрыгав на галечнике, чтобы согреться, братья направились к черемуховому кусту.

Внезапно перед братьями открылось удивительное по красоте зрелище. Казалось, что вместо развесистого таинственного дерева, свисая прямо в воду журчащего Удерея, стоял огромный, зеленый круглый шар, усеянный рясной черемухой, ярко поблескивающей темным оттенком в ярких лучах солнца. Свисавшие веточки черемухи с гроздьями ягоды отяжелели. Ягода была сладкой до безумия, о чем говорила ее мякоть. На удивление плоды черемухи были крупные, одинаковые по размеру, словно высаженные специально. И это вызывало в подростках неопишемое восхищение.

В середине куста было два толстых ответвления, на которых можно было удобно сидеть и поесть черемуху. Уплетая сладкую черемуху, подростки не знали, какие полезные вещества содержатся в ней. Сладкая, и все тут. Значит можно поесть. И только потом, через много лет, им станет известно, что в черемухе содержится невероятно большое количество полезных питательных веществ, таких как глюкоза, аскорбиновая и лимонная кислота, и необходимые организму микроэлементы, молибден, цинк, медь, стронций, железо, кремний, барий, марганец, титан.

Братья долго лакомились спелой, сладкой черемухой. Бережно, не нарушая веток черемухи, они слезли с нее. У братьев мгновенно возникло желание принести домой сестренкам черемухи. Но у них не было посуды. Младший брат, долго не раздумывая, сдернул с себя майку и завязал ее узкие плечи в узел. Получился кошель, в который братья быстро, не теряя времени, сложили ягоду. Сильно ободренные сегодняшним выходом на Удерей, братья отправились домой.

Шли к дому той же тропой, как и утром, вдоль подножия горы Зеленой. Их путь освещал закат солнца. Оно не скупилось и щедро светило им вослед, как бы радуясь, что братья подростки получили от природы солидный подарок - сладкую черемуху - и вдоволь ею насладились. Они заканчивали обратный путь, а над горизонтом удерейского левого хребта пылала вечерняя розовая полоска, предвестница всего наилучшего в ближайшие дни. Уже вечерело, когда братья появились дома. Им навстречу выскочили младшие сестренки Валентина и Светлана. Сестренки испуганно воскликнули, как долго братья отсутствовали. Старший брат положил на стол ношу, черемуху, сложенную в майку, приглашая сестренку ее отведать. Вернулась из поселка старшая сестра Александра. Она увидела черемуху и пересыпала ее в большую чашку, сказав, что сейчас из нее сделает что-то вкусное. Старшая сестра достала из шкафчика лежащий в банке сахарин и пересыпала им черемуху.

С тех пор как семейство потеряло мать, сестра в семье стала старшей, взвалив на себя материнскую заботу о ней. Она вышла в огород и подкопала свежей картошки. Огнем горела кирпичная печка, на железной плите варилась свежая, рассыпчатая, сахарная картошка. Сестра разложила на столике обед, состоящий из пайки хлеба, выдаваемой по карточкам, насыпала в чашку горячей картошки, в другую миску выложила черемуху, пересыпанную сахарином. Словом, обед был приготовлен и можно было садиться за стол. Но надо чуть погодить, сейчас с работы придет отец. Скрипнула дверца в сенцах, в дом вошел отец, вернувшийся с рабочей вахты из кузнечного цеха, из Центральных мехмастерских. Ополоснув лицо из рукомойника свежей водой, отец подсел за семейный столик. Когда съели вкусную картошку, сестра рассказала, что братья Василий и Алексей ходили за Удерей и набрали сладкой черемухи. Сестра положила на блюдо черемуху и подала отцу, предложив ее откусать. Отец съел пару ло-

жек черемухи и отодвинул блюдо. Он по-своему, по-отцовски понимал отказ отведать сладкой черемухи. Отодвигая блюдо, отец считал, что сладкая черемуха - это для детей, и пусть они ею наслаждаются. С таким пониманием был отец семейства.

Прошел еще один трудный год жизни. Прошедшая зима в удерейской долине была снежной, весна необычайно теплой. От растаившего снега весеннее половодье было буйным, затопило долину, стирая все на своем пути. Когда наступило время августовских выходов в удерейские леса, братья вышли за южную приисковую околицу. Преодолевая знакомую тропу, они лелеяли надежду скорее встретиться с черемуховым кустом. Оказавшись в том месте на берегу Удеря, откуда можно было увидеть черемуховое дерево, братья онемели. Место, где когда-то стоял черемуховый куст, было пустым. Братья, разглядывая опустевшее место и погружаясь в черемуховую пустоту, едва сдерживали слезы. И только благодаря мальчишеской силе воли, удержались от этого. Природа сыграла свою роковую роль. Весеннее буйное половодье утопило все вокруг. Хлынувшая весной вода размыла корни черемухового дерева. Удержаться в рыхлой, размывтой водой земле черемуховое дерево не смогло. Его унесло туда, куда сносит весенняя буйная вода Удеря все, что попадает на ее пути.

Эта необычная черемуховая история, трудно понимаемая и еще труднее описываемая, происходила на удерейской Родине. Она живет во мне, как в авторе, и всю жизнь крепко напоминает, что Родину забывать нельзя. Черемуховая история стала символом воспоминаний о Родине. Черемуховое дерево, рожденное на берегах золотого Удеря и погибшее в его весенней, беснующей водной пучине, напоминает ту катастрофу, которая погубила весь Удерейский золотодобывающий Клондайк. Гибель черемухового дерева была предвестницей другого очень большого трагического события. Так уж видимо, устроена жизнь. Пройдут годы, и Удерейский Клондайк с его центром, приисковым поселком Южно-Енисейском, подарившие Родине за период своего существования тонны золота, но вследствие тоталитарных устремлений государства будут варварски стерты с лица земли.

МАРГАРИТА ЕВГЕНЬЕВНА ЛАВРОВА

«Я родилась в г. Новосибирске 10.10.1942 года. Сначала мы все жили в Пит-городке, потом – в Южно-Енисейске, а в конце августа 1946 года переехали в п. Раздолинск. В 1950-м году я пошла в 1 класс к учительнице Андреевой (Можаевой) Таисии Николаевне, добрейшей души и сердца человеку. Училась хорошо, в 1957 году мне дали путевку в Международный пионерский лагерь Артек № 2 (нижний). Конечно, незабываемые впечатления! Школу окончила в 1960

году. После школы поступила в Красноярский Государственный Педагогический институт (теперь имени Астафьева), на психолого-педагогический факультет по специальности дошкольная педагогика, психология и спецметодики, окончив его в 1965 году.

Три года работала в детском саду от Технологического института воспитателем, а потом муж «перетянул» меня в спорт, сначала работала тренером по настольному теннису с группами начальной подготовки, а 15 лет перед уходом на пенсию – завучем в спортивной школе греко-римской борьбы (директор Солопова А.А.). В 1997 году ушла на пенсию.

Первый стих (сознательный) придумался, когда у сына Жени был «последний звонок» в школе в 1987 году (он есть на Кряже), потом умерла мама в этом же году, посвятила ей, и как-то «пошло» само собой под настроение. Ничего не выдумываю, не придумываю, как-то само пишется, что думается».

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК (Сыну Жене)

Настал этот день – долгожданный, летний,
 Улыбки и радость на лицах ребят –
 Со школой прощаются наши дети,
 А мамы и папы сегодня грустят.
 Для нас это тоже прощанье со школой,
 И взрослыми вами гордясь и любя,
 Как будто мы в юность вернулись снова
 И, глядя на вас, вспоминаем себя.
 Нам кажется – только совсем недавно
 За ручку вели мы вас в первый класс,

Но десять лет позади — и странно,
Что школьный звонок вам — в последний раз!
И пусть не всегда и не все было гладко,
Не только безоблачным был каждый день,
Но первую букву в первой тетрадке
Вы написали в школе своей!
Об этом, ребята, вам помнить нужно,
Поверьте, пусть даже пройдут года,
Но школьная жизнь и школьная дружба
Останутся в памяти вашей всегда.
Вы станете взрослыми, вырастут дети,
Вы их поведете на первый урок,
И вспомните бал выпускной на рассвете,
Свой первый звонок и последний звонок.
Какими большими вы, дети, стали,
И взрослая жизнь вас ждет впереди.
Пусть честные люди из вас вырастают.
Удачи и доброго вам пути!

ПАМЯТЬ

Тихий вечер, идя на покой,
Догорает, закатом пылая.
Кто-то песню запел за рекой,
Как любила его дорогая.

Я открою окно в палисад,
Где так пышно цветут георины,
Где с березкою рядом висят
Наливаются гроздья рябины.

Здесь жила до семнадцати лет
В доме с детства родном бесконечно,
И с людьми, что оставили след
В моем сердце и в жизни навечно.

Догорел за рекою закат,
Ночь прохладой поселок укрыла...
Всё прошло, не вернется назад,
Только я ничего не забыла!

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мое поколение — уникальные люди!
Послевоенные дети и дети войны.
Таких, как мы, нет, да уже и не будет:
В Великой стране были мы рождены.

Росли и учились мы в школах советских,
Гордились, что наша страна СССР.
У нас было детство, счастливое детство,
И с честью мы звание несли — пионер.

Потом, повзрослев, мы уже понимали,
Что будет уверенность в завтрашнем дне.
И пусть мы особенно не шиковали,
На скромную жизнь нам хватало вполне.

Учились, работали, строили семьи,
Дружили, любили, растили детей.
И верило свято мое поколение
В прекрасное «завтра» советских людей!

Да, вот мы такие, мое поколение!
Для молодых мы, увы, не пример.
Нам сложно вписаться в новое время,
Мы жизнь свою помним в СССР.

НАЧАЛО ОСЕНИ

Начало осени уныло и прекрасно:
смещение сезонов и погоды,
дождя и солнца, перемен природы
и росчерков цветных в листве неясных.

То пасмурно, и сеет дождик редкий,
и небо серое без края и конца,
вдруг солнце вышлет своего гонца,
и яркий, тёплый луч падёт на ветки.

И тучи разойдутся, уходя,
и солнце в каждой капельке заблещет,
под лёгким ветром листья затрепещут -
аккорд последний музыки дождя...

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Пролетело лето незаметно,
Землю одарив теплом и лаской...
Мне приятны и весна, и лето,
Ну, а в ОСЕНЬ я вхожу, как в сказку!

Я люблю прозрачные туманы,
Что плывут над утренней рекою,
И в багровой дымке рано-рано
Наблюдать, как плавно солнце всходит..

Вот уже и появляться стала
Жёлтая в листве зелёной «просесть»,
И понятно — это лишь начало
Буйства красок, что приносит осень.

А она, талантливый художник,
Сочными мазками их наносит,
И налюбоваться невозможно
На пейзажи, что рисует осень!

Люди ждут ещё хорошую погоду,
Будет ли она — никто не знает...
Я теперь любое время года,
Как подарок, благодарно принимаю!

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Запах опавших листьев, острый осенний запах,
Мне будоражит душу, словно тревожный сон.
Ветер по палым листьям бродит на мягких лапах,
Тихо кружит над ними, легок и невесом.

И я ловлю на ладони падающие листья,
И опускаю на землю, чтобы сберечь до весны.
Ветер доносит их запах — свежий, горький и чистый,
Пусть им под снегом снятся яркие летние сны!

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Ко мне в окно стучится дождь ночной,
То что-то тихо шепчет, то бормочет,
То вместе с ветром зашуршит листвою,
Как будто мне пожаловаться хочет,
Что вот уже уходят лета дни,
Что холодит его осенний ветер,
А зимний холод, что ни говори,
В снежинки превратит дождинки эти.
Что прятаться приходится в ночи,
(Днем люди недовольны, если мокнут),
Что грустно так, хоть «караул» кричи,
И хочется поговорить немного.
И я, прильнув к холодному стеклу,
Ему шепнула: «Подожди немного,
Я с удовольствием с тобой поговорю,
Мне тоже иногда бывает одиноко.
И мы пошепчемся с тобой о том, о сём,
Поделимся обидами и болью,
Ты в ночь опять уйдешь своим путём,
И полегчает нам с тобой обоим...»

РАДУЮСЬ...

Я радуюсь жизни, я многому рада:
Весенней поре и поре листопада,
Солнечным бликам в сплетении веток,
Шуму листвы под порывами ветра,
Летнему ливню, летящему снегу,
Птичьему щебету, детскому смеху,
Лицам людей, их глазам и улыбкам,
Забытым обидам, прощенным ошибкам,
Людям любимым, хорошим друзьям,
Новому утру и добрым вестям,
Шороху листьев сухих под ногами,
Воздуху леса, что пахнет грибами,
Яркому солнцу и звездному небу,
Вкусному запаху теплого хлеба,
Белому снегу, зеленой траве,
Просто тому, что живу на земле!

ЧЕМ ПАХНЕТ ДОЖДЬ

Чем пахнет дождь? Поможет интернет.
У химиков на это свой ответ:
Он точно пахнет ПЕТРИКОРОМ:
(МаслАми, геосмином и озоном).
Такое вот научное определение,
Оно не подвергается сомнению.
А для меня – так это запах детства.
Вот дождь пошел – и замирает сердце!
Он пахнет под окошком палисадником,
И сеном, и немного лимонадом,
Цветами и травой, и синим небом,
Весенними ручьями, белым снегом,
И мокрым возле дома тротуаром,
И первым легким солнечным загаром,
Нагретою древесною корою,
Опавшею осеннею листвою...
Так вкусно пахнет только в детстве дождь!
Сейчас об этом вспомнишь – и вздохнешь...

ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Что-то случается и не случается,
Что-то нам видится где-то вдали,
Что-то сбывается и не сбывается,
Жизнь нам законы диктует свои.
 Кто-то уходит, а кто-то приходит,
 Хоть понимаем – не по пути,
 Искорку ищем на пепелище –
 Кто-то, возможно, сможет найти.
Находим, теряем, вновь повторяем
Те же ошибки, что были уже,
Обиды прощаем и забываем,
Любовь и добро сохраняя в душе.
 Живем и стареем, дети взрослеют
 И очень быстро внуки растут.
 И вновь всё случается и повторяется:
 Всё это жизнью обычной зовут...

КАК ТОРОПЛИВО МЫ ЖИВЁМ...

Как торопливо мы живём:
Мы всё бежим, спешим куда-то,
И оставляем день за днем
За страшной точкой невозврата.

И оставляем мы за ней
Всю нашу жизнь, что мы прожили,
А впереди всё меньше дней...
Зачем же мы тогда спешили?

Нам кажется, что это жизнь
Так торопливо пролетает,
А это мы спешим, бежим,
И мимо жизни пробегаем...

ЗВЕЗДОПАД

Скоро звездопад начнется в августе,
Будет небо в быстрых, ярких росчерках...
Словно небосвод фейерверком праздничным
Провожает лето этой ночью.

Я всегда смотрю на небо темное -
Вдруг в ладони звездочка опустится...
Загадаю я желание скромное,
Буду верить в то, что всё получится.

Ну а звёзды падают и падают,
Словно души близких к нам слетаются,
Прикоснуться к нашим и порадовать,
А потом домой к себе отправиться...

УТРО

Я сегодня проснулась с ощущением счастья,
И не снился мне вовсе феерический сон -
Просто были все окна распахнуты настежь,
И с мелодией птичьей ветер пел в унисон.

Он в открытые окна струился прохладой,
Развевал занавески, словно яхт паруса...
Я боялась, что счастье исчезнет куда-то,
Вдруг исчезнет, как только я открою глаза.

Сквозь закрытые веки ощущала я солнце,
Оно мягко светило, словно мне говоря:
«Просыпайся, не бойся, эта радость вернётся,
Никуда не исчезнет с наступлением дня!»

Я открыла глаза, на одну лишь открыла минуту,
Новый день начинался - и я поняла:
Счастье было и есть, чтоб быть нужным кому-то,
Чтобы жить и любить, чтобы добрые делать дела.

СЛЕДЫ НА ДУШЕ

Как боюсь я недобрых следов на душе,
Тех, что боль за собой оставляют,
Потоптались по ней – и уходят уже,
Словно в ней никогда не бывали.

Оставляют следы – кто поглубже, кто – нет,
И когда же залечит их время?
И болит, обжигает оставленный след!
Я хочу, чтоб исчез он скорее.

Чтоб его занесло – пылью, снегом – хоть чем,
Чтобы скорее дожди его смыли.
Пусть следы остаются, но только лишь тех,
Кто с добром в мою душу входили...

ПАМЯТЬ О МАМЕ

За окном побелели дома
И земля, и деревья, и крыши.
Это в город пришла зима,
Засыпая все снегом неслышно.

Сыплет снег сплошной пеленой,
Как вуаль, опускаясь на плечи.
Помню я, как с мамой домой
Возвращались мы в зимний вечер.

Так же снег был пушист и быстр,
И снежинки в фонарном свете
Нам казались тысячью искр,
Что принес нам на землю ветер.

Мы стояли, смотрели на снег,
Было нам хорошо и покойно,
И так были близки мы с ней,
Что теперь даже вспомнить больно.

Мама руки взяла мои вдруг,
Стала греть их в своих ладонях...
И тепло добрых маминых рук
До сих пор моё сердце помнит.

Молча падает снег за окном
Он такой же холодный и чистый.
И остались в сердце моем
Вечер, мама и снег пушистый.

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА МОРОЗОВА

«Родилась и выросла на Чукотке. До сих пор фотографии слезу вышибают. Оттуда и люблю ягоду морошку, шишку, бруснику, грибы, рыбу – всё из детства.

После школы родители отправили меня в свободное плавание – в Канске поступила в библиотечный техникум, так и осталось это образование со мной на всю жизнь.

После окончания техникума приехала в Мотыгинский район. В 1995 году пришла в редакцию «Ангарского рабочего, да так и задержалась здесь. Как оказалось, самое лучшее, что я могу – это работать «писателем» в газете «Ангарский рабочий». Все интересы пока там. Работаю не покладая рук.

Детей люблю, внуков, природу нашу ангарскую, а уж о работе и говорить нечего. Стараюсь с вниманием относиться к внукам, но не всегда удаётся. У них авторитет – интернет, и это никак не положительно, но поймут уже после, когда лишатся живого общения, которое нужно в любом возрасте.

Пишу стихи уже больше 30 лет».

РОДИНА МОЯ...

Ты никогда там не бывал.
Там холод, пронизанный солнцем.
И солнце садится в отвал,
С верхушки замёрзший до донца...

Туннели по тундре ползут,
В них люди грохочут кирками,
Ломая, дробя мерзлоту,
Топча Магадан кирзаками...

Ты там никогда не бывал,
Тебя не пронизывал холод,
Идущий от тундры к сердцам,
Стучащий по спинам, как молот...

От бухты Нагаевой влёт
Над городом чайки кружатся.
Не золото ищет народ,
А солнца не может дождаться...

РОССИЯ

Россия! Ты моя и сердце, и душа!
Я помню: зрела рожь в твоих полях.
Земля рожала хлеб степенно, не спеша...
А Родина стояла вся в крестах!
Герои шли на бой и гибли тут и там,
А рожь их укрывала, как могла...
И саваном стоял предутренний туман,
И красная роса на рожь легла...
Кресты над головой на храмах и церквах,
Кресты – в награду подвигам солдат...
И снова в бой они идут в горячих снах,
А ты, Россия, носишь тёмный плат...

ЗОЛОТЫЕ КОВРЫ ОСЕНИ

Какой ковёр сошьёт нам эта осень,
Не угадаешь ни за что и никогда.
Она всё золотом играет, листья косит,
И лето улетает навсегда...
Не перепутай летний зной с осенним,
Осенний – он коварен и хитёр.
Туманными пластами кроет сени,
И строит ненадёжный свой шатёр...
Пойди пройдишь, и павшими листьями,
Как прошлыми годами, пошурши...
Они летят как ласточки, над нами,
Но с ними расставаться не спеши.

Когда берёзы на закате розовеют,
То кажется: тепло недалеко,
И ветер, что повсюду веет,
Вдруг разобьёт зимы стекло...
И упадут хрустальные её замки,
Исчезнут на полях торосы,
И потекут ручьями ледники,
А завтра запоют берёзы!

Ну, кто из нас весны не ждёт,
С надеждой – в небо голубое?
А снег в горсти скрипит и жжёт...
И солнце ясное, совсем иное...

Листья тополиные, красные рябинные,
Бурые и желтые цветут...
Время листопадное – будто маскарадное,
Осень поселилась где-то тут...

Речка быстротечная – красота не вечная
Ветром унесётся в никуда.
Лето забывается, в памяти теряется,
И уже стучатся холода...

Ах, этих листьев бурная бравада
От золотистых до пурпурно-красных!
И только осенью теплеют наши взгляды,
И на душе становится так ясно.
Пусть тучи, пусть дожди всю танцуют!
Их пригласили на осенний блюз.
И музы в это время не воюют,
Являя миру радостный союз.

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА

В этом мареве белесом
Облака прозрачны стали.
Над речным крутым откосом
Ели сумрачные встали.
Вроде лето расцветает,
Вроде радует теплом,
Но ночами оно тает,
По-сибирски, с ветерком.
И качается под ветром
Ивы шалая листва,

И береза шепчет кедру:
«Заповедные места!»
Тропы ноги натоптали, -
Зарастут за ночь травой,
Здесь нет места для печали,
Здесь колышется покой.
Далеко за синь-горами,
Да за реками живём.
А зовёмся кержаками,
И тайга – нам отчий дом.

****ВЕСНА****

Раскрасить бы в розовый цвет облака,
Чтоб серость ушла с небес,
Весна чтобы пала к нам свысока
На темный таежный лес.
Ручьи бы запели и заплескали,
И птичья трель – за окном,
Мы эту весну с нетерпением ждали,
Как гостя желанного в дом.
Но плотно обложено небо всё серым,
А люди твердят – за грехи.
А как их поднять и как их измерить
На вечных весах стихий?
Наверное, если бы колокола
Звенели над Ангарой,
Тогда поменьше было бы зла
В заблудшей душе людской.
Раскрасить бы в розовый цвет облака,
Чтоб серость из душ улетела,
Чтоб солнце светило нам свысока
А небо над нами пело!

КРЫЛЬЯ ОБЛАКА

Облака летят мимо, белые,
Крылья – по небу сине-серому!
А куда вы, куда, летящие,
Может, перья у вас настоящие?
Может, птицы те перья кинули,
Да в краях недалёких сгнули.
Или крылья по ветру маются,
Где-то в стаи свои собираются,
Где-то гнезда по-птичьи сложатся;
Или Ангелы растревожатся:
Наши белые крылья теряются,
В облака на ветру превращаются...

НЕ ПРЕДАВАЙ

Я вам прохладу принесла
В своих ладонях – нате, пейте!
Её не расплескать сумеете,
Сегодня свежесть так нужна!
Я с вами искрой поделюсь
От древнего костра большого,
Частицею от искреннего Слова,
Иль ветром в души к вам ворвусь!
Мне жаль, непонимания – в достатке,
А вам удобнее, как в тине, тлеть.
И вы боитесь в пламени сгореть,
И хвалитесь дорОгой гладкой...
Но Бог простит и вам, и мне просчеты,
Он милостиво дарит шанс –
И не один, любя, – а много раз,
Но только верь, и не предай кого-то!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Я не выплачусь – осень доплачет
Проливными, косыми дождями.
Я не выкричусь – осень дозоет,
Допоёт голосами-ветрами.
То шелками березы утрется,
То листьями устанет шуршать,
И на миг это лето вернется,
И на миг это лето вернется,
Чтоб с небес нам пролить благодать.
Засинеет осколок небесный
Среди туч, среди мглы, темноты,
И исчезнет крошечная бездна
Пусть на миг, на мгновенье мечты.
И душа воспарит в поднебесье,
В райских кущах найдет свой покой...
Ничего нет мгновений тех лучше,
Ничего нет мгновений тех лучше,
Ничего среди осени той.

Позови меня, осень, в ту песню,
Позови, я пойду за тобой
По широким и серым пролесьям,
По тропинке, залитой водой.
Побегу, будто счастье мелькает
Белым платьем берез и осин.
И как ангел, на крыльях взлетаю,
И как ангел, на крыльях взлетаю.
Всей душой над пустыней равнин.

По плану осени у нас листва цветет.
Березы – в золоте, черемухи – в бордовом.
А яблоням так красное идет!
И только ели в старом платье, а не в новом.

Склонились ивы к холодеющей воде.
Еще осталась зелень на ветвях.
Но вижу: желтые их перья в сентябре
Срывает ветер, разметая в прах.

Ах, осень, осень, госпожа каприза!
Не забывай нас солнцем обласкать.
Тебе открыты на границе визы,
И всё позволено, и всё тебе под стать.

Закидывай листвой дорожки сада!
По яркому ковру иду, спеша.
А надо мною – ливень листопада,
И в осени купается душа...

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПАРАМЫГИН

«Родился 22 июня 1952 года, школа, потом работа в Юге на 4-й драге, курсы бульдозеристов, служба в МНР в Улан-Баторе, работа в экспедициях Зауральская комплексная экспедиция, Ангаро-Ленская экспедиция, в последнее время в старательской артели «Нейва», пенсия, вот и вся биография».

Смотрят памятью из прошлого портреты
На Отцов своих и Матерей,
Выполнив свой долг и ваши все заветы,
Вас ласкают взгляды сыновей.
Жаль, что вам досталась эта доля,
Молодую жизнь прожить в бою,
В подвиге заснуть на ратном поле,
Защищая Родину свою.
Прозвучит салют для вас трёхкратно,
Медь оркестра душу обожжёт,
И покой и память вам, Ребята,
Гордостью за вас сюда придёт .
И стоят рядами обелиски,
Чтоб светило солнце над землёй,
Вам поклон от нас, от сердца, низкий,
Что от зла прикрыли нас собой.

Стоит на коленях старый солдат
на поле пред памятью прошлого,
друзья здесь с военной години лежат,
их судьбы земля запорошила.
Склонился пред ними седой головой,
морщины, наполнив слезами,
и ласково гладит он травы рукой,
здороваясь будто с друзьями .

В окопах встречает его батальон
с приказом: «Ни шагу назад!»
И вот снова с ним, под прицельным огнём,
поднялся в атаку солдат.
Вьёт ветер свинцовый, и тают ряды,
и в крике осипшие глотки,
встаёт перед ними земля на дыбы,
колючкой опутаны дзоты.
Пронзённая болью царица полей,
пехота в свой подвиг шагнула,
шинелью укрывшись, была что на ней,
навек под нею заснула.
По небу разлился багряный закат
и к сердцу собой прикоснулся,
и землю прижал к себе крепко солдат,
он в строй фронтовой свой вернулся.

А звёзды салюта сверкали в слезах
и плавились в них, догорая.
«Победа!» - звучало у всех на устах,
в ней море людское без края.
И счастлив Победе и стар был и млад,
и радость пылала, как пламя,
и рад был Победе уставший солдат,
поднявший победное знамя.
У яблонь засохших вновь зацвели
войной опаленные ветви,
вновь смеху учились в те майские дни
сурового времени дети.
И крик журавлиный, и трель соловья
сливались в едино весною,
а тех, кто остался на поле, земля
укрыла в окопах травой.
И горе, и радость за общим столом,
накрытые хлебом стаканы,
и тост за Победу, но видятся в нём
там в чёрных платках чьи-то Мамы.

А годы так быстро уже пронеслись,
святая в них сердца страница,
навечно осталась их памяти жизнь
и прошлого времени лица.
А звёзды салюта вновь брызнули ввысь,
огнями безбрежно играя,
сегодня под ними мы здесь собрались,
потомки 9 Мая.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

За то, что вы были, за то, что вы есть,
За подвиг солдатский вам память и честь.
За смерть ради жизни, бесстрашие в бою,
Всегда вы живые стоите в строю.
Проходят года и столетие сменилось,
Но снова страна перед вами склонилась.
В бессмертном полку вы проходите снова,
Несёте «Победа!» Вот гордое слово.
Стоят обелиски и жизни в них повесть,
Фамилии ваши России здесь совесть.
Живые цветы преподносят вам дети,
Пред памятью вашей мы тоже в ответе.

Переплёт тонких нервов и чувств,
переплёты дорог под дождём
и осенней листвы жёлтой грусть.
Небо, птицы, летящие в нём.
Осень бродит, стучится в дома,
солнца луч закрывая крылом.
Лета выпита чаша до дна,
только память осталась о нём.
И в палитре краски все перемешает,
закачает ветер белый свет.
Мне скажи, душа, о чём скучаешь?
Почему покоя тебе нет.

Живём в уютной плесени квартиры,
лишь память бредит душу Ангара.
Давай рванём в тайгу родной Сибири,
туда, где звёзды светят до утра.
Давай рванём в разбитые дороги,
давай рванём мы в память прошлых дней,
рванём с тобой в невзгоды и тревоги
и юности оставим след на ней.
Качает ветер Удерея воды,
а он о берег катит след волной.
Сюда придём мы даже через годы,
здесь наша память, ставшая судьбой.

Нет, невозможно не любить.
Забыть нельзя, болеть лишь этим можно.
И каждый день, листком календаря,
смакуешь в памяти всё это осторожно.
Как хочется мне всех увидеть вас,
хоть шаг шагнуть, вступив на землю эту.
Отдать Сибири и друзьям любовь
и сердце распахнуть рассвету.
Хмельть от воздуха глотка,
забыться в золоте листвы осенней,
и от плывущих облаков бегут по хвойным лапам тени.
И сколько верст не важно, всё равно.
Где бы ни был, вернёшься сюда снова.
Ведь в уголках своей души,
ты лучше края не найдёшь другого.

Наползает тихо вечер тенью на порог,
я сегодня снова встречу даль своих дорог.
Буду в них бродить по травам, по росе в лугах,
и в тропинках неприметных заблужусь там в снах.
Напоит меня до пьяна аромат полей,
я укурюсь одеялом из прошедших дней.

Загляну в них из окошка, из своей судьбы,
и несут меня по свету моей жизни сны.
Набежит волна на берег вольной Ангары,
Вижу, как в тайге морозной плавят снег костры.
По дороге шёл, по свету и не знал куда,
на вопрос искал ответа, что мне жизнь должна.
Мчались годы, словно птицы, ветер вдаль их нёс,
а сегодня белый иней к голове прирос.
В этой жизни прав бывал я, чаще был не прав,
и от снов моих осталась горечь на губах.

А лето просто взяло и закончилось,
Как будто бы и не было его,
Слегка нам улыбнулось красным солнышком,
И помахав рукой - прошло.
Пришла к нам осень, как шальная женщина,
Гуляющая то с ветром, то с дождём.
И сентябрём ты в краски разодетая,
Ну а раздета будешь октябрём.
С дождём при встрече будешь плакать,
При встрече с ветром нрав покажешь свой,
С дождём дороги превратишь все в слякоть,
Укроешь с ветром золотой листвою.
В разгульном пьянстве аромата,
В нём будоража сердце, душу, кровь,
И без вины ты будешь виновата,
У всех к тебе своя любовь.
И в небе полетишь ты с птичьей стаей,
Внизу оставив свой осенний след,
И все твои убранства прикрывая,
Вслед за тобою ляжет первый снег.

АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА ПЕТРУШИНА (ХАРЛОВА)

«Я, Петрушина Анжелика Геннадьевна, уроженка города Красноярск, детство и юность прожила в Мотыгинском районе Красноярского края, где, учась в Раздолинской школе (1979-1989 гг.), начала пробовать писать сочинения стихами. Закончив в 1998 г. Красноярское краевое училище культуры, работала в Доме культуры «Горняк» пгт. Раздолинска руководителем творческого объединения и режиссером массовых мероприятий. В 1999 г. вышла замуж и уехала на 8 лет на Алтай, где работала заместителем директора по воспитательной работе в средней школе с. Казанцево Курьинского района.

Вернувшись на родину в 2016 г. вновь приступила к работе в ДК «Горняк», но уже в качестве художественного руководителя. Параллельно с этим заочно закончила Гуманитарный институт СФУ по специализации «Социально-культурная деятельность» (Бакалавр). В 2014 г. переехала жить в Красноярск, где и работаю до настоящего времени в Красноярском монтажном колледже педагогом-организатором. В 2019 г. вновь поступила в СФУ, Институт педагогики, психологии и социологии по направлению «Социально-педагогическое сопровождение индивидуальных образовательных маршрутов». В 2021 г. закончила ИППС СФУ с отличием, защитив магистерскую диссертацию по теме «Внеучебная деятельность как фактор социализации подростков с ОВЗ». В 2021 г. присвоена степень – «Магистр».

В 2015 г. в очередном сборнике «Ангарские рассветы», посвященном 80-летию Мотыгинского района, была опубликована подборка стихов с информацией об авторе.

В 2016 г. вышел сборник стихов студентов и педагогов монтажного колледжа «Проба пера», где также была опубликована подборка стихов.

Являюсь участником и дипломантом многих фестивалей, конкурсов, смотров, мероприятий районного, городского, краевого, всероссийского и международного масштаба:

2020 г. – Диплом победителя I степени серия ВО №107, Свидетельство о публикации серия СП рег.№2415 – V-Всероссийский литературный конкурс «Никто не забыт и ничто не забыто»;

2021 г. – Диплом 1 место – Всероссийский педагогический конкурс «Педагогические таланты России», номинация «Портфолио педагога-организатора»;

2021 г. – Диплом Лауреата I степени – Красноярский краевой конкурс исполнителей художественного слова, посвященный 200-летию А.Н. Некрасова, номинация: «Чтец-исполнитель»;

2021 г. – Диплом победителя I место – Заочный литературный конкурс «Все, что сердцу дорого», КГБУ «Дом работников просвещения», номинация «Учительские уроки»;

2022 г. – Диплом победителя III место – Заочный литературный конкурс «Все, что сердцу дорого» – КГБУ «Дом работников просвещения», номинация «Учительские уроки» -

2022 г. – Диплом Лауреата II степени – Красноярский краевой конкурс исполнителей художественного слова, посвященный 130-летию со дня рождения К.Г. Паустовского, номинация: «Автор-чтец»;

2022 г. – Диплом победителя – Международный фестиваль-конкурс «Арт-Магия», номинация «Художественное слово», Благодарственное письмо организационного комитета за вклад в развитие проекта, практичность в подготовке победителей проекта, г. Санкт-Петербург;

2022 г. – Диплом 1-е место – Международная интернет-олимпиада «Работа с одаренными детьми по ФГОС» – МЦОиП ;

2023 г. – Диплом победителя III место – Заочный литературный конкурс «Все, что сердцу дорого» – КГБУ «Дом работников просвещения», номинация «Уроки мудрости»;

2024 г. – Диплом победителя I место – Заочный литературный конкурс «Все, что сердцу дорого» – КГБУ «Дом работников просвещения», номинация «Уроки любви»; 2024г. – Диплом Лауреата I степени – Красноярский краевой конкурс исполнителей художественного слова, посвященный 225-летию А.С. Пушкина, номинация: «Чтец-исполнитель».

Хобби: Поэзия, художественное чтение, кулинария. Являюсь членом литературного клуба «Мастерская поэта» от краевого Дома работников просвещения.

«РОССИЯ!»

Россия!

Какая же сила, откуда-то в слове твоём?!

Россия!

Ты провозгласила девизы, в которых живём!

Россия!

Одна ты такая из стран, что на глобусе есть!

Россия!

От края до края в тебе есть и Доблесть, и Честь!

Россия!

Какая же синяя в озёрах твоих глубина!

Россия!

Ты самая сильная из всех, что хлебнули сполна!

Россия!

Какие же росы по травам твоим разлеглись!

Россия!

Берёзоньки в косы с пшеницей на поле сплелись...!

Россия!

Какая простая ты в речи народной своей!

Россия!

Навеки родная, и нет стороны нам милей!

Россия!

Какая могучая держава на шаре земном!

Россия!

В тебе только лучшее, о чём в наших песнях поём!

Россия!

Из облака белого луч солнца на купол упал...!

Рос-си-я!

На камушке мелом несмело ребёнок писал...!

Россия!

Какие просторы, где рядом луга и леса!

Россия!

Здесь реки и горы, и пляжей песчаных коса!

Россия!

Какою душою ты всех покорила вокруг!

Россия!

Гордятся тобою и верно традиции чтут!

Россия!

Надежда и Вера в тебе и, конечно, Любовь!
Россия!
Сквозь горе и скверну очистила ты свою кровь!
Россия!
Ах, сколько же смысла, казалось бы, в слове простом!
Россия!
Все думы и мысли! Все то, чем сегодня живём!

«ВО ВСЕ ВЕКА И ВРЕМЕНА...»

Вовсе века и времена
Боготворят повсюду женщин,
С тех пор, как создана Земля,
И любят их ничуть не меньше.

И вот, подумалось мне раз,
В момент, когда затихли птицы,
А кем была бы я в тот час,
Коль суждено б давно родиться?

Наверно, в первобытный век,
В момент рожденья новой эры,
Как самый первый человек
Была бы я звездой пещеры!

Могла б на стенах рисовать,
Из шкуры сделать занавеску,
Огонь умела б добывать,
По камню камнем ловко треснув.

А в Древнем Риме, быть как быть,
Была бы я верховной жрицей!
А если море переплыть —
Была б Египетской царицей!

В средневековые года,
Я б Жанной Д'Арк с врагами билась,
И лучшим рыцарям тогда
Прекрасной дамой бы явилась!

В век просвещения и наук,
Открыла б формулу известную,
Средь лучших тамошних подруг,
Была б самою Ковалевскою!

В Серебряный далекий век
Была бы королевой бала,
И как счастливый человек,
С самым бы Ржевским танцевала!

В 20-м веке, на заре,
Я б гордо шла на баррикаду,
Уже при свергнутом царе,
Шла б героиней Ленинграда!

А после, пережив войну,
В расцвете стройки жизни новой,
Чтобы прославить всю страну,
Ушла бы в космос – Терешковой!

И вот, я все же родилась,
В конце 20-го столетья,
И здесь ко времени пришла,
И смысл в этом свой, заметьте.

А смысл в том, что я сейчас
Стою звездой Мельпомены,
И видеть я могу всех Вас,
И рада этому безмерно!

2018

«ЛЮБОВЬ – ИГОЛКА»

Любовь – Иголка –
Зашью ею сердце,
Набью наголку –
Не наглядеться!

Иглою в тело –
Как в стену гвоздик.
Тобой болело,
Без диагностик.

Иглой пронзима –
Хожу, как зомби.
Внутри носимый –
Разрыв от бомбы.
 Любовь кипуча –
 Страстей осколки.
 Игла так жгуча –
 Сто ядов колючих.
Игла-булавка –
Себя пришилаю.
Любви «доставка» –
Посылка с пылью.
 В игле той нитка –
 Моя надежда!
 Твоя визитка
 Со мной, как прежде...

«ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ»

*Стихотворение в поддержку военнослужащих
Российской Армии, принимающих участие
в освободительной спецоперации на Украине*

Плечом к плечу стоят наши солдаты,
Они отваги, мужества полны,
Они – простые русские ребята,
Их долг святой – спокойствие страны!

Плечом к плечу идут наши солдаты,
Тревога за Отчизну в их сердцах,
В руках зажаты крепко автоматы,
И цель одна – Победа до конца!

Плечом к плечу бегут вперед солдаты –
Ребятам нашим смелость не искать,
И не важны им разные дебаты,
Задача из – атаку отражать!

Плечом к плечу сражаются солдаты,
Где каждый есть – России гражданин,
На битву прямо из военкомата,
Плечом к плечу, где сотня – как один!

Плечом к плечу – страна свои резервы
Сгребла в кулак из разных уголков,
И Красноярский край, конечно же, из первых
Отдал сибирских, крепких мужиков!

Плечом к плечу воюют наши парни,
Честь воина почетна испокон,
Защитники – сыны Российской армии,
Готовы постоять за регион!

Плечом к плечу... Лежат наши ребята,
Что жизнь свою за нас смогли отдать...
Пусть время остановит циферблаты,
Когда о них мы будем вспоминать...

Плечом к плечу – Россия вся едина –
Порывом, духом, волею своей!
Могучая страна, непобедимая,
Взрастит бесстрашных новых сыновей!

И вновь пойдут они и встанут рядом,
Давать отпор враждебному мечу,
Отважным многотысячным отрядом.
Россия – это МЫ – плечом к плечу!

2022

«Я – ПЕДАГОГ!»

*Петрушина А.Г., педагог-организатор, преподаватель,
КГБПОУ «Красноярский монтажный колледж»*

Мне говорят подруги и друзья,
Что поступать так с ними мне нельзя,
Что часто забываю я про них,

Что не считаю даже свои дни,
Что только о работе лишь забота...

А у меня хорошая работа!

Мне говорит народ, что в круге ближнем,
Что этот колледж не совсем престижный,
Что здесь не то развитие и прочие,
Что я напрасно трачу дни и ночи,
Что я нашла себе не знамо что-то,
Что профобразование – болото,
Что здесь рутина и не интересно...

А для меня роднее нету места!

Мне говорят знакомые, не скромно,
Что я преподаю предмет никчемный,
Что лирика сейчас уже не в моде,
Что не в почете сей предмет в народе,
Что молодежь так далека от этики,
Что ей сейчас совсем не до эстетики,
Что от студентов мне не ждать ответа...

А для меня прекрасней нет предмета!

Мне говорят родные, с изумлением,
Что не могу я жить без приключения,
Могла бы управлять в театре труппой,
А я руковожу студентов группой,
Что все они приходят с опозданием,
Что плохо все справляются с заданием,
Потом сама же буду виновата...

А у меня хорошие ребята!

Мне говорят, есть множество профессий –
Как Бог один, но множество конфессий –
Что есть места, где лучшая зарплата,
Решать проблемы – вот моя расплата,
Но я не слушаю никчемный этот слог,
И я горда сейчас, что ПЕДАГОГ!!!

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ РЯБОВ

Родился 30 ноября 1946 года в таёжном посёлке Кировске Удере́йского, а ныне Мотыгинского района Красноярского края. Окончил Южно-Енисейскую среднюю школу, получив заодно профессию шофёра-профессионала.

В 1965 году поступил учиться в Иркутское авиационное училище гражданской авиации, после окончания которого был направлен по распределению в Норильский объединённый авиаотряд, где работал авиатехником, борттехником, сменным инженером в аэропорту Валек города Норильска. В качестве члена экипажа самолётов Ан-2 и вертолётв Ми-4 облетал весь Таймыр и Таймырское побережье Карского моря.

Когда в 1973 году в Красноярском отделе милиции на воздушном транспорте создали специальное оперативно-строевое подразделение, задачей которого было противодействие воздушному терроризму, его офицером одним из первых стал Л.И. Рябов. На самолётах Ил-18 под прикрытием должности бортпроводника облетал всю территорию СССР, т.к. из Красноярска в то время самолёты летали во все крупные города Советского Союза. За время этой работы не допустил ни одной попытки захвата самолёта террористами.

В 1975 году Леонид Иванович перешёл на оперативную работу в криминальную милицию, где прошёл путь от инспектора до начальника отделения борьбы с хищениями социалистической собственности. Десять лет с 1979 по 1989 год занимал должность начальника криминальной милиции — зам. начальника ЛОВД на воздушном транспорте.

Девять лет с 1989 по 1998 год он работал в должности начальника ЛОВД на станции Красноярск. Вывел это головное подразделение милиции в число передовых в Сибирском УВД на транспорте. Став инициатором создания роты сопровождения поездов сотрудников милиции за счёт Железной дороги, Л.И. Рябов покончил с разбойными нападениями на пассажиров поездов Красноярского Управления. Эту инициативу отметил Министр внутренних дел страны, а Министр путей сообщения присвоил полковнику милиции Л.И. Рябову звание Почётного железнодорожника.

Леонид Иванович был одним из родоначальников службы судебных приставов, которая в 1998 году создавалась в Красноярском крае. В 2001 году он занял пост руководителя Управления Федеральной службы судебных приставов РФ – главного судебного пристава Красноярского края. За девять лет на этой должности выстроил всю инфраструктуру Управления и её территориальных органов на всей территории края, создал коллективы квалифицированных кадров судебных приставов, которые своей успешной работой подняли авторитет Службы судебных приставов в глазах руководителей Красноярского края и Министерства юстиции РФ, а главное, в глазах населения края, нарушенные права которого стали активно защищать судебные приставы. За эту организационную работу руководителю Управления – главному судебному приставу Красноярского края Л. И. Рябову 3 августа 2003 года Указом Президента Российской Федерации был присвоено генеральское звание действительный государственный советник юстиции третьего класса.

За безупречную службу Л.И. Рябов награждён 16-ю медалями, он награждён также нагрудными знаками «За отличную службу в МВД» и «Почётному железнодорожнику», «За верность долгу службы», «Почётный работник Службы судебных приставов».

Л.И. Рябов – не только высокопрофессиональный и компетентный работник, но и просто интересный человек. Он любит посидеть в тишине на берегу с удочкой, пишет стихи, которые публикуются в сборниках поэтов Красноярского края. На стихи Рябова написано десять песен, одна из которых вошла в антологию лучших песен красноярских авторов за последние 50 лет.

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

Нам дороги армейские все даты,
Но ветеранам дороги вдвойне.
Войны минувшей старые солдаты
Сегодня вспоминают о войне.

Забыть нельзя боев жестоких раны
И редкую на фронте тишину.
Об этом вспоминают ветераны -
Бойцы наших прославленных «катюш».

В суровый час и мирных этих летах,
Звучало слово НАДО, как приказ.
От вас мы принимаем эстафету,
Стремимся быть похожими на вас!

Спасибо вам, за подвиг ваш бессмертный!
За ныне героический ваш труд!
Всю вашу жизнь какой измерить мерой?
Чтоб в вашу честь всегда гремел салют.

ДАВАЙТЕ ПОМЯНЕМ ГЕРОЕВ

Сколько дней уж прошло с той войны
Ну а помнят её наши раны.
Воевавших отцов их сыны
Называют теперь – ветераны.

И бежит по щеке вновь слеза
В этот радостный мир наш весенний
А мне снится война, а мне снится гроза.
Хоть давно уже я не военный.

Сколько мы прошагали дорог,
Что прошли мы с боями к Берлину.
У войны, как и жизни есть срок,
Показался он нам очень длинным.

Тяжело нам те годы дались,
Много пало из нашего строя.
Мы не зря за Победу дрались!
Так давайте помянем героев!

ИЗВИНИ!

Мне корить тебя совсем не просто,
Извини, что я не смог простить!
Разбираться нам теперь уж поздно,
У Судьбы мне счастья не просить.

Знаю, будет трудностей немало,
Путь тернистый выбрал я теперь.
Жизнь свою опять начну сначала,
Но в какую мне стучаться дверь?

Очень много было за плечами,
Что Судьба могла мне принести.
Нынче я бессонными ночами
Вспоминаю радости свои.

Мне б судить тебя за все, что было,
Но я сделать это не могу.
Моё сердце в феврале остыло
И грустит на мартовском снегу.

Может быть вернусь к тебе... не знаю?
В зимний день, весной, иль в листопад.
Адрес свой тебе не оставляю,
Наши чувства не вернуть назад.

ИСПОВЕДЬ

Будет день, наступит божий суд,
Мне придется вспомнить о былом.
Подытожить трудной жизни путь,
Рассказать о времени своем.

Да, я в жизни что-то проглядел,
Да, я сделать многого не смог.
Не успел, но это не предел
И пока что жизни не итог.

Память о родителях светла,
С тихой грустью в сердце берегу.
Долг святой душевного тепла
Им отдать теперь уж не смогу.

Я под звон колоколов клянусь,
И с душою светлою молю:
Пред тобой я чист, святая Русь,
Не отвергни исповедь мою.

ЛЮБОВЬ НЕ ДЕЛИТСЯ НА ДВА

Любовь не делится на два,
Она бывает лишь однажды.
И пусть седая голова,
Вот их седых пусть будет дважды.

И так бывает иногда,
Полвека за спиной промчалось.
Что нам теперь свои года -
Считать, и что ещё осталось.

Осенний лист зашелестит,
И ляжет рядышком с туманом.
О той ли юности грустит,
Что промчалась у нас дурманом.

Что было, то уже прошло,
О нём печалиться не надо.
Другое время к нам пришло
Оно пусть будет нам наградой.

За годы те, что без любви
Прошли в трудах в семейном круге.
За всё, что сделать мы смогли,
И за мечты о верном друге.

Присядем рядышком вдвоём,
Прижмёмся, взяв друг друга руки.
Пусть осень шелестит дождём,
Не думая о днях разлуки.

Нам каждый день и каждый час,
Бесценно дорог, но он краткий.
И пусть любовь живёт сейчас,
Приятен миг нам без оглядки.

Осенний дождь очистил Души,
Сомнений прежних и утрат.
Глаза раскрылись, слышат уши,
Любви и нежности парад.

О СУРИКОВЕ

В Красноярском могучем крае
Есть приметы известных людей.
Кто навечно здесь славу оставил
Вплоть до наших, сегодняшних дней.

Здесь родился великий Суриков.
Здесь учился и «встал на крыло».
Пролетели столетия бурями,
Но, а имя его не ушло.

Первой вехою стала икона,
Что художник сумел написать.
А потом уже с этого трона
Всех картин своих выстроил рать.

В тех полотнах великая сила
«Ярых сердцем» своих земляков.
Блеск таланта его отразила
То, что всем нам понятно без слов.

Мощь и удаль от нашей природы,
От казачьих могучих корней.
У сибирского сильного рода
Не бывает других сыновей.

Наша гордость жива земляками.
Их талантом, великим трудом.
Имена их всегда рядом с нами
И незримо идут в каждый дом.

От студёной воды Енисея,
От бескрайних сибирских широт
Есть надежда - таланты лелея,
Здесь достойная смена растёт.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Я всю жизнь ни о чем не жалею,
Жизнь, наверное, мне удалась.
Но судьбу я корить не посмею,
Она вместе со мной родилась.

Годы шли и сменяли друг друга,
Вместе с ними менялся и я,
Но мечтал затянуть я подпруги,
И умчаться, где юность моя.

Время шло неизменной рутинной,
Всё вложил я в работу свою.
Жизнь мою рисовала картину,
Что теперь при себе я храню.

Голова от раздумий в сединах,
И походка давно уж не та.
Где теперь в моем сердце гордыня?
Ты со мною была иногда.

Будь, что будет! И грустью проходит!
Время мало, но все ж, оно есть!
Пусть помедленней годы уходят,
Берегут мне здоровье и честь!

ВОЛШЕБНАЯ СТЕЗЯ

Встреч восторг, восторженных желаний,
Испытать нам вдоволь довелось.
И теперь полны воспоминаний,
Что у нас и было, и сбылось!

Снова ночь и снова сна немного
Так часы стремительно бегут.
Снова лишь одна у нас дорога,
И пока нелегкий держим путь.

Будут плыть закаты и рассветы
На «святой» реликвии у нас,
Но твой носик, спинкой подогретый
Мне сопит ночами томный вальс.

Всё, что есть и всё, что в жизни будет,
Загадать желание нельзя.
Сердце этой Сказки не забудет —
Такова волшебная стезя!

ОТЧИЙ ДОМ

В родном посёлке
есть наш отчий дом.
Стоит в сторонке он,
на берегу реки.
Нельзя забыть,
как жил я в доме том,
И не унять
теперь о нём тоски.

Ушёл полсотни лет
с его крыльца
Строитель дома —
наш родной отец.
Осиротело всё
здесь без отца,
Какой бы не селился
в нём жилец.

Разъехались из дома
все жильцы.
Теперь мы
только гости у него.

В нём нет возможности
подольше погостить.
Судьбою видно
так уж суждено.

Идут года,
весь в думах о былом,
Стоял пустой
и даже стайкой был.
Уже скрипит
наш отчий старый дом,
Но прошлой жизни
он не позабыл.

Погладить стены,
в окна заглянуть.
Пройтись по комнатам
родимого гнезда,
Родных своих
в том доме помянуть,
Вот только эта
и осталась нам мечта

ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ САВАНОВИЧ

Биография простая
Как страна моя родная;
Где родились и трудились.
Родиной всегда гордились.
И куда нас посылали –
Все задачи выполняли.

«Родился в г. Днепропетровске 26 октября 1932 года в семье рабочих. Детство и юность пришлось на военные и послевоенные годы. В 1941 году окончил 1 класс. Похвальную грамоту вручали под бомбежкой. В связи с тем, что отец работал на оборонном заводе, не успели эвакуироваться и попали в оккупацию. Вместе с матерью чудом избежали отправки в Германию.

После окончания средней школы поступил в Днепропетровский горный институт, который окончил в 1956 году по специальности «инженер-геолог». По направлению приехал в Удере́йский (ныне Моты́гинский) район Красноярского края. Жизнь и трудовая деятельность с 1956 по 1994 годы неразрывно связана с геологией и Ангарской геологоразведочной экспедицией.

Наиболее существенным и результативным в своей работе считаю составление геологических карт, порой в очень трудных по геологическому строению районах и в отдаленных местностях, а также выполнение первого бороздового результативного опробования, заложение, опробование первой скважины глубиной 156 метров на Горевском месторождении (название «Горевское» было принято в моем варианте, а не «Глазыринское»).

Многo открыты рудопроявления полиметаллов на реках Петрищева, Картина, Сухой Пит. С моим участием установлены геохимические аномалии на реках Долгой, Блохиной. Кроме того, на стадии геологосъемочных работ с моим участием открыты рудо проявлен, золота, галенита, сурьмы, ртути.

Являюсь ветераном труда, награжден медалями «За доблестный труд» и «За трудовую доблесть», многократными грамотами Красно-

ярского геологического управления и Ангарской геологоразведочной экспедиции. С 1994 года, после ухода на пенсию, проживаю в г. Новосибирске.

Во всех трудах, невзгодах и радостях меня постоянно сопровождает жена и друг – Саванович (Добрякова) Мария Иосифовна.

О своей нынешней жизни скажу кратко:

... Как Пастернак возделываю грядки,

Мурлычу песни и стихи пишу».

А. Г. Саванович.

15 июля 2003 года.

Литературная страница

газета «Ангарский рабочий» от 2 сентября 2003 г.

КРАЙ РОДНОЙ

Часто снятся дни из жизни прошлой –
Скальный берег дивной Ангары,
Лесенка крутая у насосной,
А внизу – рыбацкие челны.
Кто-то чистит свежую рыбешку.
Тот за ягодою плавал в острова,
Подрулил к нам с пенною дорожкой –
Вал на берег погнала волна.
Край родной, красивый, незабвенный
Счастлив тот, кому пришлось в нем жить,
Даже на любой другой планете
Нету сил Мотыгино забыть!
А вокруг все сказочные горы:
Красный камень. Гребень,
дальний Бык,
Ширь реки сродни иному морю,
Лишь не замечает, кто привык.
Кажется, что солнце тут нежнее.
Воздух чист и бесконечна даль,
Утра тихие, а вечера милее,
И годов прожитых тут не жаль.
Край родной, красивый
незабвенный.

Счастливей тот, кому пришлось в нем жить.
 Даже на любой другой планете
 Нету сил Мотыгино забыть!
 Жаль, что это все не повторится –
 Молодость второй раз не придет.
 Но вином былым бокал искрится –
 Терпкий вкус удачи не уйдет!
 Тем и живы. Дай кому-то, Боже,
 Побывать, как нам. На Ангаре.
 Стали бы они счастливей тоже,
 Подышав озоном на заре!

На берегу реки сибирской,
 На кряже, средь глухой тайги,
 Лаская глаз картиной мирной,
 Родные улицы легли.
 Там берег крут у Ангары,
 Там подступают в дымке горы,
 Как будто дремлют до поры
 Тайги бескрайние просторы.
 Рай тишины – там нету звона,
 Там лёгкие не душит смог,
 Там море чистого озона,
 Уют просёлочных дорог.
 Снега белы, прозрачны воды,
 А недра – непочатый край.
 Лесов хватило б для народа,
 Лишь по – хозяйски выбирай.
 Туда труды пути – дороги,
 Туда не ходят поезда,
 И только смелых манят боги
 Да открывателей звезда.
 Привет, Мотыгино, Мотыгино,

Легенда милая моя,
 Страна снегов, лесов, топыгиных,
 Где век живут мои друзья.
 Течение жизни не торопят,
 Работают, как черти. Пьют,
 Всю жизнь зачем-то счастье копят
 И песни грустные поют.
 А жизни тут расклад таков,
 Как будто в Нерчинске и
 Шилке.

Недаром испокон веков
 Считался край пригодным
 к ссылке.

Века плывут мимо причалов,
 Как будто лёд на Ангаре.
 Хранит Мотыгино начало
 С казачьей вышки на горе.
 Живи, Мотыгино, Мотыгино,
 Легенда милая моя,
 Не быть Сибири без Мотыгино,
 Уж это точно знаю я.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ СЕМЕНОВ

Анатолий Иванович родился 12 июня 1942 г. в Красноярске. С 1961 по 1964 годы служил в ракетных войсках. Встретив свою первую любовь, в 1965 году начал писать стихи. В 1970 году окончил музыкальное училище и всю жизнь (33 года) посвятил работе с детьми.

ОТКРОВЕНИЕ

Надо мною бездна – неба ширь...
Вьется под ногами вдаль тропинка...
Тороплюсь к тебе, моя Сибирь,
Потому что я – твоя песчинка.
Здесь я рос. Отсюда стгоряча
За мечтой ушел бродить по свету.
Очень по тебе, Сибирь, скучал,
Понял, осознал ошибку эту.
Я к тебе, Сибирь, вернулся вновь,
Дорогая, милая, родная!
У меня к тебе, Сибирь, любовь
И она взаимная, я знаю.
Всех красот твоих не перечесать,
Ибо ты, Сибирь, так велика!
Я горжусь, что выпала мне честь
В звании ходить сибиряка.

ЗАДУМАЙТЕСЬ

Дорогие женщины, мужчины,
Разница в нас – внешность, имена.
Вдумайтесь: ведь просто нет причины
Разделяться – внутренность одна.
Ум наш, правда, ищет приключений,
(В этом есть одно большое «НО»)
Но зато, без всех ограничений,
Остальное поровну дано.
Ну, задумайтесь

серьезней и поглубже:
Мы как лампочки,
но с разным напряжением.
Вы поймете и начнете сразу, тут же
Относиться к ближним
с большим уважением.
Вот «ушел» наш близкий, дорогой...
Мы скорбим, мы плачем безутешно.
А когда был рядом, был живой,
Зачастую вместе было «тесно»:
Так не лучше ли, пока мы живы, в силе,
Уважать, любить друг друга крепче,
Чтоб потом и мы, и нас простили,
Чтоб расставаться было легче.

О СУДЬБЕ

Судьба. Это что – приговор,
Который нельзя обойти?
Невидимый глазу забор,
Стоящий на нашем пути?
Конечно же, это не так.
Судьбу свою сами решаем.
Но вот интересно мне: как
И чем на судьбу мы влияем?!

Все просто: от мыслей – дела,
Делами вершишь поведенье...
Что дальше? Тропа привела
К характеру. Вот объяснение:
Характер судьбу исправляет,
Характер судьбу наполняет,
В характере – сила и соль,
Судьба без характера – ноль.
P.S.

*Здесь просто не может
быть вывод иной:
Хороший характер –
с хорошей судьбой.*

МАМА

Не знаю милее и ласковой слова.
Готов повторять его снова и снова.
Ведь в нем целый мир,
Все мечты, все надежды!
Об этом не знают лишь только невежды.
Работала ты за себя и за мужа,
И мужнину роль исполняла не хуже.
Детей поднимать трудновато одной,
Но ты не была недовольна судьбой.
А сколько любви ты дала нам, родная,
Ночами и днями покоя не зная!
Я вырос. И что же?! Тебя не забыл:
Везде и повсюду тобою я жил.
Теперь тебя нет. Но ты в сердце моём,
И мы, как и прежде, с тобою вдвоём.
В любви материнской огромная сила,
Пусть будет такой же любовь и у сына.
Любите, сыны, своих мам и лелейте,
Ни время, ни сил для них не жалейте.
Все сделайте, чтоб не сверкнула слеза,
Чтоб радостью наполнились мамы глаза.

АХ, ВРЕМЯ!

Ах, время, время! Как ты быстротечно!
Когда же ты успело так шагнуть?
Зачем безжалостно и бессердечно
Ты сокращаешь жизненный мой путь?
Ах, время. Ты летишь
со скоростью ракеты,
И надо бы тебя «притормозить»,
Да вот беда – найди попробуй, где ты,
Чтоб по душам с тобой поговорить.
Я знал и знаю: человек не вечен.
Не может быть начала без конца.
Но, как и все, был чересчур беспечен –
У молодых – горячие сердца.
Пришла пора и надо подытожить,

Что сделано во благо всем, что нет.
Должно же нас
хоть в старости тревожить,
Какой характер приобрел за столько лет.
Познал ли – кто ты, для чего живешь?
Познал ли, что земное – эфемерно?
И если нет – цена тебе лишь грош.
Обидно? – Да, но и закономерно.
Хочу сказать я этими словами:
Не будем тратить время вхолостую,
Иначе пожалеть мы можем с вами,
Что не poznали Истину простую,
А Истина она у всех одна.
Она и в молодом, и в старом теле.
Глазам она, конечно, не видна, -
Душа зовут ее на самом деле.

РЕЧКА ТИНКА

В небе полная луна
Светит не насветится.
Нам двоим она нужна,
Чтобы легче встретиться.
Там, где словно паутинка,
Тихо льётся речка Тинка.
Льётся, извивается и вдали
теряется.
Мы пойдем за поворот
Посидим под соснами.
Будем ночку напролёт
Любоваться звёздами.
Ах, как ночка хороша
И сосна зелёная.
Это чья поёт душа
Счастьем опьянённая?
Там, где словно паутинка,
Тихо льётся речка Тинка.
Льётся, извивается и вдали
теряется.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА ЧЕРНЯВСКАЯ

Ольга Андреевна родилась 6 марта 1948 года в Бурятии. В 1961 году переехала в Первомайск Мотыгинского района, где окончила 9 классов. В Кировградском училище получила специальность «штукатур-маляр-плиточник». В 1979 году переехала с семьёй в Орджоникидзе, где проживает и сейчас. Стихи начала писать в зрелом возрасте для друзей и знакомых. Затем стали появляться и песни. Любит готовить, стряпать с внуком. В свободное время занимается изготовлением поделок из корней и сучков. Участница группы «Сударушка». Главное в жизни Ольги Андреевны – это семья, любовь к песне.

ГРУППЕ «СУДАРУШКА»

Так у нас уж повелось-
 Каждый праздник в клубе
 Вам «Сударушка» поёт,
 Дарит радость людям!
 Столько песен накопили,
 Что их сразу и не спеть!
 Они чтобы зазвучали-
 Их с душою надо петь...
 Как зальётся соловьями,
 Что веселья не сдержать,
 А частушек столько знают,
 Так и хочется плясать!
 Песня тихо полилась-
 Значит надо слушать-
 Наши женщины в неё
 Вложили всю душу...
 В этой песне – звон ручья,
 Девичьи страдания,
 В этой песне грусть, печаль,
 Милому признание...

РЕЧЕНЬКА (песня)

Была непослушной девчонкою
В любовь беззаветно я верила,
Летела к нему белой птицею,
Судьба мне другое отмерила.

Припев:

Я реченька глубокая,
С тобою заодно,
Ты спрячь подруга-реченька,
Печаль мою на дно.

Я речке молитву шептала,
Просила: «Меня пожалей»,
Но тихо вода прожурчала:
«Подружка, дождись лучших дней...»

Припев.

3. Любовь унеслась – не воротится,
Сердечко затронула нежное,
А с реченькой, милой подруженькой,
Грустим мы вдвоём по-прежнему...

Припев.

Я ВЕРЮ В ИСКРЕННИЙ СМЕХ (2008 г.)

Я верю в искренний смех,
Верю в удачу, успех,
Верю – плохое пройдёт,
Счастье, как капля дождя,
На руку мне упадёт.
Каплю в руках отогрею,
Счастье хранить я умею.
Буду, как око, беречь.
Многого мне и не надо,
Только тепло родных плеч.
Буду улыбки дарить,
«Здравствуйте!» - всем говорить.
Смейтесь! Ведь это не грех!
Я верю в искренний смех!

СТОИТ ПОСЁЛОК НАД РЕКОЙ (2021 г.)

Среди густой тайги зелёной
Стоит посёлок над рекой,
Живёт народ у нас весёлый,
Трудолюбивый и простой.

Здесь в ссылке был Орджоникидзе,
Здесь жизнь неспешная текла,
Простая женщина-соседка
Ему свежайший хлеб пекла.

Тогда посёлок и не знал,
С каким героем пришлось знаться.
Был Потоскуем много лет,
Стал именем его он называться!

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ШУКАН

«Родилась в п. Первомайске Мотыгинского района. Окончила Первомайскую среднюю школу, затем Рыльское авиационно-техническое училище гражданской авиации по специальности «техническая эксплуатация наземных радиосредств самолетовождения и посадки». Работала в аэропорту города Кутаиси (Грузия). Вернувшись в Красноярск, несколько лет работала бортпроводником, а затем риэлтором в агентстве недвижимости «Кром», была руководителем правобережного филиала. Сейчас на заслуженном отдыхе.

Являюсь добровольцем ДПСО «ЛизаАлерт», направление информационная группа, позывной «Кисточка». Позывной говорит сам за себя – я рисую. В 2024 году моя картина «Найден, жив» стала обладателем приза зрительских симпатий в Третьем Международном конкурсе живописи «Лики Ангелов мира», ей я посвятила это стихотворение:

Ангел мой, как хочется спать...
Я устала. Уйду, наверное.
Уходи. Другие придут помогать
Голосами, ногами, нервами.

Помогать тому, кто бродит в ночи
И не помнит дороги домой.
Помогать тому. Кто остался без сил
И упал на опушке лесной.

Ангел мой, как хочется спать...
Подожди, ожил телефон.
Чат. Заявка. Кнопка «принять».
Лес. Ребенок. Растаял сон.

Кофе литрами и десятки звонков.
Экипажи уже в пути.
Точка штаба, квадраты, задачи, лес просыпается от голосов...
Подожди, а как же уйти?

Нет, мой Ангел, пусть каждый вернется домой.
А мы будем с тобой помогать.
Стоп по поиску! Найден! Живой!
Крась оранжевым. Можно спать».

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЮЖАЛИН

Иногда явления природы вызывают такое состояние души, которое композитор передает в музыке, артист – в танце, а поэт понимает, что никакие рифмы не передадут точно все, что кроется за словами, и переходит на белый стих. Как Валерий Анатольевич Южалин. Сам о себе он написал так: *«родился в 1951 году в г. Новосибирске. После службы в армии в 1976 г. приехал в Мотыгинский район. Увлекаюсь рыбалкой. По случаю пишу статьи на актуальную тему в районную газету. Стихи случились неожиданно. Пишу о том, что чувствую. Природу надо увидеть и почувствовать».*

СНЕГОПАД

Зимняя пора – очей очарованье!
Вокруг тебя белым-бело.
Идёт снежок в режиме снегопада,
Как будто шьётся зимняя одежда для земли.

Это чудная картина природного явления.
Снежок пушистый ложится наземь равномерно,
При этом вместе с ветерком в падении
Танцует в ритме вальса.

От этой картины глаза и уши настраивают твою душу,
Ведь ощущение присутствия на концерте,
Ты чувствуешь, как на лице снежинки тают,
Как будто сахарная пудра на губах.

Бывает, ты в плену у снегопада,
Вокруг нет ничего, кроме снежного тумана.
Подобное пленение –
Радость для души и долгое воспоминание.

Порывы ветра немного омрачают,
Ведь мелодия слышится иная,
Но картина восприятия всё та же.
Твою душу завораживает падающий снег...

Я ИДУ ПО РЕКЕ

...
Я иду по реке, по зимней тропе. Под тропею она – родная река. Снежной шубой одета, теплым именем названа. Это она, мать-река Ангара.

Я иду по реке, впереди острова. Они, как река, любовью обогреты, снежной шубой одеты. Между ними протоки всегда ждут рыбака.

От рыбацких шагов оживает река. Я иду по реке, по рыбацкой тропе. А вокруг широта и такая тишина!

Солнце выплыло с востока, осветило все вокруг. А река своею безликой отражается в глазах.

Иногда бывает так, что кругом один туман. Все теряется порой, потому что он густой. Туманы разные бывают – морозный, влажный, снеговой, иногда в глазах иной. В такой миг у рыбака ощущение такое, что он на планете другой. А планета дом-Земля далека от него... Интересный миг судьбы – ощутить отрыв от дома. Но рыбак не унывает, так как знает, что у него навигатор под ногами – называется тропа. И она, как всегда, приводит к месту рыбака, где начинается работа под названием игра.

А пока в уме, что - да, приближается весна, между мартом-февралем начинается борьба. Утром – зимняя пора, а днем – долгожданная весна. Это чувствует рука – помощник рыбака. Ну, а запахи реки подтверждают, как всегда.

Эта чудная пора хороша для рыбака. Есть надежда у него, что наловит по душе ельца, сороги, окуней и, возможно, харюзей. Привлекает Ангара не только рыбака. Приплывает сюда и енисейская кумжа, эта рыба хороша, интересная она. Своим видом среди всех выделяется всегда.

Ангара – это щедрая река, и природной красотой привлекает гостей. Взаимность эта быть должна. Но что же требуется от рыбака? Ведь ты дитя, а она кормилица твоя. И все желания твои исполняет река. Любить – конечно это слово и чтобы это исполнять, душа твоя должна гореть любовью в жизни к ней...

ЛИТЕРАТУРНЫМИ ТРОПИНКАМИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Литературная страница газеты «Удере́йский рабо́чий»

И. ЛАПШИН. О РЯБИНУШКЕ

Ты стоишь нарядная, самая красивая,
По весне играя яркими цветами.
Ты любви поклонница, значит, и ревнивая –
Всего не расскажешь о тебе словами.
Все тобой любуются по России вольной
На побережьях Волги, в горах Енисея,
На ангарских сопках Сибири привольной,
Где на новых землях люди счастье сеют
И окончив труд свой, славные ребята
Песню о рябинушке поют по баян.
А она, нарядная, смотрит виновато,
Что её так любит русский великан.
Прогуляйся, девушка, выйди за околицу,
К той рябине дальней, что стоит у ивы.
Ждёт тебя там парень, хочет познакомиться,
Говорят, он дельный и собой красивый.

23.01.1960 г. Мотыгино

ОСИНА

Тёплый дождик над тайгою
Кристаллы алмазов на сосны
надел,
Касаясь по веткам волною,
Ветер звонкую песню запел.
И под звуки той песни весёлой
Закружился лесной хоровод,
Только вид у осинушки хворый,
Нелюбимой на свете живёт.

Потому видно, летними днями
От обиды осина дрожит
И, шепча постоянно листьями,
Никогда в своей жизни не спит.
Лишь осень однажды сумела
В нарядное платье осину одеть.
Дятел слышал, как бедная пела,
Стала зорькой вечерней гореть.

18.11.1961 г. Мотыгино

В. БУХАРОВ. УТРО НАД АНГАРОЙ

Выходит утро из-за леса.
Ожил прибрежный тёмный бор.
Туманов белая завеса
Укрыла склоны дальних гор.
Нагнулись тонкие берёзки
Над тихой утренней водой
И, словно девушки причёской,
В воде любят себя собой.
Восток пожаром вспыхнул будто,
Поднялись гуси над горой.
Я каждый раз такое утро
Люблю встречать над Ангарой.

18.11. 1961

А. МАТВЕЕВА. ГЕОЛОГИ В ПУТИ

Июньским солнцем опалены лица.
Рюкзак тяжёлый, компас, молоток.
И хочется чуть – чуть остановиться,
Но путь пролёт далёко на восток.
К местам, что в синеватой дали
От глаз людских упрятаться смогли.
Геологи их тайну разгадали
И на разведку в те края пошли.
По мшистым дебрям и порой без тропок
Проходят дни в томительном пути.
Тому же, кто душой труслив и робок,
С геологами лучше не идти.
Вот перевал, другой и третий пройден,
Тот перевал пройти – и цель близка!
Давно уж к вечеру склонился полдень,
Багрянцем покрылись облака.
Привал желанный на краю уступа,
И день торопит свой усталый бег.
При мысли, что далёкое – доступно.
Становится счастливым человек.

18.11.1961 г. Мотыгино

ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

В жизни, как не хочешь, а случается,
Через много – много долгих лет
Вместо лент в косу твою вплетается
Нитями серебряными снег.
Помню детство безвозвратное, родное,
Руки матери на мягких волосах,
Нежную заботу, небо голубое
В материнских ласковых глазах.
Те же самые рябинки и аллейки...
Лишь другие листья на ветру...
Те же старые знакомые скамейки
Тем же солнцем обогреты поутру.
Детство пролетело... Чередой
Юность засмеялась, обняла,
Хорошо! Не пролетела стороною
И меня с собою увлекла.
Отшумела, быстрая, проворная...
Всё ж горит румянец на щеке.
Где-то песня слышится задорная,
Постепенно умолкая вдалеке.
Осень запылала ярким пламенем
Воду золотом украсила в пруду.
Как в мечте далёкой, вспоминая давнее,
Вспоминая прошлое, по тропе иду.
15.07.1961 г. Мотыгино

СТИХИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ («Северо-Ангарский рабочий»)

В. КОВЯТКИН. АНГАРСКИЙ ВАЛЬС

Курится белая дымка
Над своенравной рекой.
Песня взлетит невидимкой,
Ну-ка, дружище, запой.
Ангарский вальс
Играют для нас.

Станцуем, друзья, и споём...
Ангарский вальс
Станцуем не раз,
Любимая, только вдвоём.
Пусть Ангара отголоском
Нам подпоёт в вышине.

Тайга в одеянье неброском
Светла вся при луне.
Ангарский вальс
Играют для нас.
Баян с перебором поёт.
Ангарский вальс
Станцуем не раз:
Баян и поёт, и зовёт.
Пары расходятся тихо,

Слушает их Ангара.
Может быть, спичка где вспыхнет,
Алеет в полнеба заря.
Ангарский вальс
Играют для нас.
Шепчет тихо волна.
Ангарский вальс
Станцуем не раз:
Молодость счастьем полна.

31.08.1963 г. Южно-Енисейск

Ю. РЯБКОВ. ГУСИНЫЙ ПЕРЕЛЕТ

Над Раздолинском гуси летят
Длинным клином к теплу и воде,
И о чем-то гортанно кричат.
Крик их – песнь о грядущей весне.
Над горами летят, Ангарой
И над Рыбною речкой моей,
И блесстит впереди за горой
Им красавец лесной – Енисей.
Старики – в острие косяка...
К югу, к югу, скорее вперед!
Разлилась темным морем тайга.
Труден стаи гусиной полет.
Люди, головы вскинув, стоят,
Провожают гусей в перелет.
Над Раздолинском гуси летят...
Как красив их извечный полет!
12.09. 1968 г. Раздолинск

ЛАРИСА СМЕРНОВА. ВЫПУСКНИКИ

Уже дописаны все формулы.
Подснежники дрожат в руке,
И кто-то: «До-свиданья, школа!»
Выводит мелом на доске.
Забыв о шумных школьных спорах
И словно сразу став взрослее,

Идем по длинным коридорам
Мы на последнюю линейку.
Мы так взволнованы и радостны,
Как никогда за десять лет.
Цветы нам дарят первоклассники,
Мы улыбаемся в ответ.
Ведь, кажется, недавно в «классики»
Играли, бегали вперегонки
Вот эти девочки и мальчики,
Теперь они – выпускники.
Здесь десять лучших лет оставлено
И, как предвестник всех дорог,
А впереди еще экзамены
На выбор верного пути.
И важную такую формулу,
Ту, по которой надо жить,
Шагнув вперед из двери школьной,
Самим придется выводить.
Да, мы уходим и прощаемся.
И, как предвестник всех дорог,
Что перед нами открываются,
Звенит последний наш звонок.

01.06.1968 г. Южно-Енисейск

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «АНГАРСКИЙ РАБОЧИЙ»

А. ЗАХАРЧЕНКО. ГЛУБИНКА

Здесь дома, как дивные картинки,
Здесь кругом небуженная тишь.
Что же ты грустишь, моя глубинка?
Что же ты, родимая, грустишь?
Отчего печалишь окна-очи,
Отражаясь в мареве реки?
Может, вспоминаешь днем и ночью
Давние, веселые деньки?
Помню я тебя совсем другою,
Хоть и было дел неупорот:

С зорькою вечерней над рекою
Девушки водили хоровод.
А на дальней, помнишь ли, лужайке,
Лишь настанет летняя пора.
До утра звенела балалайка
И гармошка пела до утра.
Отзвенел гармошки звонкой голос,
Что над сонной улицей лился.
Тот уехал из деревни в город,
Тот в районный центр подался.
Только не суди себя невинно,
Горьких слез, пожалуйста, не лей:
Мы еще поспрадуем, глубинка,
На притихшей улице твоей.

МНЕ ОПЯТЬ ПРИПОМНИЛОСЬ...

Мне опять припомнилось былое
Яркий луг в июльской синеве
И девчонка – платье голубое,
Бабочкой порхает по траве.
То вдруг засмеётся звонко-звонко,
То притихнет, словно затаясь.
И горят девчоночьи глазёнки,
Синевой небесною искрясь.
На неё глядел я оробело
И средь той июльской синевы
Мне она казалась королевой
Солнца, неба, света и травы.
Мне она, смеясь, рукой махала,
И кричала весело: «Лови!»
Может быть, тот день и был началом
Нашей непростой такой любви?
Счастлив я вполне своей судьбою
И любовью новою вполне...
Только что ж ты, платье голубое,
До сих пор тревожишь душу мне?

06.11.1989 г.

Ангарские рассветы: литературно-художественный альманах;
Вып. 5 /МБУК «МБС» Мотыгинского района; составитель
И. В. Мазурова. – Мотыгино, 2025

При составлении сборника использованы материалы
газеты «Ангарский рабочий»,
групп в ОК «Малая Родина» и «Енисейский край»,
сайта «Проза.ру».

Цветная лазерная печать. Офсетная бумага 80 г/м².
Отпечатано КГАУ «Редакция газеты «Ангарский рабочий».
663400, Красноярский край, Мотыгинский МО, г.п. Мотыгино,
Ул. Центральная, 8а.
Тираж 40 экземпляров.